

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Центр изучения Центральной Азии,
Кавказа и Урало-Поволжья

Н. П. Космарская

**ПОСТСОВЕТСКИЕ ДИАСПОРЫ:
ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА,
ИДЕНТИЧНОСТЬ**

МОСКВА
2022

УДК 316.34+314.1
ББК 60.546.7
К71

Рекомендовано
Ученым советом Института востоковедения РАН

Ответственный редактор
Е. Э. Носенко-Штейн, д-р ист. наук, ФГБУН ИВ РАН

Рецензенты
И. С. Савин, канд. ист. наук, ФГБУН ИВ РАН
А. Г. Арешев, канд. ист. наук, ФГБУН ИВ РАН

Космарская, Н. П.

К71 Постсоветские диаспоры: история, политика, идентичность : [Монография] / Н. П. Космарская ; Ин-т востоковедения РАН, Центр изучения Центр. Азии, Кавказа и Урало-Поволжья. — Москва : ФГБУН ИВ РАН. — 2022. — 280 с.

ISBN 978-5-907543-17-1 (в пер.)

Монография посвящена актуальным вопросам жизнедеятельности диаспор с учетом специфики исторического и социально-политического контекста, порожденного распадом СССР и крушением социализма в Центральной и Восточной Европе. Автором предлагается оригинальная типология моделей диаспоральной политики отпускающих государств; диаспоральная идентичность рассматривается в книге не по отдельным этническим группам «вне родины», а на более обобщенном методологическом уровне.

Издание предназначено для историков, политологов, социологов, журналистов, а также для студентов, аспирантов, преподавателей гуманитарных дисциплин и всех интересующихся данной проблематикой.

УДК 316.34+314.1
ББК 60.546.7

ISBN 978-5-907543-17-1 (в пер.)

© Космарская Н. П., 2022
© ФГБУН ИВ РАН, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	
Что такое диаспора? Истина в глазах изучающих	9
ПОЛИТИКА	27
Глава 1. Роль диаспор в мировой политике.	29
Глава 2. Диаспоральная политика «родин» в постсоветском/постсоциалистическом мире: модели, типология, сравнения.	52
2.1. «Влиятельная» концепция и оценка ее применимости к современным условиям	52
2.2. Цели и методы диаспоральной политики «родин»	61
2.3. Китай и Армения.	89
<i>Китай вместе с диаспорой: стройными рядами в светлое будущее.</i>	90
<i>Армения versus диаспора: хвост виляет собакой?</i> ..	104
2.4. Узбекистан и Азербайджан	121
<i>Узбекистан без диаспоры. «Вы сами по себе, а мы сосредоточимся на главном»</i>	122
<i>Азербайджан: «А у нас теперь тоже есть большая диаспора!»</i>	133
2.5. Россия и Венгрия	148
<i>Россия: удобство сидения на двух стульях.</i>	150
<i>Венгрия. Между национал-культурным романтизмом и политико-экономическим прагматизмом.</i>	168

ИДЕНТИЧНОСТЬ	190
Глава 3. Жизнь в диаспоре: взгляд «снизу»	190
3.1. Воздействие исторического и социально-политического контекста на (этническую) идентичность в диаспоре	190
3.2. Идентичность сквозь призму институциональных усилий «родины»	221
3.3. Автохтонный проект как альтернатива диаспорному проекту.	237
SUMMARY	264
Библиография	266

ПРЕДИСЛОВИЕ

Войны, природные катаклизмы и всевозможные конфликты — неотъемлемая составляющая истории человечества с самых ранних ее этапов. Все эти события неизбежно сопровождались миграциями различных групп населения (беженцы, вынужденные переселенцы, перемещенные лица и пр.). Диаспора как явление, и это вполне естественно, тоже стала составной частью истории многих стран и народов.

Проблемы диаспоры и отдельных диаспорных групп давно стали привлекать внимание ученых: историков, этнологов, социологов. Но особый интерес к данным проблемам возник во второй половине XX в. Причины этого понятны. Никакое другое столетие, пожалуй, не сопровождалось столь глобальной «перекройкой» границ государств и массовым передвижением людей (даже Великое переселение народов начала I тысячелетия н. э. растянулось на века и затронуло лишь часть тогдашней ойкумены).

Первая мировая война, крушение ряда империй (Российской, Австро-Венгерской, Османской), мировой кризис конца 1920-х — начала 1930-х гг., Вторая мировая война, распад колониальных империй, развал СССР и социалистического лагеря — это лишь самые заметные явления, приведшие к возникновению новых государств, попыткам конструирования новых наций, усилению или ослаблению прежних идентичностей. Вспышки государственного, этнического, религиозного и иного насилия стали естественным следствием названных драматических процессов. Соответственно, прошедшее и нынешнее столетия стали «свидетелями» многочисленных переселений этнических и религиозных групп за пределы своего прежнего ареала проживания. Наряду с диаспорами, ко-

торые в науке считались историческими, или классическими (к ним обычно относили еврейскую, армянскую, греческую, иногда цыганскую), возникли новые сообщества, которые правомерно, а чаще неправомерно, называют диаспорами.

Предлагаемая книга является попыткой разобраться в явлении, которое В.А. Тишков назвал «увлечением диаспорой»¹. Автор ставит перед собой задачу прояснить некоторые вопросы, связанные с самим понятием «диаспора» и правомерностью его употребления; с трансформациями термина, нюансами его научной интерпретации и стоящих за ним сложных социально-политических и этнокультурных явлений.

Книга написана известным специалистом в области изучения этничности, миграций и диаспор в постсоветских странах (в первую очередь в Центральной Азии), старшим научным сотрудником Центра изучения Кавказа и Центральной Азии Института востоковедения РАН Н.П. Космарской. Автор — известный социолог, автор многочисленных трудов по указанной проблематике. Более того, она в течение многих лет была заместителем главного редактора журнала «Диаспоры» — на мой взгляд, одного из лучших российских периодических изданий по социальным дисциплинам (к сожалению, журнал прекратил существование в 2015 г.). Однако Н.П. Космарская продолжила изучать диаспорную проблематику, основываясь на результатах собственных полевых исследований в России, Казахстане, Узбекистане и Киргизии, а также на результатах анализа значительного корпуса научной литературы.

Нет смысла пересказывать здесь содержание книги, отмечу лишь некоторые моменты, которые, на мой взгляд, делают ее заметным явлением в изучении диаспор и диаспоральной политики.

Книгу выгодно отличают географический и тематический охват; подходы и методы, полемичность; умение

выделить узловые моменты; тщательный анализ литературы; разделы, посвященные конкретным кейсам. Парадоксальные сопоставления, казалось бы, несопоставимых кейсов подтверждают многие положения, выдвинутые исследовательницей. Особенно, на мой взгляд, важно обращение к национальной идентичности как одному из ключевых факторов, определяющих удачи или неудачи диаспоральной политики государств-родин.

Не со всеми положениями, выдвинутыми автором, я могу согласиться в полной мере. Претензии, предъявляемые примордиализму, мне представляются несколько избыточными. Он весьма заметен (а нередко и востребован) в речах амбициозных политиков, журналистов и некоторых авторов работ, претендующих на «научность». Однако в целом, во всяком случае, в своих крайних формах (концепции А.Н. Гумилева и его последователей), этот подход разделяется немногими серьезными исследователями. Более того, примордиализм представляется мне явлением сложным; наряду с его биологизаторскими и откровенно расистскими вариантами существует и понимание этничности как универсалии. Существует еще инструменталистский подход к той же этничности, соединяющий наиболее удачные стороны примордиалистских и конструктивистских построений, но без крайностей обоих. Впрочем, на эти темы можно спорить, и это нормально для научной дискуссии.

Я уже упомянула о парадоксальности сопоставления некоторых кейсов, а также о самом авторском отборе примеров для подробного анализа. Меня как специалиста, в течение многих лет занимавшегося проблемами российского еврейства, несколько удивляет отсутствие внимания к такой «парадигматической» диаспоре, как еврейская. Тут стоит отметить, что после появления на карте мира Израиля (1948 г.) и распада СССР, за чем последовала массовая эмиграция бывших советских евреев, исследователи все чаще говорят о русскоязычной еврей-

ской диаспоре, «новой еврейской диаспоре», куда включают даже Израиль². Правда, сами израильские ученые, особенно принадлежащие к влиятельному правому лагерю, продолжают считать диаспорой только евреев, живущих за пределами этой страны.

Не буду здесь рассуждать о правомерности или неправомерности подобных определений (я рассматриваю эту группу как постсоветскую диаспору или транснациональное сообщество, имеющее временный характер). На эти темы тоже можно долго и интересно дискутировать. Однако в одной книге невозможно охватить все, и автор вправе сам выбирать те проблемы, которые он считает наиболее значимыми.

Так является ли истина, как и красота, лишь иллюзией, существующей в глазах изучающего/смотрящего? На мой взгляд, все же нет. Вернее, если это высказывание можно с известной долей условности отнести к красоте (представления о ней и в самом деле в высшей степени субъективны и зависят не только от конкретных пристрастий, но и историко-культурного контекста), то с истиной в науке дело все же обстоит иначе. Наука ведь не религия: в истинность тех или иных положений не следует верить — их приходится доказывать. И это попыталась сделать в своей интересной и полезной книге Н.П. Космарская.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тишков В.А. Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // Диаспоры. 2003. № 2.

² The New Jewish Diaspora: Russian-Speaking Immigrants in the United States, Israel, and Germany. Ed. by Z. Gitelman. Brunswick: Rutgers University Press, 2016.

Е.Э. Носенко-Штейн,
ответственный редактор
Nosenko1@gmail.com

ВВЕДЕНИЕ

Что такое диаспора? Истина в глазах изучающих

Ключевым словом, вокруг которого построена эта книга, является слово «диаспора», наверняка знакомое любому читателю — не только профессионально занимающемуся изучением общества и человека в нем, но и всем, кто интересуется происходящим в окружающем социальном мире, хотя бы посредством отслеживания новостей по печатным и электронным СМИ, а также по социальным сетям.

Диаспора (от греч. *diaspeiro* — рассеивать, разбрасывать, разъединять и т. п.) — первоначально совокупность еврейских общин, образовавшихся в различных частях тогдашней ойкумены в результате многих волн переселения евреев, а главное — их насильственного исхода из Палестины в I в. н. э. Исходя из особенностей истории еврейского народа, термин долгое время ассоциировался с изгнанием, потерей государственности и с передающейся от поколения к поколению коллективной памятью о покинутой родине. Иногда подобная суженная трактовка, до сих пор имеющая своих сторонников, причисляет к диаспорным, кроме евреев, и представителей других народов со схожей трагической судьбой (армяне, греки).

С конца 1980-х гг. (в России — несколько позже) в мире обозначилась противоположная тенденция — активное проникновение термина «диаспора» в научную литературу, а также в язык политиков, деятелей культуры, журналистов и даже обычных людей¹. Им рутинно обозначают многочисленные группы мигрантов, переселяющихся в

страны Европы и Северной Америки из государств, называемых «мировым Югом». Кроме того, в рамках расширительной трактовки диаспорами стали называть множество очень разных экспатриированных этнических меньшинств, включая и те, что достигли высокой стадии вынужденной или добровольной ассимиляции, а также те группы, которые, формально проживая за пределами исторической родины, считают себя автохтонами по отношению к территории своего нынешнего расселения.

Эта общемировая тенденция связана с оживлением дискуссий о природе экспатриированных групп в условиях глобализации, формирования транснациональных сообществ и обусловленного данным обстоятельством переосмысления представлений о природе этнической/культурной идентичности. Учитывая значимость этих моментов, ученые все же начали проявлять беспокойство по поводу того, что термин «растянулся» до невозможности, «расплываясь» семантически, концептуально и дисциплинарно. Так, еще в конце 1990-х гг. Флойя Антиас (*Floya Anthias*) называла этот термин «мантрой», слишком часто повторяемой, но теоретически недоработанной. Фил Коэн (*Phil Cohen*) тогда же отмечал, что это модное словечко эпохи постмодерна, произносимое с целью произвести впечатление на дилетантов (именно так переводится используемое в оригинале английское существительное «buzzword») — слово, которое может означать почти все, что угодно для какого угодно человека².

Похожего рода беспокойство позже побудило Р. Брубейкера (*Rogers Brubaker*) написать статью с «говорящим» названием: «*The “Diaspora” Diaspora*», подразумевающим, что значение термина само пребывает «в рассеянии». Он отмечает, что «диаспорами» стали называть не только многообразные этно- и культурно-отличительные группы, но и религиозные и лингвистические, а также любые сообщества, рассредоточенные в пространстве, но отличающиеся

ся определенной общностью (приводятся почти анекдотичные примеры: *the yankee diaspora, the white diaspora, the gay diaspora, the digital diaspora, the fundamentalist diaspora, the terrorist diaspora* и т. д.)³.

В России термин «диаспора» также стал очень популярен. Действительно, страна после распада СССР обзавелась новым и беспокойным диаспоральным хозяйством, в первую очередь в лице многолюдных «русских диаспор», оставшихся за ее пределами в бывших республиках в результате изменения границ. Кроме того, ее статус принимающей страны (теперь уже в качестве самостоятельного государства) для множества людей, искавших здесь убежища, особенно в «лихие девяностые», а позже — заработков и более благополучной жизни, еще более укрепился. К традиционным потокам из Закавказья добавились трудовые миграции из Украины, Молдавии и Белоруссии, а также, начиная с середины 2000-х гг., из Центральной Азии — Узбекистана, Таджикистана и Киргизии, где трудности выживания не уменьшаются уже в течение полутора десятков лет.

Однако в России «увлечение диаспорой»⁴ имеет также свои, сугубо внутренние причины. Они слабо связаны с упомянутыми выше научными баталиями и лежат в русле той неослабевающей тенденции, которую Валерий Тишков назвал «диаспоризацией всей страны»⁵.

Что имеется в виду? Спровоцированные распадом СССР изменения государственных границ на пространстве Евразии, активизация миграций, в том числе и трансграничных, с одной стороны, и актуализация этничности (на личностном и политическом уровнях), замещающей все дальше уходящую в историю «советскость», с другой, привели к усложнению этноконфессиональной карты многих российских территорий. Отсюда рост конфликтности вокруг новых иммигрантов, а также представителей тех этнических групп, которые давно проживали в России, но стали более обостренно восприниматься в качестве «ви-

димых других»⁶. Рост поликультурности, полиэтничности общества поставил перед властями всех уровней и экспертами проблему осмысления новых явлений и управления ими, а инструментом ее решения и стало конструирование так называемых новых российских диаспор, причем на основе стихийно примордиалистского подхода к социальной реальности.

В соответствии с «мифологией группизма, задавившей российское научное и политико-бытовое сознание»⁷, новые иммигрантские сообщества (внутри России) и экспатриированные — за ее пределами (в первую очередь русские) видятся консолидированными группами, спаянными этничностью, полученной от рождения; коллективной ответственностью; преданностью «лидерам диаспоры» — посредникам в контактах и с властями страны проживания, и с «родиной». Соответственно, членство в такой «диаспоре» является не результатом личного выбора, а скорее неизбежным следствием этнического «происхождения». В рамках такой схемы лояльность «стране приема», даже если речь идет о втором-третьем поколении, подвергается сомнению.

По словам Виктора Дятлова, «нередко так теперь называют (и таким образом вычлениают и объединяют) всех, кого считают представителями неких национальных групп вне пределов соответствующих государств или «национальных очагов». Подразумевается не просто конгломерат людей, а некий социальный организм, к которому принадлежат по факту этнической принадлежности. Последняя также оценивается как природная данность... Термину пытаются придать даже правовое содержание. Таким образом, под диаспорой стихийно понимается нечто вроде сословия или крепко спаянной общины»⁸.

Культурно-отличительные группы, по сути, подталкиваются к тому, чтобы нести коллективную ответственность за своих членов по факту врожденной этничности, а не в результате добровольного выбора людей или стрем-

ления к самоорганизации. Этнические же активисты (недаром в России уже стал привычным заимствованный из английского языка термин «этнические предприниматели» — *ethnic entrepreneurs*, предполагающий получение выгоды от какой-либо деятельности) при таком подходе видятся со стороны (в том числе и контактирующими с ними властями) и в своих собственных глазах истинными выразителями позиции всей «группы». Это подталкивает их к узурпации права говорить от имени «всех армян», «всех киргизов», «всех русских» и к использованию этого «представительства» в качестве «символического капитала». В. Дятлов, в одной из статей которого описанный процесс «диаспоризации» рассматривался на примере Иркутской области, заключает: «Такая вот мечта о сословно организованном обществе»⁹.

В самой России подобные «мечты» стали отражением не только желаемой картины мира (общественного устройства), но и потребностей управления и контроля. Так, например, чиновникам, ответственным за «этнокультурное многообразие» или за «миграцию», удобнее иметь дело с иерархичной системой организаций, начиная от «Союза диаспор России» до разветвленной системы низовых комитетов, объединений и пр.

А коль скоро речь идет о «русских диаспорах» в постсоветских странах, политико-идеологические интересы отдельных групп российских элит преобладали здесь над потребностями управления¹⁰. Увлеченность вышеописанным этноцентристским и коллективистским наполнением термина «русские диаспоры» была особенно заметна в российских дискуссиях периода активных вынужденных миграций русских и русскоязычных жителей постсоветских стран в Россию (конец 1980-х — первая половина 2000-х гг.).

А что же говорит о содержании термина наука? Общепринятого научного определения диаспоры не существует; содержание понятия уже долгое время является

предметом постоянных дискуссий и в западной, и в отечественной науке.

Наиболее известные дефиниции варьируют от компактных, размером в одну фразу (часть народа, живущая за пределами своей родины¹¹), набора шести или девяти признаков¹² до описания содержания феномена протяженностью в полторы страницы¹³. Большинство исследователей сходится на том, что существуют три признака, без которых нет диаспоры. Первый. Собственно рассеяние, расселение народа или его части на разных территориях, находящихся за пределами исходного этнического ареала (будем называть такой ареал этнической, исторической родиной) в результате различных типов миграций, либо разделение прежде единого народа посредством изменения государственных границ. Данный признак является необходимым, но недостаточным для определения этнического меньшинства в качестве диаспоры.

Второй. Особое отношение к реальной или воображаемой родине: члены диаспор продолжают ориентироваться на нее эмоционально и/или политически. Третий, Сохранение, причем на протяжении жизни нескольких поколений, особой этнокультурной идентичности, служащей границей между диаспорной группой и, как правило, более многочисленным принимающим обществом; целям поддержания такой идентичности служат разветвленные сети поддержки и разнообразные институты, связывающие группу как с родиной, так и с родственными общинами в других странах¹⁴.

В новых теоретических разработках подчеркивается, что названные критерии не являются жесткими, а должны применяться с учетом обстоятельств переселения, ситуации в стране исхода и положения группы в принимающем обществе и государстве. Так, в зависимости от перечисленных факторов «ориентация на родину» предстает в виде широкого континуума чувств и форм поведения — от хранимой в семье памяти о своем про-

исхождении, сохранения ключевых элементов культурного наследия до активного интереса к судьбе родины и происходящим там событиям; от регулярных контактов с оставленными родственниками до участия в «домашних выборах» и готовности сражаться за родину.

Но мы не можем ограничиться лишь фиксацией этих признаков. Важно и то, как их искать и оценивать их наличие. Дело в том, что дискуссии вокруг содержания термина «диаспора» развиваются в разных концептуальных пространствах. Сторонники примордиализма видят диаспору группой с четко заданными границами, чем-то сродни сословию или касте, куда попадают по врожденному признаку этничности; конструктивисты, напротив, апеллируют к чувствам и поведению индивидов, которые могут меняться в зависимости от многих обстоятельств их жизни.

Хотя наша страна в сравнении с Западом считается своего рода заповедником примордиализма, такой вывод не совсем корректен, по крайней мере, в контексте сюжета о характере использования и содержании термина «диаспора». Р. Брубейкер, который выражает в вышеупомянутой статье 2005 г. озабоченность его чрезмерной «расплывчатостью» и предлагает свой подход к пониманию данного феномена (о чем речь впереди), выступает с резкой критикой западных примордиалистов, прежде всего Габриэля Шеффера (*Gabriel Sheffer*), известного многими работами об «этнонациональных диаспорах». Он приводит в своей статье не лишенную художественности цитату, открывающую одну из книг Г. Шеффера: «Высоко мотивированные корейцы и вьетнамцы, которые трудятся не покладая рук, чтобы добиться материального успеха в городе-муравейнике Лос-Анджелесе; изможденные палестинцы, живущие в унылых бараках лагерей беженцев под Бейрутом или Амманом; турки, втиснутые в узкое пространство своих квартир в Берлине; пережившие полное крушение надежд русские в Эстонии — все

они имеют очень много общего. Все они, вместе с выходцами из Индии, китайцами, японцами, африканцами, afroамериканцами, евреями, палестинцами, греками, цыганами, румынами, поляками, курдами, армянами и многими другими группами, живущими постоянно за пределами стран своего происхождения, но поддерживающими контакты с людьми на родине — все они члены этнонациональных диаспор»¹⁵.

Далее следует такой комментарий Р. Брубейкера: «Подобно нации, этнической группе или меньшинству — понятиям, с которыми диаспора делит одно семантическое пространство, она часто рассматривается как нечто вещественно-материальное, как вещь, реальный объект...» (*entity*). И далее: «[Диаспоры] видятся как сообщества, количество членов в которых поддается измерению, количественной оценке»¹⁶. Приводятся данные о том, сколько миллионов человек в той или иной «диаспоре». Р. Брубейкер задается вопросом: что действительно подсчитывается в этом случае? И отвечает: только лишь происхождение (*ancestry*), т. е. формально существующая численность людей данной национальности, и ничего более¹⁷.

Что же касается чувств, восприятий, оценок этих людей (проливающих какой-то свет на их идентичность, отношение к «родине», этническим организациям и т. д.), вытекающих отсюда поведенческих моделей — об этом впечатляющие цифры «членства» (миллионы армян, курдов, русских и пр.) нам ничего не говорят. Ведь все перечисленное для индивидов, находящихся в подвижной, меняющейся социальной среде — тоже весьма переменчиво. Р. Брубейкер предлагает смотреть на диаспору как на способ, манеру самовыражения, стиль (поведения), некую установку индивида, его/ее притязание (*an idiom, a stance, a claim*)¹⁸. В рамках данного подхода позиции активистов «диаспоры», хотя и стремящихся говорить от имени «миллионов», нельзя автоматически распростра-

нять на обычных людей, пусть даже одинакового этнического происхождения.

Статья 2005 г. затронула чрезвычайно актуальные сюжеты и оказалась очень востребованной международным научным сообществом. Так, она занимает третье место в списке самых читаемых статей из всех тех, что были опубликованы в журнале «*Ethnic and Racial Studies*», а по состоянию на 2017 г. статья была 422 раза (очень большой показатель) процитирована в изданиях, зарегистрированных в системе *Scopus*¹⁹. Однако научная мысль не стоит на месте. В 2017 г., в год сорокалетия существования этого базового для исследователей расовых и этнических проблем журнала, его редакция пригласила Клэр Александер (*Claire Alexander*), соавтора известной книги о рассеянии бенгальских мусульман, поразмышлять о содержании статьи Р. Брубейкера спустя 12 лет после ее появления.

Для нас важно одно из замечаний К. Александер, которое показывает, что споры о содержании термина «диаспора» имеют не только концептуальное, но и дисциплинарное измерение. По ее словам, если исходить из идей Р. Брубейкера (см. выше), возникает некоторая нестыковка (*tension*) между историческим и социологическим подходом к изучению феномена диаспоры: продолжительность существования диаспор во времени, по крайней мере, некоторых из них, неизбежно «...предполагает наличие окаменевших (*reified*) идентичностей, определяемого количественно членства и этого ужасного (*dreaded*) “группизма”». И далее: «Эта нестыковка говорит о наличии заметных расхождений в тактике изучения диаспор — имеется в виду то, что Р. Брубейкер весьма убедительно трактует как различие между диаспорой как “объектом” (*entity*) и диаспорой как “установкой” (*stance*). Первая интерпретация предполагает у диаспоры четкие границы и долгое существование, требуя исторического подхода, сфокусированного на истоках и причинах; вто-

рая же, более социологическая, приветствует гетерогенность, прерывистость в развитии и трансформацию»²⁰.

Комментируя в том же номере журнала размышления и предложения К. Александер, Р. Брубейкер остановился и на особенностях изучения диаспор в рамках различных дисциплин. Он отметил, что продолжает считать свой «ситуативный» подход **«полезным и необходимым**, в качестве корректировки представлений Шеффера о диаспорах как неких “объектах” с измеряемым членством, а также, если говорить более обобщенно, в качестве вызова... **возрождению этнического эссенциализма** в новом обличье». Но далее ученый признал, что предложенная им формулировка является односторонней: «В роли одновременно историка и социолога я могу согласиться с К. Александер, подтвердив необходимость изучения того, что было “тогда” и “там”, поскольку это могло оказать очень значимое воздействие на формирование субъективных представлений “здесь” и “сейчас”»²¹.

В России «ситуативную» трактовку диаспоры, предложенную Р. Брубейкером в 2005 г., начал продвигать В. Тишков, причем на несколько лет раньше американского ученого. По мнению его российского коллеги, «главная слабость в интерпретации исторического феномена диаспоры в современной литературе заключается в эссенциалистской реификации диаспор как коллективных тел (“устойчивых совокупностей”), причем не только как статистических множеств, но и как культурно однородных групп»²². На мой взгляд, несмотря на наличие работ Г. Шеффера и его последователей, подобный вывод относится к отечественной литературе в большей степени, чем к западной.

В другом месте своей статьи 2000 г. В. Тишков уже прямо адресует к российским авторам, отмечая, что «именно... два аспекта исторической ситуативности и личностной идентификации не учитывает господствующий в отечественной науке традиционный (объективи-

стский) подход к феномену диаспоры»²³. Итак, квинтэссенция данной трактовки состоит в понимании диаспоры как ситуации и ощущения, личного выбора, индивидуального членства и стиля жизненного поведения²⁴. И в качестве вывода: «Именно социально конструируемые и реконструируемые содержательные образы диаспоры делают ее трудноопределимым в смысле границ и членства и в то же время очень динамичным явлением»²⁵.

На мой взгляд, именно встречающаяся в России сплошь и рядом классификация различных сообществ в качестве «диаспор» без предварительного их анализа и побудила В. Тишкова к выдвиганию, казалось бы, элементарного научного требования: сначала «лучше замерить», и «только после этого можно осуществлять категоризацию той или иной культурно-отличительной группы... как диаспоры»²⁶.

В развитие данного подхода в более поздней статье он пишет: «Само понятие “диаспора” почти всегда имеет расширительный смысл, ибо подавляющая часть членов диаспоры таковыми себя не ощущают, а их идентичность связана с другими социальными коалициями — прежде всего государством проживания и с гражданской принадлежностью... Диаспора — это прежде всего активисты (лидеры) и их соучастники. В таком случае диаспора, используя выражение Б. Андерсона — преимущественно “воображаемая общность”, часто существующая только в головах ее лидеров и активистов, а также в представлениях политиков и правительств. В любом случае речь идет о крайне подвижном состоянии...»²⁷

Во избежание этнически и политически нагруженных «категоризаций» в данной книге термин «диаспора» используется в самом общем значении (если не указано иначе) — просто как синоним словосочетания «часть группы за пределами родины».

Подход В. Тишкова отличает еще один момент — кроме приверженности определенной концепции, для него важна и гражданская позиция. Сетуя по поводу «диаспо-

ризации всей страны», он отмечает: «Наука может работать с любыми категориями, в том числе и с категорией «диаспора», если имеется определенный консенсус по поводу ее содержания и пределов применимости. А вот государство, если определять его как состоящее из русских и диаспор или из казахов и диаспор²⁸ — такое государство существовать не может. Навязанная диаспоризация в неоправданной степени захватила население бывшего СССР, и диаспоральный дискурс стал изощренной формой разделения и отчуждения в политических целях существующих гражданских сообществ, социальная и культурная общность которых на порядок выше, чем часто гипотетические мощь и влияние диаспор»²⁹.

Высказанные уже довольно давно опасения В. Тишкова и других российских ученых (см. выше) продолжают оставаться в России небеспочвенными, поскольку описанная ими «диаспоризация» несет в себе конфликтный, «разъединяющий» потенциал, будь то теоретические штудии, желания чиновников или представителей «диаспор». Достаточно просмотреть тексты, публикуемые в ведущих СМИ общественно-политической направленности. Красивое, «по-научному» звучащее иностранное слово продолжает использоваться как синоним проживающих в России армян, азербайджанцев, узбеков, украинцев и т. д. А периоды, когда появляется так называемый инфоповод в виде резонансного уголовного преступления, отмечены призывами к коллективной ответственности «диаспор» за противоправные деяния своих «членов», а также опасениями или, наоборот, выражаемыми другой стороной ожиданиями, что «диаспора» «заступится» за обвиняемого³⁰.

Вернемся к полемике Р. Брубейкера с К. Александер. Вряд ли кто-то будет оспаривать важность анализа исторических обстоятельств, обусловивших долгое проживание той или иной этнической группы вне «родины», а также связанных с этим исторических нарративов, воспоминаний о травме, практик коммеморации и пр., воз-

действующих на установки и стиль поведения индивидов, определяющих выбор ими параметров идентичности. Однако с учетом особенностей российского дискурса значимость предложенного Р. Брубейкером в 2005 г. «ситуативного» подхода к социологическому изучению «диаспор» «здесь и сейчас» представляется мне неоспоримой.

* * *

На мой взгляд, кратко описанные здесь новые реалии, в которых оказались Россия и другие постсоветские и постсоциалистические страны (они тоже обзавелись новым диаспоральным «хозяйством» из-за миграций и движения границ), а также неутихающие академические и общественные дискуссии о диаспорах делают предлагаемую книгу весьма актуальной. В отличие от разнообразных экспатрированных сообществ в странах Запада, подобные им группы в постсоветском (постсоциалистическом) мире изучены еще очень слабо.

Замысел книги возник довольно давно — мне хотелось соединить опыт изучения считающихся «русской диаспорой» русских в Центральной Азии с результатами многих российских и зарубежных коллег, занимающихся похожими исследованиями в рамках социологии и иных социальных наук. В создании книги мне также очень помогла 17-летняя работа в российском журнале «Диаспоры» в качестве заместителя главного редактора, составителя и переводчика статей.

К сожалению, этот журнал, снискавший уважение множества читателей в России и за рубежом, прекратил свое существование в конце 2015 г. после трагической гибели бессменного главного редактора Анатолия Рудольфовича Вяткина. Корпус опубликованных в нем научных статей, в том числе переводов работ ведущих специалистов по диаспорам, продолжает быть востребованным среди русскоязычных читателей из разных стран. Однако с течением времени появилось много новых текстов, не

вполне доступных для среднестатистического российского студента, аспиранта, вузовского преподавателя, научного работника.

Книга основана на обобщении и критическом анализе значительного количества публикаций различных ученых (на русском и английском языках), которые впервые вводятся в научный оборот. Кроме того, в разделе об идентичности используются результаты многолетнего изучения автором различных экспатрированных групп на микро- и макроуровне (в Центральной Азии и в России)³¹.

Моей задачей был не ответ на часто задаваемый вопрос: «А татары в Башкирии (русские в Австралии, киргизы в России и т. д., и т. п.) — это диаспора?», а представление своего рода навигации для читателей, чтобы, пользуясь изложенными в книге идеями и методологическими подходами, они всякий раз могли ответить на этот вопрос самостоятельно, творчески и с научной непредвзятостью. Книга является также своеобразным компасом для ориентации среди огромного количества научных текстов о диаспорах, для выделения в этом потоке значимых имен и новаторских идей.

Само название книги говорит о трех ее главных темах, которые, впрочем, неравноценны. Исторические сюжеты там, где это необходимо, «вплетены» в анализ современных проблем, а «политике» и «идентичности» посвящены отдельные разделы. В разделе о политике рассматривается главным образом диаспоральная политика «родин», потому что в постсоветском (постсоциалистическом) контексте не сами диаспоры (т. е. политически отмобилизованная их часть) и не принимающие их государства, а именно исторические (этнические) «родины» действуют наиболее активно и разнопланово.

Часть, посвященная идентичности, учитывая разделяемое мной конструктивистское представление о природе диаспоры (на низовом уровне, т. е. когда речь идет об ощущениях обычных людей) и мою дисциплинарную

принадлежность (полевой социолог), не могла быть построена как повествование об идентичности отдельных экспатриированных групп, пусть даже самых многочисленных. Такого рода исследования требуют значительных усилий и времени и вряд ли под силу одному человеку³². Поэтому я предпочла пойти по другому пути — посмотреть на диаспоральную идентичность на более обобщенном, проблемном уровне. Так, в книге присутствуют главы о возможном влиянии на нее историко-политического контекста; о восприятии членами экспатриированных групп институциональных усилий родины (т. е. созданных ею организаций) и об альтернативных формах и основаниях консолидации на низовом уровне; о потенциале реализации такими группами в странах проживания не диаспорального, а автохтонного проекта (что наиболее вероятно в случаях образования диаспоры не путем миграции, а через движение государственных границ).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вот что отмечает в этой связи американский исследователь Роджерс Брубейкер. Если в 1991 г. Вильям Сафран (*William Safran*), открывая первый номер нового англоязычного журнала «*Diaspora. Journal of Transnational Studies*», посетовал, что большинство научных дискуссий об этничности и иммиграции почти не обращают внимания на диаспоры, за прошедшие годы произошел лавинообразный рост интереса к этому социальному явлению. Так, поиск в англоязычном Интернете (www.google.com) на слово «*diaspora*» давал в 2005 г. более одного миллиона результатов (*Brubaker R. The «Diaspora» Diaspora // Ethnic and Racial Studies. 2005. Vol. 28. № 1. P. 1*). Как может убедиться любой желающий, сейчас подобный «улов» превысит 125 млн ссылок. Аналогичные процессы происходят в последние два десятилетия в русскоязычном Интернете и в российском научно-культурно-информационном пространстве в целом (см. ниже).

² Цит. по: *Brubaker R.* Revising the «Diaspora» Diaspora». A Response to Clair Alexander // *Ethnic and Racial Studies*. 2017. Vol. 40. № 9. P. 1556.

³ Ibid. P. 1–3.

⁴ Выражение Валерия Тишкова — из названия одной из его статей (см. прим. 5).

⁵ *Тишков В.А.* Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // *Диаспоры*. 2003. № 2. С. 161.

⁶ Подр. об этом понятии см.: *Дробижева Л.М.* Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // *Социологические исследования*. 2015. № 11. С. 3.

⁷ Там же.

⁸ *Дятлов В.И.* Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России // *Диаспоры*. 2004. № 3. С. 132; *он же.* «Вчера губернатор встречался с диаспорами...». Приключения термина и понятия в современной России // *Миграционный кризис: международное сотрудничество и национальные стратегии* / Под ред. В.С. Малахова, М.Е. Симона. М., 2017.

⁹ Там же. С. 133.

¹⁰ Хотя последнее тоже нельзя сбрасывать со счетов: наделение официальных «русских организаций» самыми широкими представительскими функциями, безусловно, облегчает контакты с ними, а по мысли заинтересованных российских структур — и со всеми «русскими диаспорами» ближнего зарубежья.

¹¹ См.: *Connor W.* The Impact of Homelands Upon Diasporas // *Modern Diasporas in International Politics* / Ed. by G. Sheffer. L., 1986.

¹² См.: *Cohen R.* Global Diasporas. An Introduction. L., 1997; *Safran W.* Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // *Diaspora. A Journal of Transnational Studies*. 1991. Vol. 1. № 1; *Сафран У.* Сравнительный анализ диаспор. Размышления о книге Робина Коэна «Мировые диаспоры» // *Диаспоры*. 2004. № 3; 2005. № 1.

¹³ См.: Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 1.

¹⁴ В западной литературе встречаются различные вариации в описании названных трех критериев, не меняющие их сути. См., напр.: *Brubaker R. Revising the “Diaspora” Diaspora*... P. 1557, 1558; *Alexander C. Beyond the “Diaspora” Diaspora: a Response to Rogers Brubaker* // *Ethnic and Racial Studies*. 2017. Vol. 40. № 9. P. 1546; *Koinova M. Sending States and Diaspora Positionality in International Relations* // *International Political Sociology*. 2018. Vol. 12. P. 191. См. также написанную автором статью «Диаспора» в Большой российской энциклопедии (<https://bigenc.ru/ethnology/text/1954692>).

¹⁵ Цит. по: *Brubaker R. The «Diaspora» Diaspora*... P. 10.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid. P. 11.

¹⁸ Ibid. P. 12.

¹⁹ *Alexander C. Beyond the “Diaspora” Diaspora*... P. 1545.

²⁰ Ibid. P. 1551.

²¹ *Brubaker R. Revising the “Diaspora” Diaspora. A Response to Clair Alexander*... P. 1559–1560.

²² Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 46.

²³ Там же. С. 45.

²⁴ Там же. С. 44, 50.

²⁵ Там же. С. 51.

²⁶ Там же. С. 45.

²⁷ Тишков В.А. Увлечение диаспорой... С. 170.

²⁸ Любопытное наблюдение в этой связи, как раз относящееся к официальной трактовке многонациональности в Казахстане. В Музее национальной истории весь период развития данной территории до 1991 г. подан в экспозиции через историю «диаспор». Зал так и называется: «Зал истории и диаспорологии» (кстати, диаспорология — несуществующее слово; как «наука о диаспорах» оно не вошло в русский язык и может использоваться лишь иронически). В зале множество стендов: «Русские»,

«Украинцы», «Татары», «Ингуши», «Армяне» и много других. Таким образом, по крайней мере на уровне экспозиции государство Республика Казахстан представлено как состоящее «из казахов и диаспор».

²⁹ Тишков В. Увлечение диаспорой... С. 180–181.

³⁰ См., напр.: Ануфриева Н. Адвокат потерпевших по делу об убийстве из-за спора в чате предупредил диаспору. 3 ноября 2020 г. (URL: <https://vz.ru/news/2020/11/3/1068709.html>); Лексина Е. Эксперт: мигранты должны нести коллективную ответственность за преступления. 14 сентября 2021 г. (URL: <https://vz.ru/news/2021/9/14/1118836.html>).

³¹ Имеются в виду основанные на использовании качественных методов полевые исследования в 2007–2013 гг. в Киргизии и в 2008–2009 гг. — в Узбекистане (в рамках международного научного проекта «Города постсоветской Центральной Азии глазами их жителей» при поддержке фонда Leverhulme, Великобритания); исследования в 2016–2017 гг. в Киргизии и Казахстане в ходе реализации международного научного проекта «Образы России в Евразии: память, идентичность, конфликты» (совместно с И. Савиным при поддержке РГНФ–РФФИ). Наконец, весьма полезным для написания данной книги оказался опыт изучения жизни российских армян (международный научный проект «Armenian Communities in Russia Through Time, Space and Generations» был реализован в 2018–2020 гг. совместно с Н. Шахназарян при поддержке фонда Г. Гюльбенкяна).

³² В частности, обоснование тезиса о том, что русские в постсоветских странах с точки зрения своей идентичности не являются «русской диаспорой» (в том смысле, какой приписывается этому термину публичным и политическим дискурсом в России), потребовало у автора нескольких лет полевых исследований и нескольких сот страниц научного текста (см.: Космарская Н.П. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992–2002). М., 2006).

ПОЛИТИКА

Любая диаспора зарождается, развивается и трансформируется (с учетом названных выше признаков) в пространстве взаимодействия и пересечения интересов трех акторов: самого экспатрированного сообщества, принимающего государства (*receiving state, host state*) и страны исхода. В менее высокопарном выражении, не имеющем никаких коннотаций с классической еврейской диаспорой, будем называть эту страну, в зависимости от исторического и социально-политического контекста, отпускаящей страной (*sending country*), «родиной» (*homeland*) или родственным государством (*kin-state*). Коль скоро предметом нашего интереса в данной главе является политика разных уровней (внутри- и межгосударственная, региональная и глобальная), необходимо держать в поле зрения поведение всех трех названных акторов. Однако **общемировая** (европейская) и **постсоветская** ситуации существенно различаются с точки зрения соотношения веса и влияния этих субъектов политического участия.

В первом случае, если оставить в стороне очень специфичные диаспоры, имеющие богатейшую многовековую историю (в частности, еврейскую и армянскую), и окинуть с высоты птичьего полета множество добровольных и вынужденных трансграничных перемещений новейшего времени (скажем, после Второй мировой войны), окажется, что львиная их доля приходится на движение с глобального Юга (так называемые развивающиеся страны) на глобальный Север. Это прежде всего Европа, которая остро нуждалась в трудовых мигрантах для восстановления разрушенной войной экономики, а также пыталась загладить вину перед бывшими колониями, разрешив выходцам из все новых и новых сбрасывающих «колониальные оковы» стран свободный въезд на свою территорию,

с последующим постоянным проживанием на легальных основаниях.

В роли отпускающих, за некоторыми исключениями (в частности, это Индия и Китай), оказались слабые, не обладающие большим политическим и/или экономическим весом государства. Их возможности участвовать тем или иным способом в жизни своих диаспор, а тем более воздействовать на политику стран приема и проживания, как правило, минимальны, несмотря на большой интерес к экономическим ресурсам «родственных» групп и жгучую потребность в средствах, пересылаемых мигрантами на родину.

Наиболее влиятельными в «тройке» являются принимающие мигрантов развитые страны. О политике по отношению к великому разнообразию экспатриированных меньшинств на их территории на Западе написаны многие десятки книг и сотни статей. Некоторые из проживающих за пределами своих «родин» сообществ за прошедшие десятилетия также показали себя достаточно активными субъектами политики. В первую очередь это относится не к мирным гастарбайтерам, а к тем, кто был вынужден эмигрировать по причинам социально-политическим (войны, этнические конфликты, участие в сепаратистских движениях).

В постсоветском (постсоциалистическом) контексте мы наблюдаем иную конфигурацию. Главную партию в вышеозначенном трио ведут отпускающие государства¹, выступая чаще всего именно как этнические (исторические) «родины». Дело в том, что на территории бывшего СССР и бывшего социалистического блока в силу геополитических катаклизмов, приведших к распаду многонациональных «империй», различные этнические группы оказывались вне «родины» не из-за миграции (трудовой или какой-либо иной), а в результате изменения государственных границ². Это побудило элиты «родственных» государств к поиску способов компенсирующего прими-

рения с создавшейся ситуацией, что выразилось, в частности, в новом конструировании наций «поверх границ» с различным, в зависимости от страны, эмоционально-идеологическим и политическим наполнением подобных проектов символического воссоединения «разделенных народов».

Экспатриированные меньшинства³ в постсоветском случае в целом ведут себя значительно пассивнее, чем подобные им группы вне рассматриваемых в данной книге территорий (в первую очередь это относится к диаспорам «за пределами границ»). На таком фоне своей активностью выделяются немногие политизированные сообщества, оказавшиеся вне «родины» в результате миграции, вызванной политическими причинами.

После этого краткого обзора политической активности вокруг и по поводу диаспор, а также самих диаспор перейдем к более подробному анализу различных форм политического участия экспатриированных меньшинств (и тут нам пригодится, в целях сравнения, анализ мировой практики), а затем, в следующей части работы — к рассмотрению различных моделей поведения «родственных» постсоветских государств.

Глава 1

Роль диаспор в мировой политике

Как отмечал известный теоретик транснационализма Стивен Вертовец (*Steven Vertovec*), хотя политическая активность диаспор в современном мире не является чем-то новым (исследованиями зафиксирована подобная деятельность на протяжении по меньшей мере ста лет), последние два-три десятилетия в этом отношении осо-

бенно показательны. Среди причин ученый называет развитие новых коммуникационных технологий, которые облегчают мобилизацию диаспор, а также политику мультикультурализма в принимающих странах, что способствовало обострению чувства этнического самосознания и этнической гордости⁴.

Формы вмешательства диаспор в социально-политическую ситуацию на «родине» многообразны по целям — от поддержки существующих там режимов до действий, направленных на их свержение, а также по методам — привлечение мирового общественного мнения к ситуации на родине (массовые демонстрации курдов во многих странах мира после ареста в 1999 г. курдского лидера Абдулы Оджалана); лоббирование интересов «родины» путем воздействия на власти принимающих государств (наиболее успешные лоббисты такого рода — проживающие в США армяне, евреи⁵ и кубинцы); «проталкивание» в политическую повестку дня введение института двойного гражданства; попытки повлиять на результаты выборов на «родине» через массовые «возвращения», оплачиваемые той или иной политической партией, или через денежные вливания (как было, например, в 1990 г. в Хорватии, когда проживающие за рубежом хорваты вложили 4 млн долларов в избирательную кампанию Франьо Туджмана, получив взамен 12 из 120 мест в парламенте, что превышало число мест у этнических меньшинств, проживающих в самой Хорватии)⁶.

Впрочем, когда речь идет об эффективном лоббировании диаспорами тех или иных политических решений, обычно под принимающей страной имеется в виду США. Видимо, это связано как с особенностями политической культуры этой страны, так и со спецификой ее исторического формирования как мультикультурного общества, что предопределило и то, какой силой обладают тамошние диаспоры (по крайней мере, некоторые из них). Под «силой» имеется в виду не только численность, экономи-

ческий потенциал и степень сплоченности, но и фактор идентичности активной части диаспоры. В какой-то мере рядом с США можно поставить Канаду. Иные примеры свидетельствуют о невысокой эффективности лоббирования (в частности, можно вспомнить попытки еврейской общины Франции, самой многочисленной в Западной Европе, а также политически влиятельной и мощной экономически, повернуть власти V Республики в более израильскую сторону в ближневосточном конфликте в 1980-е — первой половине 1990-х гг.)⁷.

Не последнее место в «послужном политическом списке» диаспор занимает спонсирование терроризма, сепаратистских движений или одной из сторон тлеющего или пылающего на «родине» этнополитического конфликта. Особенно склонны к этому диаспоры, конфликтами и порожденные. В англоязычной литературе имеет хождение даже особый термин для обозначения таких сообществ (*conflict-generated diasporas*).

«Конфликт» в данном контексте понимается широко и не привязан к определенному историческому периоду. Подобные диаспоры, к которым относят как «классические» (армянская, еврейская), так и современные (албанская, тамильская, палестинская, ирландская и др.), принято отличать от групп, проживающих за пределами «родственного» государства, покинув его добровольно⁸.

Некоторые из форм (со)участия диаспор в делах «родины» могут быть оценены как весьма позитивные, что в значительной степени является производным от их экономических возможностей. Экономика тут тесно связана с политикой. В первую очередь стоит упомянуть о так называемой помощи развитию (*development*) как за счет огромных перечислений средств мигрантов (*remittances*), так и за счет инвестиций, передачи передовых технологий и пр.⁹. Сюда же можно отнести помощь в преодолении природных катастроф (как это было, например, после землетрясений в Турции в 1999 г., в индий-

ском штате Гуджарат в 2001 г., а также после разрушительной цунами, затронувшей ряд государств бассейна Индийского океана в декабре 2004 г.)¹⁰

Однако в целом в литературе по проблеме «диаспоры в мировой политике» их роль оценивается чаще со знаком минус — как деструктивная. С. Вертовец уделяет в своей статье намного больше места не созидательной деятельности диаспор, способствующей развитию стран третьего мира и строительству национальных государств в условиях мощных трансформаций, сопровождающих крах социалистической системы (*nation-building*), а их роли как разрушителей (*nation-wrecking*). Так, например, диаспоры сыграли главную роль в разжигании и/или дальнейшем стимулировании конфликта в таких разных странах и территориях, как Эфиопия, Косово, Нагорный Карабах, Кашмир, Палестина, Израиль, а также Шри Ланка (из-за сепаратистских устремлений тамиллов). Хотя диаспоры, согласно исследованию Всемирного банка, могут принимать участие в разрешении конфликтов и помогают последующему восстановлению страны, посылаемые ими средства в дальнейшем повышают риск возобновления конфликта¹¹.

На материалы этого же доклада ссылается и В. Тишков, в статье которого также основное внимание уделено негативным аспектам политической деятельности диаспор: «...после пятилетнего периода замирения риск повторного возгорания конфликта в шесть раз выше в обществах, имеющих обширные диаспоры, чем в тех, которые их не имеют»¹². Он обращает внимание на другой термин, емко характеризующий роль диаспор в мировой политике. Они выступают как «спойлеры» на стадии действующего конфликта или его урегулирования (от глагола *«to spoil»* — портить)¹³.

В такой «спойлерской» роли диаспоры оказываются потому, во-первых, что «они почти автоматически подерживают “свои” государства в их соперничестве с соседями, даже если сами эти диаспоры не проживают в

последних»; во-вторых, они «поддерживают борьбу соплеменных общин за обретение независимости (в странах исхода и в других государствах), т. е. всегда настроены про-сепаратистски в пользу соплеменников»; в-третьих, они «расширяют и углубляют конфликт тем, что экспортируют местную борьбу и ее версию в страны пребывания и на мировую арену»; наконец, они «используют “домашний конфликт” для построения криминальных сетей и террористических организаций, превращая конфликт в свою исключительную собственность»¹⁴. В статье читатель найдёт ряд интересных примеров «спойлерства» диаспор, в том числе и в постсоветском контексте.

Правда, среди экспатриированных групп, которые могут быть помещены в этот контекст, прямо связанных с конфликтами немного. В данном ряду можно назвать чеченцев (проблема сепаратизма на Северном Кавказе), албанцев (косовская проблема) и, наконец, армян (события вокруг Нагорного Карабаха¹⁵). Однако даже со «спокойными», пассивными, по приведенной ниже типологии, диаспорами в государствах их проживания возникают деликатные проблемы, связанные с двойной лояльностью (на психологическом и политическом уровне) и ее материализацией в двойном гражданстве (на юридическом уровне).

Как пишет В. Тишков, «диаспоральная деятельность рассматривается также в аспекте вызова существующим государственным институтам, основанным на базовых принципах гражданства и лояльности со стороны тех, кто проживает в очерченном государственными границами пространстве. Диаспоры подвергают эрозии этот давний принцип политического мироустройства, а сами государства с внешними диаспорами... вынуждены менять свои подходы к институту гражданства»¹⁶.

Уильям Сафран (*William Safran*), заканчивая свою статью о природе диаспоры перечислением требующих дальнейших исследований вопросов, призывает задуматься

«о влиянии растущих диаспор на глобальную стабильность и мир». В этой связи он обращается к высказыванию Джеймса Келласа (*James Kellas*): «Если нация имеет “диаспору”, существует потенциал интернационализации этнического конфликта. У многих стран есть диаспоры, и главная угроза международному миру и стабильности возникает тогда, когда подвергается сомнению нерушимость границ соседних стран»¹⁷.

В. Тишков приводит в своей статье интересную типологию политических ролей диаспоры, которая сводится к трем основным типам. Первый из них — пассивная роль диаспор (т. е. они оказываются вовлеченными в политические процессы, не прикладывая к этому собственных усилий); второй — активная роль, причем влияние оказывается на внешнюю политику стран проживания; наконец, третья роль — активное влияние на «родственные» государства, в том числе и через существующие там политические партии, в той или иной мере связанные с диаспорой и существующие на ее деньги¹⁸. Практически все действия диаспоры в рамках ее активной позиции носят в той или иной мере деструктивный характер. Ярким примером такого рода деятельности из недавнего прошлого является вклад украинской диаспоры, проживающей на территории США и Канады, в зарождение и развитие геополитического кризиса вокруг Украины в 2013–2014 гг.¹⁹

Сама природа диаспоры как транснационального сообщества, ее экс- и надтерриториальность, промежуточное положение между «там» («родина»), и «здесь» (страна проживания) во многом определяют подобные действия диаспор или, по крайней мере, соблазн играть эти роли. Уже достаточно давно Бенедикт Андерсон (*Benedict Anderson*) предложил осмыслить подобные соблазны как «национализм на расстоянии» (*long-distant nationalism*) (я бы добавила к этому переводу: на безопасном расстоянии), который ученый назвал «угрожающим предзнаменованием». Он пишет далее: «...создается серьезная политиче-

ская ситуация, которая одновременно мало предсказуема. Человек редко платит налоги в той стране, в которой он предпринимает те или иные политические действия; он неподсуден перед ее юридической системой; он вряд ли участвовал в местных выборах даже как “отсутствующий” избиратель, поскольку является гражданином другой страны; ему, а также его ближайшему окружению, не грозит тюремное заключение, пытки или смерть. Зато, удобно и безопасно расположившись в каком-либо из высокоразвитых государств, этот человек может посылать деньги и оружие, распространять пропагандистские материалы и создавать трансконтинентальные компьютерные информационные сети — т. е. делать все то, что может привести к непредсказуемым последствиям на тех территориях, куда эти действия направлены»²⁰.

Наблюдающийся в литературе крен в деструктивную сторону при оценках политической активности диаспор можно объяснить, видимо, тем, что результаты «разрушительной» активности хорошо заметны и быстро попадают на первые полосы мировых СМИ, тем более в эпоху активизации борьбы с глобальным терроризмом. Рутинная деятельность по развитию гражданского общества в «родственном» государстве, возвращению уехавших «мозгов», передаче передовых технологий и пр. привлекают меньше общественного и академического внимания. Нужен, на мой взгляд, дополнительный материал для создания более объективной картины, тем более что рассмотрение диаспор как политических игроков носит в литературе в какой-то степени констатирующий характер. Под дополнительным материалом я имею в виду не наращивание эмпирики, хотя это тоже важно, а свежие исследовательские подходы и заполнение содержательных лакун.

Один из таких подходов дополняет представленную выше аргументацию с объяснительных позиций. Это попытка выявить истоки роста конфликтогенной активности диаспор в последние десятилетия через понимание

природы современных конфликтов и природы современного национализма. В данном ряду заслуживают упоминания и работы, основанные на скрупулезном политологическом анализе поведения конкретных диаспор в конкретных ситуациях нестабильности. Для отечественного читателя этот анализ представляет особый интерес, поскольку касается подобных ситуаций, развивающихся внутри России или близко к ее границам.

В работе Джолле Деммерс (*Jolle Demmers*), специалиста по политической конфликтологии из Голландии, можно найти некоторые новые объяснения интересующего нас явления, и это не только развитие новых коммуникационных технологий, о чем часто приходится слышать и читать в связи с ростом активности диаспор в конце прошлого — начале текущего столетия. Наряду с развитием средств связи и повышением мобильности населения этот автор привлекает наше внимание к появлению нового типа конфликтов в современном мире, а именно к замещению национального государства в качестве главного действующего лица военно-политического конфликта — группами, консолидированными на основе идентичности, будь то этническая, культурная или конфессиональная (*identity group*).

Отсюда характер военных столкновений конца XX в. — они происходят внутри государств и часто их целью является изменение роли и статуса той или иной группы в рамках отдельной страны, а не столкновение государств или их союзов по поводу политико-идеологических расхождений, обеспечения безопасности или в погоне за экономическими ресурсами. Такого рода конфликты влекут за собой большое число жертв именно среди мирного населения (что породило меткое выражение: самое безопасное место во время современных войн — действующая армия), а также выгоняют из домов множество людей. Становясь беженцами, они нередко покидают страну, об-

разуя тот тип экспатриированного сообщества, о котором говорилось выше — *conflict-generated diaspora*²¹.

Поскольку тем или иным образом задействованные в конфликте внутри какой-то страны этнические и этно-конфессиональные группы не могут опереться на международно признанное представительство (ООН, дипломатические службы и пр.), их главной финансовой и политической опорой становятся разбросанные по миру соплеменники. В статье приводятся интересные примеры того, как в подобных ситуациях диаспоры «прессуют» правительства принимающих стран, а власти «родины», в свою очередь, оказывают давление на диаспоры в стремлении получить материальную и/или символическую поддержку²².

Продолжая искать причины активности современных диаспор во всем, что касается отношений с родиной, в том числе и участия в конфликте на ее территории, Дж. Деммерс обращается к возрастающим трудностям интеграции членов диаспор в принимающих государствах из-за подъема расизма и национализма в Западной Европе. Она делает вывод о том, что в сложившихся условиях глубокая интеграция (*full incorporation*) либо невозможна, либо нежелательна для многих диаспор, поэтому они больше настроены на всевозможные контакты с родиной²³.

Данный вывод представляется, в отличие от других соображений автора, приведенных выше, достаточно прямолинейным, а потому спорным. Какую интеграцию автор имеет в виду — экономическую, социальную, культурно-лингвистическую? Наряду со степенью включенности в принимающее общество могут действовать и иные факторы мобилизации, стимулирующие деятельность на благо «родственного» государства. К примеру, кубинцы, компактно проживающие во Флориде, считаются хорошо интегрированной группой, но их интерес к ситуации на Кубе и перспективам сохранения власти в руках социалистического режима неизменно высок.

Другой пример: среди «русских», оказавшихся на Западе после распада СССР, степень успешности разная, но интерес к «родине» выражен стабильно слабо, если не отсутствует вообще²⁴. Кроме того, стремление к сохранению прежней идентичности как реакция на трудности адаптации в принимающем обществе у мигрантов может проявлять себя не все большей ориентацией на «родину», а стремлением к консолидации с выходцами из той же страны, региона, города и пр. в стране проживания (подробнее эти проблемы будут рассмотрены в разделе об идентичности).

Автор далее пытается развить в своей статье идею Б. Андерсона о «национализме на расстоянии», в результате которого, следуя известному концепту того же Андерсона о «воображаемых сообществах», «национальные сообщества воображаются в новом, делокализованном виде»²⁵. Участие в делах «родины» также неизбежно становится дистанционным, а конфликты теряют свою привязку к конкретной территории (*delocalization of conflict*). Со всем этим можно согласиться, однако затем Дж. Деммерс пытается вывести многомерность форм участия диаспор в конфликте и немалую силу их воздействия на него из популярной модели разворачивания конфликта Йохана Галтунга (*Johan Galtung*). Согласно этой модели, конфликт развивается по определенной схеме (несовместимость целей → негативное восприятие сторонами друг друга → деструктивная поведенческая реакция).

Поскольку диаспоры физически изолированы от территории, на которой наблюдается конфликт, они отличаются от групп, оставшихся на родине (*homeland groups*), по своему пониманию цели конфликта, по восприятию ситуации и выбранной модели поведения²⁶. Однако на данном этапе автор попадает в своего рода ловушку, не уточняя, что имеется в виду под *homeland groups*. «Свои» это группы или радикально «чужие»? Из нижеследующего рассуждения можно сделать вывод, что «свои»: «Диаспор-

ные группы и группы на родине живут в разных социальных реальностях... Родина является продуктом воображения детерриториализированных групп. Следовательно, диаспора и локальные группы могут иметь разные интересы и взгляды по поводу того, как поддерживать статус “родины” в качестве вместилища коллективной идентичности и основы культурного воспроизводства»²⁷.

В то же время пример, иллюстрирующий наличие разных подходов двух сторон в ходе развития конфликта, говорит о том, что под *homeland groups* понимаются именно «чужие»: «Даже если диаспора и сообщества, проживающие на родине, одинаково смотрят на исходные противоречия, приведшие к конфликту (например, и сербы, и албанские косовары считают Косово “своей” территорией), в ходе конфликта они, скорее всего, испытывают различные чувства и реализуют разные поведенческие стратегии»²⁸.

Выбраться из означенной ловушки текст самой статьи не позволяет, но выход подсказывает автор в заключительной фразе: она констатирует, что конкретные примеры (*cases*) участия диаспор во внутригосударственных конфликтах изучены еще очень слабо. Эту очевидную лакуну пытается заполнить специалист в области политической социологии (российскому читателю более знаком термин «политолог») Мария Коинова (*Maria Koinova*), представив в ряде работ нюансированный анализ поведения конкретных диаспор в знакомых всему миру конфликтных ситуациях (в том числе и тех, которые относятся к интересующему нас региону).

Исследовательница отмечает, что, хотя существует немало примеров экстремистской деятельности диаспор, из-за чего это слово стало чуть ли не ругательным («*bad name*»), ученым и политикам стоит пересмотреть свое представление о диаспорах как в принципе неспособных к умеренному поведению в транснациональной сфере. Необходимо более глубокое изучение механизмов, усло-

вий и стадий (конфликтной ситуации), при (на) которых мобилизация диаспоры происходит то в радикальных, то в умеренных формах²⁹.

Так, цель одной из работ она формулирует так: «Порожденные конфликтами диаспоры обычно считаются склонными к радикальному поведению. Мне хотелось бы понять, как и почему они, тем не менее, выдвигают умеренные требования, особенно когда выступают поборниками государственного суверенитета, т. е. вторгаются в очень чувствительную сферу»³⁰.

Изучив стратегию ливанской диаспоры в США и находящейся там же албанской диаспоры, связанной с движением за независимость Косово (интервьюирование лидеров и активистов), автор приходит к выводу: во-первых, что эти группы не инициировали борьбу за суверенитет, хотя и оказывали влияние на ход этой борьбы; во-вторых, в своих дискурсивных практиках и пропагандистских кампаниях они не без успеха пытались убедить мировое общественное мнение, и прежде всего власти страны проживания, в наличии связи между углублением (получением) суверенитета и последующей демократизацией на «родине», а также в том, что достижение этих целей поможет снизить угрозы внешнеполитическим интересам США.

Поскольку в данном контексте требования диаспор формулировались как умеренные, а внешние акторы не вмешивались напрямую в напряженную ситуацию вокруг Ливана и Косово, эти требования получили поддержку США и других влиятельных членов мирового сообщества. В результате, хотя отдельные голоса в рассматриваемых сообществах озвучивали призывы к насилию, в целом политически активная часть диаспоры осталась верна умеренной линии поведения³¹.

Иной подход М. Коинова демонстрирует в статье, посвященной более близким нашему регионально-территориальному ракурсу диаспорам — армянской, чеченской

и албанской, причем в контексте развития конфликтов, связанных с сецессией и/или ирредентизмом. Имеются в виду события в России по поводу отделения от нее Чечни; в Сербии по поводу отделения от нее Косова, а также связанные с попытками отделения Нагорного Карабаха от Азербайджана (именно в этом случае сецессионизм сочетается с ирредентизмом). Здесь целью автора является поиск не причин умеренности диаспор, а, напротив, факторов их мобилизации и, соответственно, факторов радикализации конфликта, что происходит обычно не на пустом месте.

Для анализа выбраны именно те экспатриированные группы, которые участвовали в сепаратистских движениях в постсоциалистическом мире. Наследие коммунизма и тот факт, что между частями диаспор, проживающими на Западе и на территориях, подконтрольных СССР, в период «холодной войны» не было никаких контактов, отличает эти диаспоры от тех связанных с сецессией диаспор, которые втянулись в эти процессы на волне деколонизации (сикхи, тамилы, курды, палестинцы). Выбранные кейсы объединяет также и то, что все три конфликта зародились в недрах устроенных по национально-территориальному принципу государственных образований (бывший СССР, бывшая Югославия) по поводу статуса одной из автономных территорий.

Впрочем, различий между кейсами гораздо больше — как между самими диаспорами (по «возрасту», численности, экономическому весу, степени организационной «оформленности» и пр.), так и между ходом развития конфликта и его результатами. Однако, как показано в статье, несмотря на все различия, алгоритмы мобилизации диаспоры во всех трех случаях идентичны, что позволяет лучше понять закономерности пресловутого «спойлерства» в сравнительном разрезе. При этом действия диаспор на разных стадиях конфликта изучаются

не обособленно, а в связке с динамикой поведения элит «родственного» государства³².

Итак, автор ставит перед собой следующие вопросы: кто инициирует конфликт на «родине»; при каких обстоятельствах диаспоры вмешиваются в него; происходит ли при этом радикализация позиции самих диаспор?

Анализ показывает, что диаспоры могут реагировать на сепаратистские движения и настроения на «родине», но не инициируют их. Во всех трех случаях у диаспор до распада СССР было много других приоритетов, кроме подключения к сепаратистской деятельности. Кроме общего социально-политического контекста (жесткий водораздел между СССР и Западом в условиях «холодной войны»), снижающего политические популистские настроения диаспор, в каждом случае существовала своя специфика, «работающая» в том же направлении. Так, например, несмотря на печально известную раздробленность армянской диаспоры по политическому и конфессиональному признаку, оппозиция сепаратизму была единственным пунктом, по которому существовал устойчивый консенсус³³.

Позднее провозглашение независимости «родиной», будь то страна или автономная территория, стало переломным моментом, обусловившим мобилизацию диаспор, которые во всех трех случаях выразили поддержку сепаратистским устремлениям местных элит. Между последними и диаспорными активистами стали формироваться долгосрочные транснациональные коалиции, хотя «стратегический центр» управления сепаратизмом располагался в разных местах. Лишь в «чеченском» случае это была сама территория предполагаемой сепаратизма. В «карабахском» случае центр размещался в Армении, а в «косовском» ситуацию контролировало теневое правительство, ключевые фигуры которого находились в самом Косово и в Германии³⁴.

Однако на означенном этапе вмешательство диаспор проявлялось в умеренных формах (лоббирование и сбор

денежных средств для помощи пострадавшим в военных действиях, содержание теневых структур и пр.). Чтобы диаспоры не просто включились в конфликт, а начали «работать» на его обострение, перейдя от сдержанного к наступательному противостоянию (сбор средств для покупки оружия, вербовка бойцов, помощь наиболее радикальным кругам на «родине»), нужны были два дополнительных условия.

Таковыми «спусковыми крючками» послужили, во-первых, массовые нарушения прав человека, погромы и этнические чистки на родине, что актуализировало сценарии с памятью о травме элементы идентичности диаспор³⁵. Во-вторых, аналогичную роль сыграла фактическая нереализованность изначально поставленных целей³⁶, что способствовало потере доверия политически ангажированных кругов диаспоры к местным элитам, переформатированию или даже распаду (случай Чечни и Армении) прежних транснациональных коалиций и в итоге — к поиску диаспорами более радикальных союзников на «родине».

Итак, мы видим, что диаспоры могут вести себя достаточно наступательно и провокационно по отношению к сепаратистским движениям в «родственном» государстве. В ситуации конфликта это требует повышенного внимания мирового сообщества к поведению диаспор, в чем нельзя не согласиться с М. Коиновой: «Когда происходят массовые нарушения прав человека на охваченных конфликтом территориях, а местные центры влияния начинают терять контроль за ситуацией, международные политические акторы концентрируют свои усилия на том, чтобы оказать гуманитарную помощь беженцам, выступить посредниками в переговорах о прекращении огня и поддержать умеренные силы в зоне конфликта. При этом почти не обращается внимания на радикализацию диаспоральных групп в самих либеральных демократиях... Специальные меры по отслеживанию динамики поведе-

ния диаспор в рамках развертывания спирали конфликта могут быть важным звеном всего комплекса мер по мирному урегулированию»³⁷.

В то же время, как следует из проанализированной статьи, процесс радикализации самих диаспор с последующим или синхронным обострением ими конфликта на «родине» запускается далеко не автоматически; реализация такого сценария не является неизбежной — она обставлена многими условиями и требует для своей реализации стечения ряда особых обстоятельств как международного уровня, так и локально-регионального³⁸. Замечу также, что лишь в одном из трех рассмотренных случаев (Косово) вмешательство диаспоры дало какие-то конкретные результаты; в двух других оно ничему не помогло и ни к чему не привело.

Напрашивается вывод о том, что, анализируя политические роли и влияние диаспор, не стоит их демонизировать *a priori*, в каждом случае требуется стереоскопичный анализ развития конкретной ситуации. В работах последних пяти-семи лет артикулируется похожий тезис о том, что необходимо преодолеть упрощенный подход к политической активности диаспор, трактующий их либо «умеренными» или даже «миротворцами», либо, что бывает чаще, «поджигателями войны»³⁹.

Для получения более сбалансированного представления о формах и последствиях вмешательства диаспор в политическую жизнь родственных государств предлагается разграничивать приватную и возможные публичные сферы приложения усилий диаспор, а также учитывать расхождения в позициях разных группировок внутри последних на разных стадиях конфликта⁴⁰.

Исследователи призывают обратить внимание на такие малоизученные тематические зоны, как поведение диаспор в условиях незавершенного суверенитета их «родин» (*contested sovereignty*), примером чего в изучаемом регионе являются Косово и Нагорный Карабах, а также различия

между гражданской или этнической наполненностью диаспоральной активности⁴¹. В ряду предлагаемых в работах последних лет новаций хотелось бы упомянуть также внимание к деятельности диаспор, находящейся на позитивном полюсе. Таковы их усилия в сфере международного правосудия, в частности, связанные с признанием геноцида или сохранением памяти об имевших место на родине преступлениях против человечности⁴².

Указав на лакуны в изучении причин, форм и следствий мобилизации диаспор, М. Коинова отмечает: «Данные сюжеты необходимо сделать ключевыми в рамках соответствующих дисциплин — таких, как международные отношения и сравнительная политология, где все еще преобладает концентрация на роли государств и связанных с ними процессов»⁴³.

Наконец, политическую активность диаспор необходимо изучать как разворачивающуюся во времени (например, в зависимости от стадий развития конфликта) и, что важно, в пространстве. Последнее означает, что диаспоры в ситуации конфликта на «родине» нередко вступают в коалиции с различными находящимися там силами, и ход событий является результирующей этого взаимодействия при разных сочетаниях силы (слабости) диаспоры и силы (слабости) властей «родины» вообще, а также их политики по отношению к своей диаспоре, в частности. К рассмотрению разнообразных моделей и мотиваций этой политики в постсоветском контексте мы и переходим в следующей главе.

В заключение же данной главы остается сделать важное уточнение, созвучное идеям, высказанным во введении к книге. При анализе роли экспатриированных групп в мировой политике можно не раз столкнуться с позицией руководства той или иной диаспоры, выраженной формулой: «все мы армяне», «все мы евреи», «все мы курды» и т. п. Но нужно помнить о том, что когда речь идет о тех или иных формах политической деятельности диа-

спор, будь то слово или дело, имеются в виду «слова» и «дела» конкретных лиц — лидеров и активистов диаспорных организаций, а при прохождении диаспорой наивысшей фазы мобилизации — наиболее активной ее части, но отнюдь не всех людей соответствующей этнической принадлежности (*ancestry*), проживающих в той или иной стране вне «родины».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данное обстоятельство не меняет тот факт, что некоторые «родины» одновременно являются и принимающими государствами, причем не только и не столько по отношению к этнически родственным группам, сколько из-за притяжения многочисленных трудовых мигрантов (наиболее яркие примеры из числа постсоветских стран — Россия и Казахстан).

² Подобные случаи имеются и вне бывшего СССР, а также стран Центральной и Восточной Европы, но их немного. Назовем, в частности, Индию, часть населения которой осталась за ее пределами в результате образования новых государств на полуострове Индостан — Пакистана и Бангладеш.

³ Далее «постсоветский случай» мы будем понимать в широком смысле, как относящийся к ситуации не только на территории бывшего СССР, но и бывших социалистических стран.

⁴ См.: Vertovec S. The Political Importance of Diasporas // Migration Information Source. June 1, 2005. URL: <http://www.migrationinformation.org/Feature/print.cfm?ID=313> (дата обращения: 15.12.2021). Р. 1. См. также с. 3.

⁵ Наиболее известные примеры успешного лоббирования решений, способных повлиять на ситуацию в постсоветских странах, связаны именно с этими двумя диаспорами. Так, армянская община США сыграла заметную роль в принятии Конгрессом США параграфа 907 Акта в защиту свободы (1992 г.), запрещающего любые формы поддержки Азербайджана американскими властями из-за его блокады Армении и Карабаха (см.: Shiriyeu Z. Armenian Diaspora: Influence on Nagorno-Karabakh Conflict // Azerbaijan in the World. Biweekly Newsletter.

Azerbaijan Diplomatic Academy. School of International Affairs. May 2010. Vol. 3. № 10. P. 5). С учетом стратегического интереса США к азербайджанской нефти это действительно пример очень эффективного давления на власти страны проживания. Впрочем, он столь успешен, сколь и редок. Второй пример имеет весьма долгую историю — это принятие в 1974 г. Конгрессом США «с подачи» влиятельных еврейских организаций действовавшей до 2012 г. поправки Джексона-Вэника.

⁶ Ibid. P. 3.

⁷ Для понимания причин неудачного лоббирования нужно учитывать как системные факторы (в частности, формирование французской нации прежде всего как гражданской), так и локально-политические (традиционно высокое влияние левых партий и идей во Франции), а также особенности самого чрезвычайно сложного и до сих пор не разрешенного конфликта, по поводу которого «скрестили шпаги» французские власти и местные сионистские круги в указанный период (подр. см., напр.: Кузнецов Д. Арабская и еврейская общины Франции как фактор ее ближневосточной политики // *Диаспоры*. 2004. № 3).

⁸ См., напр.: Koinova M. *Diasporas and Secessionist Conflicts: the Mobilization of the Armenian, Albanian and Chechen Diasporas* // *Ethnic and Racial Studies*. 2011. Vol. 34. № 2. P. 334, 336.

⁹ В. Тишков справедливо отмечает, что при недостаточности работ на данную тему по странам бывшего СССР, где примеры такой деятельности весьма впечатляющи, в имеющихся исследованиях упор делается на пользу для «родины» и ущерб для страны проживания (см.: Тишков В.А. Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // *Диаспоры*. 2003. № 2. С. 165). В условиях активных миграций в Россию из стран Центральной Азии, которые существенно усилились с тех пор, как была написана цитируемая статья, весьма злободневно звучат сожаления автора о скудости литературы «...о том, какую огромную пользу развитию экономики стран проживания принесли и приносят диаспоральные сообщества» (там же).

¹⁰ Vertovec S. *The Political Importance of Diasporas...* P. 4.

¹¹ Ibid. P. 4, 5.

¹² Тишков В.А. Увлечение диаспорой... С. 162.

¹³ Там же. С. 167.

¹⁴ Там же. С. 176, 168.

¹⁵ Тут нужно иметь в виду, что в карабахских делах была задействована главным образом так называемая старая, или западная, армянская диаспора, а не новая, проживающая в основном в России. Учитывая значимость влиятельной старой диаспоры в жизни независимой Армении, этот весьма специфический пример взаимодействия диаспор(ы) и «родины» в постсоветских условиях будет рассмотрен в другой части данного раздела.

¹⁶ Тишков В.А. Увлечение диаспорой... С. 163.

¹⁷ Сафран У. Сравнительный анализ диаспор. Размышления о книге Робина Козна «Мировые диаспоры» (окончание) // Диаспоры. 2005. № 1. Пер. с англ. Н. Космарской. С. 119.

¹⁸ Тишков В.А. Увлечение диаспорой... С. 170–172.

¹⁹ Анализ этого деструктивного вклада представлен в: Molchanov M. A Squeezed Country. Ukraine Between Europe and Eurasia // Neighbourhood Perceptions of the Ukraine Crisis. From the Soviet Union to Eurasia? / Ed. by G. Besier & K. Stokłosa. N. Y.: Routledge, 2017. P. 72–73.

²⁰ Anderson B. Exodus // Critical Inquiry. 1994. Vol. 20. № 2. P. 327. См. также: Anderson B. Long-Distance Nationalism: World Capitalism and the Rise of Identity Politics. The Wertheim Lecture 1992. Amsterdam, Centre for Asian Studies. Amsterdam, 1992.

²¹ Demmers J. Nationalism From Without. Theorizing the Role of Diasporas in Contemporary Conflict // Central Asia and the Caucasus. Transnationalism and Diaspora / Ed. by T. Atabaki & S. Mehendale. L. and N. Y.: Routledge, 2005. P. 11, 12.

²² Ibid. P. 12.

²³ Ibid. P. 12, 13.

²⁴ См. об этом, в частности: Тишков В. Увлечение диаспорой... С. 177–178.

²⁵ Demmers J. Nationalism From Without... P. 16.

²⁶ Ibid. P. 16, 17.

²⁷ Ibid. P. 18.

²⁸ Ibid. P. 17–18.

²⁹ См.: *Koinova M.* Conditions and Timing of Moderate and Radical Diaspora Mobilization: Evidence from Conflict-Generated Diasporas // *Global Migration and Transnational Politics*. George Mason University. Working Paper № 9, October 2009. См.: www.cgs.gmu.edu (дата обращения: 15.12.2021). P. 1, 2.

³⁰ *Koinova M.* Can Conflict-Generated Diasporas be Moderate Actors During Episodes of Contested Sovereignty? Lebanese and Albanian Diasporas Compared // *Review of International Studies*. British International Studies Association, 2010. Vol. 37. № 1. P. 437.

³¹ Ibid. P. 24, 25.

³² См.: *Koinova M.* Diasporas and Secessionist Conflicts... P. 335, 337–339.

³³ Различные фракции политически активной диаспоры, «опираясь на прежний травматический опыт и основанную на нем идентичность, опасались, что сецессионизм может вызвать жесткую реакцию России, защитницы Армении на протяжении веков, и спровоцировать таким образом вмешательство в конфликт Турции и новый геноцид армян» (см.: *Koinova M.* Diasporas and Secessionist Conflicts... P. 342). См. также: *Паносян Р.* Непростое прошлое, трудное настоящее, туманное будущее (отношения Армении и диаспоры в 1988–1999 гг.) // *Диаспоры*. 2000. № 1–2. С. 32, 39.

³⁴ Подр. см.: *Koinova M.* Diasporas and Secessionist Conflicts... P. 339, 341–343, 344–345. Тут стоит остановиться на очень важной проблеме, хотя и несколько выходящей за рамки обсуждаемой темы. Почему в посткоммунистической Европе (в частности, в Словакии, Болгарии и Румынии) политической альтернативой сецессии были избраны автономизация или интеграция меньшинств, а в рассматриваемых случаях эти возможности были проигнорированы? По мнению автора статьи, ответ лежит в сочетании двух моментов. Локальные сепаратистски настроенные круги интерпретировали ситуацию в контексте «несправедливости», преодолеть которую, в качестве ответа на

«коммунистическое иго», должно было помочь именно национальное самоопределение, со всеми известными последствиями. Хотя это «послание» (*message*) не было ориентировано именно на «собратьев в рассеянии», а стало частью общей стратегии мобилизации на «родине», в диаспорных кругах оно упало на хорошо подготовленную почву в виде «эмоций, корнящихся в идентичности диаспоры».

Как пишет М. Коинова, «эти воззвания вошли в резонанс с идентичностью порожденной конфликтом диаспоры, зацикленной в своем сознании на дискурсе несправедливости» (с. 343). Имеется в виду память о геноциде армян 1915 г., депортации чеченцев в 1944 г. и бегстве косовских албанцев из страны в период социализма. В сочетании с появлением самой надежды на изменения в 1989–1991 гг. подобные эмоции и обусловили мобилизацию диаспор и их поддержку сепаратизма.

Замечу, однако, что в рассуждениях М. Коиновой речь идет в первую очередь о поведении диаспор, а вопрос о том, почему элиты большинства и меньшинств в названных выше посткоммунистических странах Европы не встали на путь сепаратизма в той или иной форме, не получил в ее работе адекватного ответа. Кстати, из представленной «европейской» схемы выбивается бывшая Югославия, в отношении которой исторически обусловленная «травматичная» идентичность меньшинств не столь очевидна, как в случае, например, с армянами или чеченцами.

³⁵ *Koinova M. Diasporas and Secessionist Conflicts...* P. 347, 348. Важно то, когда такого рода насилие имеет место — до или после вступления диаспоры в конфликт. М. Коинова справедливо отмечает, что антиармянские погромы в Баку в 1988 г. хотя и глубоко потрясли диаспорные круги, но не побудили их к активным политическим действиям. В первом случае возможный ход развития событий не был вполне понятен для диаспоры, а к 1992 г. она уже основательно «вложилась» в независимость Карабаха (с. 349).

³⁶ Имеется в виду, в частности, мирное соглашение по бывшей Югославии в Дейтоне (1995 г.), которое не предусматривало никаких решений по Косово и потому делегитимизировало ненасильственную линию Демократической лиги Косово (АДК). В случае Чечни подобную роль сыграло окончание первой че-

ченской войны (1996 г.), после которой статус территории в составе России остался прежним. Наконец, вспомним соглашение о прекращении огня между Арменией и Азербайджаном, которое не привело к международному признанию независимости Карабаха (см.: *Koinova M. Diasporas and Secessionist Conflicts...* P. 349).

³⁷ Ibid. P. 352.

³⁸ По мнению автора статьи, выявленные ею закономерности являются достаточно универсальными. В доказательство этого тезиса она ссылается на стратегию сикхской диаспоры в отношении Халистана, а также широкомасштабную мобилизацию палестинской диаспоры после бомбардировок Палестины Израилем в 1998 г., что привело к ослаблению местных умеренных группировок и возвышению движения «Хамас» (с. 351, 352). Для подтверждения этого вывода, безусловно, потребуются новые исследования.

³⁹ См., напр.: *Van Hear N., Cohen R. Diasporas and Conflict: Distance, Contiguity and Spheres of Engagement // Oxford Development Studies. 2017. Vol. 45. № 2. P. 171–172; Koinova M. Diaspora Mobilization for Conflict and Post-Conflict Reconstruction: Contextual and Comparative Dimensions // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2018. Vol. 44. № 8. P. 1251, 1262.*

⁴⁰ *Van Hear N., Cohen R. Diasporas and Conflict...* P. 172–174; 177–178.

⁴¹ *Koinova M. Diaspora Mobilization for Conflict and Post-Conflict Reconstruction...* P. 1254–1256.

⁴² Ibid., P. 1252–1254. См. также: *Koinova M. Diaspora Coalition-Building for Genocide Recognition: Armenians, Assyrians and Kurds // Ethnic and Racial Studies. 2019. Vol. 42. № 11; Karabegović D. Who Chooses to Remember? Diaspora Participation in Memorialization Initiatives // Ethnic and Racial Studies. 2019. Vol. 42. № 11.*

⁴³ *Koinova M. Diaspora Mobilization for Conflict and Post-Conflict Reconstruction...* P. 1263.

Глава 2

Диаспоральная политика «родин» в постсоветском/постсоциалистическом мире: модели, типология, сравнения

2.1. «Влиятельная» концепция и оценка ее применимости к современным условиям

Как отмечалось в предыдущей части работы, одной из ключевых особенностей диаспор постсоветского (посткоммунистического мира) является то, что они в большинстве случаев образовались не в результате перемещения людей через границы (по разным причинам), а вследствие движения самих границ — из-за распада (раздела) многонациональных государственных образований. В первую очередь речь идет, естественно, о бывшем СССР, а также о бывшей Югославии. Даже из такого краткого описания можно понять, что отношение «родственного» государства к подобной потере могло обладать значительной спецификой.

Концептуальное осмысление коллизий, порожденных этой своеобразной ситуацией, связано с именем Роджерса Брубейкера (*Rogers Brubaker*). В 1990-е гг. он последовательно развивал свою весьма изящную схему взаимоотношений меньшинств; стран, на территории которых они проживают, и культурно родственных им государств в специфических условиях, сложившихся после того, как полиэтнические империи распались на кусочки, мечтающие стать нациями-государствами¹. Его схема, называемая в отечественной литературе «треугольником» (*triadic nexus*), претендовала на то, чтобы выявить закономерности поведения трех означенных акторов не только в новой, т. е. постсоциалистической Европе, но и на более обширном историческом пространстве.

По мнению ученого, каждому из трех элементов, находящихся в динамичном взаимодействии и во многом определяющих поведение друг друга (по его терминологии, «национальным меньшинствам»², «внешней национальной родине» и «национализирующемуся государству»), свойственны три особых типа национализма, отличающиеся от других известных его типов³.

В очень кратком изложении, «национализирующееся государство» ведет себя в соответствии с той доктриной, что титульная нация — это законный «владелец» страны, «а сама страна мыслится как государство *этой* нации и для *этой* нации». Представления же о дискриминации по отношению к себе до обретения независимости видятся ею как «оправдание “исправительной” или “компенсационной” стратегии использования всей мощи государства в интересах “главной” нации»⁴.

Проще говоря, речь идет о государстве, нацеленном, в лице своих властных элит и всей властной пирамиды, на (при)теснение, а в идеале — (вы)теснение всего «иного» по отношению к доминирующему (титульному) большинству. Недаром в рамках концепции «треугольника» Р. Брубейкер развивал также идею «этнической гомогенизации» (*ethnic unmixing*) — процесса, результатом которого в рассматриваемых исторических условиях может стать массовое перемещение на «родину» так называемых этнически привилегированных мигрантов (*ethnically privileged migrants*)⁵.

В свою очередь, «национализмы родины ориентированы на граждан других стран, воспринимаемых в качестве этнокультурно родственных... “Родина” считает своим правом и обязанностью... защищать права и интересы “своих”»⁶. Сами же «диаспоры катаклизма» «...чувствовали свою пусть не гражданскую, но этнокультурную принадлежность “родине”, от которой они оказались отделенными новыми (или вдруг получившими юридический статус) границами»⁷. Реализовать же эти ощущения они могли либо воссоединившись с родиной как «этнически приви-

легированные мигранты» (например, в рамках программ репатриации), либо добиваясь с ее помощью реализации своих коллективных культурных и/или политических прав в стране проживания.

Тут возникают интересные и немаловажные вопросы. Насколько жизнеспособной, т. е. достаточно адекватно описывающей реальность, была рассмотренная схема в период ее разработки? Что можно было бы из нее взять с собой в последующие постсоветские десятилетия с их диаспорно-миграционными и иными новациями, а также уже накопившимся к настоящему времени большим объемом эмпирического материала о поведении трех составляющих «треугольника» в разных ситуациях? Что в данной концепции, напротив, привязано ко времени ее создания?

Начнем с новаций. Схема Р. Брубейкера отражает ситуацию 1990-х гг. на пространстве бывшего СССР, когда главным было постимперское переформатирование границ. Иной тип формирования экспатриированных сообществ, состоящих из бывших жителей различных постсоветских стран, тогда не был очевиден (по крайней мере как явление, охватывающее значительное число последних). Имеются в виду мощные по интенсивности и численности вовлеченного населения трудовые миграции представителей титульных групп бывших республик — не только в Россию и Казахстан, но и в страны Западной Европы, а также в Турцию, Южную Корею.

Для некоторых стран такие в буквальном смысле вынужденные миграции (от большой нужды) — новое явление (Таджикистан, Узбекистан, Киргизия; Молдавия, Украина). Для других это продолжение советской (и еще более ранней — например, для армян) традиции расселения вне «родины» (армяне, грузины, азербайджанцы). Возникающие отношения в паре «родина»–диаспора в данном случае находятся вне смысловой рамки схемы Р. Брубейкера — не только из-за фактора трудовой ми-

грации, но и потому, что многие принимающие государства (в частности, дальнего зарубежья) не являются «национализирующимися»⁸. Опыт названных отпускающих стран в роли «родин» пока еще минимально затронут в литературе.

Прошедшие годы также показали, что в схему Р. Брубейкера стоит внести важное дополнение. Мира Ватербэри (*Myra Waterbury*) в обобщающей статье (2020 г.) о причинах и результатах диаспоральной политики хотя и называет этот концепт все еще самым ценным (*influential*) в рамках данного тематического поля, но отмечает, что в схему необходимо ввести четвертый элемент. Речь идет о деятельности широкого круга внешних по отношению к «треугольнику» игроков (Европейский союз, НАТО, ООН, Совет Европы и др.), роль которых при урегулировании конфликтов между выделенными Р. Брубейкером тремя акторами его схема незаслуженно игнорирует⁹.

Теперь вернемся к разным сторонам «треугольника». Хотя сам ученый считал свою концепцию лишь «рабочей конструкцией», в западном, да и в российском научном сообществе ее стали рассматривать буквально как «инструкцию по применению», которая, по словам коллеги Р. Брубейкера Лоуэлла Баррингтона (*Lowell Barrington*), «показывает ученым, каких игроков на этой [постсоветской. — Н. К.] сцене надо наблюдать и как интерпретировать их действия»¹⁰.

Особенно полюбилась российским ученым идея о «национализирующемся государстве» (в применении к постсоветским странам). «Ритуальные» ссылки в этом контексте на работы американского ученого — «как указывал Р. Брубейкер,...», без дальнейшей детализации и анализа, до сих пор можно встретить в российских публикациях о различных аспектах этничности и национализма. Между тем особенности процесса «национализации» в каждом из постсоветских государств весьма значительны (о такой специфике, хотя и мельком, писал и сам автор)¹¹. Но про-

блема глубже. В более ранних работах мне уже доводилось ставить вопрос о том, что нельзя рассматривать развитие самих постсоветских стран и политику их властей лишь в суженном проблемном коридоре намерений и действий национализирующегося государства, а также социальных коалиций, порожденных этими действиями, поскольку таким образом игнорируются многообразие и динамика наблюдаемых там иных типов социального размежевания¹².

Теперь о мироощущении членов сообществ, называемых «диаспорами катаклизма». Р. Брубейкер, создавая свою концепцию, выступал прежде всего в роли политолога и социального историка, но не практикующего социолога. Первые же попытки выяснить, как воспринимают новую геополитическую конфигурацию обычные люди — например, какие постсоветские страны они в большинстве случаев считают своей родиной, показали, что проверка «полем» дает результаты, заметно отличающиеся от заложенных в концепцию¹³. Подобного можно ожидать не только по отношению к «внешней национальной родине», но и к конкретному «национализирующемуся государству»¹⁴.

Эти проблемы, которые должны быть исследованы на микроуровне, подробнее будут рассмотрены в разделе книги, посвященном диаспоральной идентичности (в том числе и с привлечением результатов полевых исследований автора). А сейчас вернемся к интересующей нас в данном разделе проблеме макроуровня — поведению «внешней родины». И с этой точки зрения работы Р. Брубейкера, развивающие концепцию «треугольника», представляются достаточно противоречивыми.

С одной стороны, они являются отражением эпохи девяностых, отмеченной, коль скоро речь шла о переформатировании границ на пространстве бывшего СССР, страхом перед российским «империализмом».

По понятным причинам именно «национализм родины» более всего занимал ученого во всех рассматриваемых публикациях — той «родины», которая была способна превратить отношения по линии описанного «треугольника» в «осязяемо конфликтные и потенциально взрывоопасные»¹⁵. В статье о «диаспорах катаклизма» в центре его внимания — «важнейшее и, возможно, наиболее опасное взаимодействие национализмов сегодня — между национализирующимися постсоветскими государствами и Россией с ее национализмом родины»¹⁶.

С другой стороны, в той же работе автор выступил с более умеренных позиций, опять же апеллируя к примеру постсоветской России (в сравнении с политикой Веймарской Германии в межвоенный период): «...моя идея состоит в том, что столкновения национализирующегося национализма постсоветских государств и национализма родины куда менее конфликтны и взрывоопасны, чем может показаться на первый взгляд»¹⁷. В обоснование этого сдержанно оптимистического вывода Р. Брубейкер привлекает наше внимание к важному и актуальному обстоятельству — современной «логике межгосударственных отношений», позволяющей в наше время «обуздать национализм родины такими способами, которые не были доступны мировому сообществу в межвоенный период»¹⁸.

Речь идет об ослаблении принципов государственного суверенитета по сравнению с межвоенным временем. Дело в том, что международное право распространилось «на ряд областей политики, ранее считавшихся внутренним делом государств. Игнорирующая государственные границы озабоченность правами меньшинств, а также соблюдением прав человека на той или иной территории, представляется все более легитимной»¹⁹.

С учетом этих выводов, сделанных на основе анализа постсоветской и, шире, постсоциалистической ситуации по сравнению с геополитическим контекстом, существовавшим в Европе между двумя мировыми войнами, вни-

мание Р. Брубейкера к правилам игры в международной сфере не потеряло своей актуальности.

М. Ватербэри, пытаясь понять причины сдержанности «родин» в их попытках участвовать в жизни этнически родственного населения за пределами своих границ, а также причины того, почему ожидавшийся ирредентизм не стал в Восточной Европе главным оружием «внешних родин», отмечает: «С момента падения коммунизма мы наблюдаем новую парадигму в диаспоральной политике государств Восточной Европы — она во все большей степени формулируется языком прав, в том числе гражданских; реализуется путем институционализации трансграничных экономических, политических и культурных контактов, уже не являясь активной деятельностью по изменению существующих границ или возвращению “своего” населения»²⁰.

В этом контексте формы выражения «родинами» своих символических прав на «соплеменников» «за пределами границ», даже считающиеся радикальными и вызывающие недовольство принимающих государств и/или населения на «родине» (двойное гражданство и предоставление избирательных прав) — все это весьма умеренные варианты диаспоральной политики.

В следующей главе мы посмотрим более внимательно на мотивы и стимулы, побуждающие «родину» к тому, чтобы «заняться диаспорой» (*«diaspora engagement»*) — возможно, они не столь очевидны, как может показаться на первый взгляд, а также на инструменты реализации целей этой политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Brubaker R.* National Minorities, Nationalizing States, and External National Homelands in the New Europe // *Daedalus*. 1995. Vol. 124. № 2; *он же.* Nationalism Reframed: Nationhood and

the National Question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

² В более поздних работах Р. Брубейкера наряду с этим термином для обозначения меньшинств вне родины использовалась метафора «диаспоры катаклизма» (*accidental diasporas*). Речь идет, в частности, о статье, переданной им в 1999 г. для публикации в журнале «Диаспоры» (версия доклада, представленного в том же году на конференции в Беркли, США). Статья была опубликована в № 3, 2000 в переводе автора данной книги под названием «"Диаспоры катаклизма" в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинami (на примере Веймарской Германии и постсоветской России)».

Одно важное терминологическое замечание. Как следует из представленной в статье подробной характеристики этих диаспор, элемент внезапного и тяжело переживаемого политического потрясения весьма важен для понимания их сути. Поэтому мой вариант перевода — «диаспоры катаклизма», уже прочно вошедший в российский научный дискурс, представляется мне более точным, нежели буквальный перевод термина как «случайные диаспоры».

³ Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе... С. 10–12. Кроме этой статьи, на русском языке с концепцией «треугольника» можно ознакомиться по книге: Коротеева В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999.

⁴ Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе... С. 10.

⁵ Подр. см.: Brubaker R. Migrations of Ethnic Unmixing in the «New Europe» // International Migration Review. 1998. Vol. 32. № 4.

⁶ Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе... С. 10.

⁷ Там же. С. 9.

⁸ Тут стоит сделать важное теоретическое уточнение — не являются национализирующимися в настоящее время, но были ими в прошлом (подр. см. параграф 3.3 раздела об идентичности).

⁹ Подр. см.: *Waterbury M. Kin-State Politics: Causes and Consequences // Nationalities Papers. 2020. Vol. 48. № 5. P. 801–802.*

¹⁰ *Barrington L. Rethinking the Triadic Nexus: External National Homelands, International Organizations and Ethnic Relations in the Former Soviet Union. A paper prepared for the 1999 annual convention of the Association for the Study of Nationalities. N.Y., April 15–17, 1999. P. 1.*

¹¹ *Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе... С. 12.*

¹² См.: *Космарская Н. Российская наука о «русских» ближнего зарубежья: итоги пройденного и новая повестка дня. Приглашение к дискуссии // Этнографическое обозрение. 2008. № 2. С. 5.*

¹³ См.: *Barrington L. Rethinking the Triadic Nexus...; Barrington L., Herron E.S., Silver B.D. The Motherland is Calling: Views of Homeland Among Russians in the Near Abroad // World Politics. 2003. Vol. 55. P. 296.*

¹⁴ Иначе говоря, у нас еще недостаточно знаний о том, как ощущается и осмысливается его «давление» на уровне повседневных практик людей, отделенных границами от «внешней национальной родины». Позднее эта лакуна была в какой-то мере заполнена самим Р. Брубейкером и несколькими его соавторами на примере одного из наиболее крупных сообществ венгров, проживающих вне «родины» (а именно: в пограничной Трансильвании, Румыния). Проведя масштабные полевые исследования в столице Трансильвании, авторы книги показали, в частности, что, несмотря на мощный натиск «национализирующегося государства» (в лице напористого националистически настроенного мэра города), местные венгры, как правило, не использовали «этническую призму» при интерпретации наблюдаемых ими в их повседневной жизни постсоциалистических трансформаций (подр. см.: *Brubaker R., Feischmidt M., Fox J., Grancea L. Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2006*). Эта работа стала, по сути, «проверкой полем» и в

итоге контраргументом Р. Брубейкера-социолога в ответ на «рамочные» разработки Р. Брубейкера-политолога.

Несколько забегая вперед, отмечу, что параллельно во многом аналогичные исследования проводила и автор этой книги, но уже на примере «русских» одного из постсоветских государств (см.: *Космарская Н. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992–2002).* М., 2006).

¹⁵ *Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе...* С. 7.

¹⁶ Там же. С. 14.

¹⁷ Там же. С. 15.

¹⁸ Там же. С. 30.

¹⁹ Там же. С. 24.

²⁰ *Waterbury M. From Irredentism to Diaspora Politics: States and Transborder Ethnic Groups in Eastern Europe. Global Migration and Transnational Politics. George Mason University. Working Paper № 6, July 2009 [www.cgs.gmu.edu].* Р. 1 (дата обращения: 17.12.2021). Формулировка в оригинале: *active policies to reclaim populations*; смысл этого глагола — взять обратно, требовать обратно, возвращать себе утраченное.

2.2. Цели и методы диаспоральной политики «родин»

Содержательная попытка систематизировать мировой опыт в этой области с упором на посткоммунистический мир представлена в работах Миры Ватербэри (*Myra Waterbury*). Однако ее выводы нуждаются, на наш взгляд, в дополнениях и корректировке.

Исследовательница развивает четыре тезиса. Красной нитью через ее рассуждения проходит идея **прагматизма «родины»** в ее отношениях с «родственным населением» за пределами границ, независимо от того, как это население там оказалось.

Первое. Несмотря на обращение к риторике «глобальной нации», практическая политика затрагивает лишь некоторые из экспатриированных групп в зависимости от того, что они могут предложить «родине». Еще один критерий (не)вмешательства — оценка рисков возникновения/роста напряженности в отношениях с другими странами.

Второе. У «родственных» государств интерес к диаспорам повышается в зависимости от их специфических политических и/или стратегических интересов, ведь диаспоры нередко обладают уникальными культурными, политическими и материальными ресурсами, которыми элиты «родины» могут захотеть воспользоваться.

Третье. В целях получения доступа к этим ресурсам «родины» предпринимают меры по расширению границ членства в гражданской, политической и/или этнической нации.

Четвертое. В ходе реализации перечисленных целей может возникнуть противодействие на родине на разных уровнях общественной системы (элиты, население), а также разрыв между риторикой властей «родины» и их реальными действиями¹.

Предваряя свой анализ главных мотиваций «родины», М. Ватербэри подчеркивает, что «...местные элиты не являются пассивными акторами, движимыми лишь чувством национальной общности или потребностями самих диаспор. Напротив, главный стимул “поворота” к диаспоре — интересы и ориентации самих элит»².

На мой взгляд, эта мысль о прагматизме как главном регуляторе принятия политических решений несколько упрощает ситуацию. Могут появиться и более «возвышенные» цели — в результате борьбы разных политических сил «родины» или, например, при особой значимости эмоционально окрашенных и/или исторически обусловленных компонентов (национальной) этнической идентичности, «вплетенных» в диаспоральную политику (случай Германии, Армении). Кроме того, возможно и слияние ин-

‘тересов «родины» и диаспоры, особенно если она нужным образом «воспитана» и отмобилизована (случай Китая).

Три главных мотива диаспоральной политики М. Ватербэри определяет следующим образом: 1) извлечение из диаспоры материальных ресурсов для решения экономических проблем «родины»; 2) создание или укрепление легитимности режима внутри страны или в глазах мирового сообщества; 3) использование «родственного» населения как культурно-лингвистического ресурса, который может помочь в определении границ и параметров национальной идентичности³.

Схвачено важное, но опять нужны уточнения. Так, например, к России ни одна из перечисленных мотиваций не относится. Возможна ситуация, когда диаспора никакими значимыми ресурсами не располагает, но ресурсом становится сам факт наличия экспатриированных меньшинств (неважно, что это население думает, чувствует; невзирая на различные исторические основы его формирования и пр.) — ресурсом, на котором на определенном историческом отрезке можно выстроить нужный политико-идеологический проект (в явном виде случай Азербайджана).

Прагматизм «родины» в наиболее яркой форме проявляется тогда, когда речь идет о возможности использовать **материальные ресурсы диаспоры**. И тут выбор обычно делается в пользу наиболее обеспеченных «родственников». Богатые становятся сыновьями/дочерьми, а остальные — пасынками/падчерицами. Индия и Гаити, например, ориентированы в своей диаспоральной политике в первую очередь на экономических мигрантов в США, Канаде и Западной Европе, среди которых достаточно много обеспеченных людей. «Родственное» же население непосредственно за пределами границ (в Пакистане, Бангладеш; в Карибском бассейне и Доминиканской Республике) игнорируется. Это не только бесперспективно

в экономическом плане, но и, что важнее, может вызвать большие осложнения в отношениях с соседями⁴.

Экономический вклад диаспоры складывается из переводов на «родину» средств, заработанных трудовыми мигрантами; из инвестиций, а также (для некоторых стран — Китай, Индия) помощи в осуществлении технологического прорыва в отдельных отраслях или в модернизации страны в целом. Особую роль играют переводы мигрантов (*remittances*). В постсоветском контексте именно эти переводы, размеры которых соперничают с величиной ВВП некоторых стран, являются главным экономическим ресурсом экспатриированного населения (в первую очередь имеются в виду трудовые мигранты в Россию и Казахстан из стран Центральной Азии и Закавказья). Крайне важны переводы для выживания жителей наиболее бедных стран Центральной и Восточной Европы (Румыния, Болгария, Молдавия, Украина).

Однако тут необходимо отметить следующее: мощные потоки переводов могут совершенно не влиять на политику «родины», если она слабая и/или политически нестабильная (Таджикистан, Киргизия), если ей это в принципе неинтересно (Узбекистан) или у «родины» есть другие, более важные политико-идеологические цели, связанные с диаспорой (Азербайджан). То есть потоки движутся своим чередом, мигранты существуют сами по себе. У местных элит по разным причинам нет внятного запроса на использование этих финансовых потоков, их регулирование и пр. В данном случае речь не идет о диаспоральной политике как таковой (по крайней мере, о политике, «завязанной» на экономические выгоды от наличия диаспоры).

Еще один аспект экономической заинтересованности «родины» в этнически близком населении: в условиях экономического роста появляется потребность в трудовых иммигрантах, которых можно легко адаптировать и ассимилировать. Это тот случай, когда диаспора «изобретается» «родиной». Так было, например, в Испании, когда

она предоставила возможности возвращения потомкам испанских переселенцев в Латинскую Америку. Япония также использовала представителей второго и третьего поколений бразильских граждан японского происхождения для пополнения трудовых ресурсов (не нарушая при этом принципов своей концепции гражданства, жестко связанной с этничностью)⁵. В постсоветском случае таких примеров, по крайней мере, в явном виде, не наблюдается.

Обратимся ко **второму, политическому** аспекту отношений с диаспорой. Она может служить средством политической легитимации «родины», упрочения ее суверенитета в периоды кризисов и социальных потрясений, а также в условиях политической либерализации и развития политического соперничества на «родине» после падения авторитарных режимов.

Тут диаспора может пригодиться как фактор, усиливающий позиции и легитимность тех или иных внутренних политических акторов, особенно новых, которые появились, например, в результате мощных трансформаций конца 1980 — начала 1990-х гг. С помощью диаспоры эти новые силы могут объявить себя «спасителями нации» — теми, кто призван исправить ошибки прошлого, заново подтвердить идею о величии национального культурного наследия. «Родственное» население может рассматриваться в этих условиях как потенциальный электорат, способный повлиять на результаты выборов на «родине» через трансграничные СМИ, или даже как контингент, имеющий права голоса и представительства в органах власти на «родине»⁶.

Так, например, в посткоммунистической Венгрии сообщества венгров в соседних Словакии и Румынии продуктивно использовались борющейся за власть праворадикальной партией «Альянс молодых демократов» («Фидес»). Она провела активные агитационные кампании в этих странах, но не для того, чтобы получить голоса местных

венгров, не имеющих формального права участвовать в выборах в другом государстве, пусть даже и «родственным», а ради воздействия на общественное мнение в диаспорах, что нашло свое отражение в государственных венгерских СМИ⁷.

Польша, вступив после крушения социализма на путь модернизации и демократизации, активно опиралась на имевшие давнюю историю сообщества поляков в Западной Европе, США и Канаде, которые располагали не только финансовыми ресурсами, но и достаточным политическим весом в странах проживания. Лоббистские усилия этих диаспор существенно помогли вступлению Польши в Европейский Союз и НАТО, а также, используя имидж диаспоры-«жертвы», способствовали реализации претензий Польши на лидирующие позиции среди новых членов ЕС⁸.

Однако заметим, что немало примеров другого рода, связанных с иной, отнюдь не редкой для постсоветских стран, политической конфигурацией и иными правилами политической игры на «родине». В частности, проблемы экспатрированных меньшинств могут вообще не являться частью официальной повестки дня по принципиальным соображениям (Узбекистан) либо эти проблемы живо интересуют лишь определенные (обычно националистически мыслящие) круги, не определяющие официальный курс (Россия).

Другие варианты: почти полное отсутствие действенного, выходящего за рамки риторики, интереса к «соплеменникам» за рубежом из-за слабости власти и остроты других задач (Таджикистан, Киргизия) или, наоборот, стойкий и напористый интерес, который формулируется и реализуется на практике жесткой рукой авторитарных властей (Азербайджан). Однако в последнем случае, как мы увидим ниже, речь не идет о легитимации режима, внутривластной борьбе за власть и пр.

Наконец, третье важное направление диаспоральной политики «родины» — использование этнически родствен-

ного населения в качестве **культурно-лингвистического ресурса**, который может сыграть свою роль в конструировании национальной идентичности и культурном воспроизводстве этнической нации. Наличие диаспор помогает конструированию и живучести национальных мифов, созданию меганарративов, в которых описываются угрозы выживанию нации как культурно-лингвистического сообщества. Группа за пределами границ, сохраняющая свою культурную отличительность и поддерживающая связь с «родственным» государством через сопротивление ассимиляционному давлению принимающего общества, видится на «родине» как источник национальной гордости и лекарство против страха «культурного растворения».

М. Ватербэри обращает внимание на особый случай значимости культурного «багажа» диаспоры: это население может сохранять чистоту и свежесть языка и культуры на территориях, которые были когда-то частью имперских или колониальных (заморских) владений «родины», тем самым напоминая о моментах прошлого величия и прошлых испытаний. В качестве примера опять приводится Венгрия, «небольшая и лингвистически изолированная страна с имперской историей»⁹.

На первый взгляд, более хрестоматийным примером такого рода могла бы служить Россия, «имперская история» которой носит гораздо более прямолинейный и безусловный характер, нежели в случае Венгрии. Однако тут мы имеем дело с ситуацией, когда русский язык и культура не являются, в силу ряда обстоятельств давней и близкой истории, «собственностью» лишь этнических русских, оставшихся после распада СССР в новых независимых государствах (подробнее сюжет, связанный с «русской диаспорой» и диаспоральной политикой России, будет рассмотрен ниже).

Диаспора может восприниматься на «родине» и как **антиресурс, как негативный ресурс**¹⁰. Рассуждая на эту тему, М. Ватербэри упоминает нередкие ситуации, ког-

да «соплеменники» видятся в отпускающем государстве «предателями», покинувшими родину и/или аутсайдерами, претендующими на получение ресурсов последней в случае возвращения обратно. Эти страхи подогреваются реальными трудностями адаптации и интеграции (будь то в рамках инициированных государством программ репатриации или в ходе стихийных возвратных движений); возникает недовольство местного населения, используемое в противостоянии местных элит. Примеров такого весьма далекого от идиллии «возвращения на родину» немало, в том числе в постсоциалистическом мире.

Диаспора посредством политических контактов с «родиной» может стать негативным ресурсом и сама для себя. Ее чересчур тесные связи с политиками «родины», обычно правого толка, способны радикализировать требования лидеров диаспоры, что может затруднить достижение компромисса с другими силами в странах проживания и сохранение политического единства, необходимого для поддержания (упрочения) статуса того или иного меньшинства в этих странах.

В качестве примера можно упомянуть ситуацию, когда радикальные силы в Венгрии оказывали давление на «родственные» сообщества, побуждая их инициировать процесс территориальной автономизации и тем самым фактически связав им руки в политическом диалоге с властями стран проживания. Подобное давление стало возможным благодаря существованию развитой институциональной основы диаспоры в виде политических партий (в частности, в Трансильвании)¹¹.

Тут проходит важная разделительная линия между во многом близкими (по диаспоральным контекстам) мирами — постсоциалистическим и постсоветским: в последнем консолидация «родственных» меньшинств в зрелых институциональных формах, позволяющих им играть заметную роль в политической жизни страны проживания, является редким исключением¹².

Добавим, что диаспора может восприниматься на «родине» настороженно и в тех ситуациях, когда попытки последней каким-то образом включить ее в свою внутреннюю повестку дня чреваты недовольством стран проживания, подрывая таким образом региональную безопасность, планы межгосударственного сотрудничества и пр. В частности, такая ситуация наблюдается в Центральной Азии. Невзирая, например, на наличие очень крупных групп казахов и определенного числа киргизов в Китае и России, «ни Казахстан, ни Киргизия не готовы жертвовать ради этих “родственных меньшинств” своим стратегическим сотрудничеством с двумя сильными соседями. Экономические и политические соображения, иными словами — *Realpolitik*, перевешивают тот интерес, который данные страны могли бы питать к судьбам соплеменников в КНР и России»¹³.

Нужно иметь в виду, что отношение «родины» к диаспоре переменчиво. Можно наблюдать то «ссору» с диаспорой, то «роман» с ней; то сближение, то дистанцирование (ярким примером такой подвижности является Армения). Еще один пример охлаждения отношений связан с ужесточением Германией политики приема репатриантов из стран Восточной Европы и бывшего СССР.

Учитывая изменчивость отношений в паре «родина»–диаспора, «важно найти объяснение сдвигам в позиции “родины”, найти поворотный момент, под влиянием которого диаспора перестает видаться как обуза, как население, существование которого можно долго игнорировать, и становится в глазах “родины” важным ресурсом, который нужно возвращать и/или использовать... Поворот часто провоцируется крупными структурными сдвигами, такими, как смена характера режима, что нередко сопровождается трансформациями в экономической сфере и в региональном балансе сил. Все это толкает к пересмотру границ политической нации и формата отно-

шений государства с «родственными меньшинствами» за его пределами»¹⁴.

В данной части книги стоит также уделить внимание **инструментам диаспоральной политики** — иными словами, тому, каким образом «родина» взаимодействует с диаспорой. Это может осуществляться следующим образом:

- попытки повлиять на политику стран(ы) приема посредством дипломатических усилий, через систему межгосударственных соглашений и пр.;

- создание различных организаций диаспоры (культурных, образовательных, политических) и (со)участие в их финансировании;

- кооптация активистов диаспоры в патронируемые «родиной» структуры, создание клиентельно-патронажных отношений;

- предоставление членам «родственных» групп различных прав, расширяющих границы политической нации (избирательные права, гражданские права);

- допущение различных форм социального членства (преференции на рынке труда, социальные льготы и субсидии);

- поощрение различных форм реального и символического культурного членства (культурные обмены и трансграничные контакты; риторика этнического единства и воссоединения)¹⁵.

Наделение представителей диаспоры базовыми политическими правами посредством предоставления им **гражданства** (через институт двойного гражданства) — наиболее радикальный и противоречивый инструмент диаспоральной политики. В принципе понятия «диаспоры» и «гражданства» очень тесно связаны. Именно из-за резкой активизации международных миграций в послевоенный и в последующие периоды устоявшийся концепт гражданства, жестко сцепленный с территорией и с лояльностью нации, начал приобретать все более расплы-

вчатые очертания. Усложнению картины способствовали также процессы «движения границ», из-за чего многие этнокультурные группы оказались оторванными от «родственного государства».

Отпускающие страны (как отмечалось выше, это в основном мировой Юг) часто идут на риск получить в качестве граждан людей с «разделенной лояльностью» (*divided loyalties*) ради экономических выгод, в частности, переводов многочисленных трудовых мигрантов, привлечения инвестиций, технологических инноваций (Индия, Вьетнам, Филиппины, Мексика, Египет и др.). Именно с этим моментом связывается рост в последние десятилетия числа стран, узаконивших институт двойного гражданства и фактически допустивших в состав политического/гражданского сообщества не только своих граждан, постоянно проживающих за пределами «родины», но и бывших своих жителей, получивших гражданство принимающего государства.

Интересный пример являет собой Мексика. «Материальное» (переводы и инвестиции мигрантов, проживающих в США) перевесило там «эмоциональное» и «культурное» (сомнения в том, что эти мигранты могут считаться настоящими мексиканцами). В итоге в ходе борьбы между различными партиями закон о двойном гражданстве все-таки был принят¹⁶.

В постсоветском пространстве страны такого типа также находим среди массово «отпускающих» трудовых мигрантов — это, в частности, Киргизия и Таджикистан. Нужно отметить, что законодательством России, куда эти мигранты в основном направляются, двойное (множественное) гражданство давно разрешено Конституцией. Однако при отсутствии с той или иной конкретной страной межгосударственного соглашения, регулирующего множество деликатных аспектов, вытекающих из факта двойного гражданства (служба в армии, уплата налогов, обмен базами данных и пр.), российские граждане,

заимевшие второй паспорт, продолжают рассматриваться у нас в этом же качестве со всеми вытекающими отсюда следствиями.

В 1990-е гг. Россия активно стремилась к таким двусторонним соглашениям со странами СНГ, чтобы облегчить положение своей «диаспоры катаклизма» — миллионов русских и русскоязычных, оставшихся после распада СССР в бывших союзных республиках. Однако эти усилия наталкивались на сопротивление последних из-за вполне традиционных опасений получить «пятую колонну» на своей территории. Позже, уже под влиянием мощной миграции титульных групп, у некоторых стран Центральной Азии возникла заинтересованность в подобных соглашениях (оно было подписано, частности, с Таджикистаном).

Что касается Киргизии, положение о допустимости двойного гражданства для граждан этой страны было включено в Конституцию (2006 г.), а годом позже был принят соответствующий закон¹⁷. Таким образом, для множества выходцев из Киргизии, получивших правдами и неправдами российское гражданство (а их насчитывается уже несколько сотен тысяч), сохраняется возможность не только участвовать в политической жизни «родины», но и покупать там недвижимость, вести бизнес и пр. Таким образом, им легче делать вложения в экономику и благосостояние страны, что и было основным стимулом для подвижек в киргизстанском законодательстве. Что касается соглашения с Россией, регулирующего права и обязанности людей с двойным гражданством, то оно пока не подписано.

Как и другие элементы диаспоральной политики, реализация «родиной» тех или иных мер, связанных с гражданством, теснейшим образом связана с разделяемым правящими элитами (или их наиболее влиятельной частью) представлением о национальной идентичности, т. е. с содержанием «национального проекта». Как пишут авторы предисловия к специальному номеру журнала

«*Nationalism and Ethnic Politics*», «каждая версия национализма, будь то террористическая, демократическая или “банальная”, проявляющая себя на уровне повседневных практик, пытается воплотить в жизнь свою интерпретацию нации через обладание территорией, через институты и, в некоторых случаях, национальные диаспоры». И далее: «...процесс конституирования диаспоры тесно связан с бесконечным процессом нациестроительства [*nation-building*], в рамках которого траектории национальной и диаспоральной политики дополняют и питают друг друга»¹⁸.

Этот процесс усложняется в тех случаях, когда одна и та же страна вынуждена искать оптимальные для себя формы подключения диаспоры к жизни «родины» и одновременно решать проблемы гражданского статуса членов многочисленных иммигрантских меньшинств на своей территории¹⁹. Чтобы удовлетворить всех, нужно оперировать категорией гражданства, наполненной противоположными смыслами, а это означает применение одним и тем же государством взаимоисключающих концепций нации (этнической и гражданской)²⁰, что вряд ли возможно на практике.

Выходом из этой «мировоззренческой» ситуации является обращение к разнообразным промежуточным, половинчатым, суррогатным формам гражданства²¹, что может быть вызвано также и практическими социально-экономическими и политическими соображениями. Такие субституты используются в том числе и при выстраивании отношений с «родственным» населением за пределами границ.

Один из вариантов такой политики называется *ethnizenship* (что можно достаточно вольно перевести с английского как «этногражданство»), предусматривающее символическую причастность к «этническому коллективу» через предоставление членам диаспоры некоторых льгот

без необходимости смены ими места постоянного жительства (*non-resident dual citizenship*).

В Восточной Европе такого рода меры были вызваны тем, что перспектива вступления некоторых стран региона в ЕС и впоследствии в шенгенскую зону «отсекала» от них «соплеменников», остающихся за новым «железным занавесом». В то же время само членство в ЕС по понятным причинам не предполагает полноценного двойного гражданства по отношению к гражданам государств, не входящих в организацию. В качестве альтернативы, дающей возможность поддержания контактов через границы, «родственному» населению выдавались, например, личные идентификационные карты (*ethnic identity card*), дающие право на различные льготы в период пребывания на территории «родины» (разрешение на временную работу, льготы при поступлении в вузы и др.).

Предусматривалась также поддержка «родственных меньшинств» в странах их проживания — и через институты (культурная и финансовая помощь организациям диаспоры), и на индивидуальном уровне (помощь родителям, отдающим детей в школы с обучением на родном языке, субсидирование поездок на «родину»). Еще сильнее от общепринятого понимания гражданства дистанцируется предоставление членам диаспор преимуществ при натурализации, причем по индивидуальному заявлению, а не вследствие коллективных прав на этнической основе²².

Однако даже половинчатые меры по приобщению «соплеменников» к экономической, культурной и тем более политической жизни «родины» в большинстве случаев осуществляются по принципу «и хочется, и колется». Эти меры могут стать объектом серьезной борьбы между различными политическими силами на «родине», вызывая также противодействие ее населения²³. Местные политики должны зайти довольно далеко в предоставлении «родственному населению» за пределами границ реально действенных стимулов сохранения лояльности. В то же время

политики боятся идти по этому пути слишком далеко, поскольку притягивание диаспоры в члены культурной или, тем более, политической нации чревато нежелательными последствиями: «Условия принадлежности к нации почти всегда являются основанием для конфликта»²⁴.

М. Ватербэри формулирует несколько вопросов, которые вправе задать те, кто не согласен с расширением границ политической нации за счет диаспоры. Каковы возможные издержки для государства, если представители «родственной группы» получают уникальный правовой статус, способствующий росту не только их политическому, но и экономическому влиянию? Если им разрешат выбирать ту форму идентичности (лояльности), какую они пожелают — к каким последствиям это может привести? Кто является настоящими (*authentic*) представителями нашей культуры, нашего народа — мы или они? Какой урон может понести наша экономическая и политическая стабильность, даже наши внешнеполитические приоритеты, если границы нации выйдут за пределы границ государственных?²⁵

Особые опасения по поводу подобного расширения символических границ возникают в странах, не только обладающих крупными диаспорами, но и имеющих в анамнезе историю оккупации и территориального расчленения. Отсюда боязнь размывания границ нации за счет присоединения тех, кто проживает за ее пределами и потенциально может обладать двойной лояльностью (ярким примером является Польша)²⁶.

Ориентация «родины» на необременительные, суррогатные формы гражданства может быть вызвана и чисто экономическими причинами. Например, в Восточной Европе, где Венгрия, Словакия, Словения и Румыния пытаются выстроить режим так называемого расплывчатого гражданства (*fuzzy citizenship*), промежуточный между гражданином и иностранцем, их диаспоры располагаются в странах, менее развитых экономически, чем «роди-

ны» (например, венгры в Румынии, румыны в Молдавии). Сами же «родины», в свою очередь, уступают в уровне социально-экономического развития своим соседям с запада, куда они поставляют дешевую рабочую силу и в форме трудовой миграции, и путем приема на своей территории западных производств. В этих условиях данные страны пытаются избежать любых мер диаспоральной политики, которые могли бы стимулировать массовое перемещение в их пределы неквалифицированной рабочей силы под лозунгом «воссоединения нации»²⁷.

Интересные коллизии возникают в том случае, когда «родственные меньшинства» выступают не пассивным реципиентом, ожидающим, что ему предложит «родина» (именно такие более частые ситуации и были рассмотрены выше), а, наоборот, когда в силу своих размеров, экономического и культурного потенциала диаспора вступает фактически в конфликт с «родиной».

Подобная ситуация сложилась в 2000-е гг. у Индии в отношениях с многочисленной и наиболее экономически благополучной частью диаспоры, состоявшей в основном из граждан других государств. В ответ на требования двойного гражданства в обмен на финансовую помощь, власти Индии, путем сложных переговоров, законодательных усилий и умелой игры на особенностях идентичности «соплеменников», сумели предложить диаспоре взаимовыгодное партнерство, своего рода сделку, по условиям которой символический культурный капитал «родины» обменивался на вполне осязаемый финансовый капитал диаспоры. Последней, в качестве утешительного приза, был предложен суррогатный вариант гражданства (*Overseas Citizenship of India*), являющийся, по сути, бессрочной визой и не предусматривающий каких-либо форм политического участия в жизни Индии²⁸.

Наконец, стоит отметить, что «воссоединительная» риторика элит «родины» не всегда выливается в конкретные действия. М. Ватербэри связывает это с нежеланием на-

селения на «родине» массово принимать членов диаспоры в политическое сообщество, предоставляя им экстерриториальные права граждан страны. Но могут быть ситуации, когда политика, связанная с гражданством, остается в основном декларативной по другим причинам: либо приоритеты диаспорального «проекта» лежат в совершенно иной плоскости (Азербайджан), либо, например, подобная задача не ставится, в том числе и из-за отсутствия четкого ответа на вопрос, кого же считать членами «нации» (Россия).

* * *

Подведем предварительные итоги. В своих попытках обобщить разнообразный страновой материал и провести «ревизию» разнообразных ролей, которую «родина» играет по отношению к диаспоре, М. Ватербэри остается в значительной мере в плену региональной ситуации, а именно той, которую можно наблюдать в Восточной Европе. Основной массив приведенных ею примеров касается Венгрии. И то, и другое неудивительно, ведь исследовательница является специалистом в первую очередь по национализму и диаспоральной политике в этой стране²⁹. Данный «крен» не учитывает то, что вариативность диаспоральной политики «родин» в постсоветском контексте гораздо выше, чем следует из ее работ (что я пыталась показать в своих комментариях).

М. Ватербэри, в частности, практически не пишет о проектах репатриации. Исключением является краткое упоминание Казахстана с его программой переселения *оралманов*. Возможно, это связано с тем, что в Восточной Европе вступление многих стран региона в ЕС, а затем в безвизовую шенгенскую зону — и «родин», и государств проживания (например, Венгрии, Словакии и Румынии) выводит репатриацию «родственных групп» из списка наиболее насущных задач диаспоральной политики. А такие проекты, представляя собой принципиально

иную схему отношений «родственного» государства с экспатрированными группами, в постсоветском контексте не редкость.

Тут мы встречаем «максималистские» и очень энергичные проекты — такие, как соби́рание евреев в Израиле, нацеленное в теории в соответствии с доктриной сионизма на прекращение существования евреев в диаспоре. А в Киргизии, например, это программы вынужденные (от безденежья) и вялотекущие (из-за остроты политических и экономических проблем, стоящих перед страной). На фоне проектов очень разношерстных, но объединенных идеей «права крови» (программы привлечения «этнически привилегированных мигрантов» в страны дальнего зарубежья — Германию, Грецию, Финляндию, а также, к примеру, в Казахстан или даже отдельные автономные республики — репатриация в Бурятию бурят из Монголии), особняком стоит Россия с ее программой переселения «соотечественников», основанной на внеэтнических критериях. Случаи отказа от идеи репатриации тоже различны — от принципиальных (Узбекистан) до сугубо вынужденных (Армения).

Мотивации и политические шаги «родины» выходят тут за пределы рассмотренной выше классификации (другой вопрос — насколько успешно и активно проходит «возвращение»). Кстати, именно в этом пункте схема Р. Брубейкера выглядит достаточно жизнеспособной. Государства проживания стараются вытеснить этнокультурных «других», а «родины» — притянуть их к себе, т. е. в идеале провести этническую «гомогенизацию» и «тут», и «там».

М. Ватербэри главным актором считает «родственное» государство. Сами диаспоры предстают в ее работах скорее пассивными компонентами трехсторонней системы взаимоотношений и при этом источниками ресурсов для «родины».

Ученый из Франции Оливье Феррандо (*Olivier Ferrando*), избравший объектом своего исследования диаспоральную

политику в рамках другого региона — постсоветской Центральной Азии, пытается реализовать иной подход. Во-первых, варианты этой политики сгруппированы им «по нарастающей»; иными словами, от риторики к действиям, от мер единовременных к системным и т. п. Во-вторых, автор ставит своей задачей рассмотреть разноеобразие ситуаций и результатов этой политики в регионе сквозь призму динамичного взаимодействия трех «заинтересованных» акторов (используется даже термин Р. Брубейкера — *triadic nexus*, хотя отношения местных «родин» с «соплеменниками» в Иране, Китае, Афганистане, Монголии и пр. явно не вписываются в постимперскую схему, проанализированную выше).

Данный подход мог бы удачно дополнить наше представление о диаспоральной политике, показав картину сложных взаимодействий между каждой из четырех бывших союзных республик региона (кроме Туркмении), их экспатрированными группами и различными странами проживания этих групп — как постсоветскими, так и относящимися к дальнему зарубежью (Афганистан, Иран, Турция, Китай, Монголия). Однако взаимодействия всех трех акторов и на этом региональном примере не получается. В Центральной Азии наиболее активны «родины» (пытающиеся, например, реализовать с той или иной степенью настойчивости и размаха программы репатриации), а также страны проживания, с которыми «родинам» приходится договариваться по тем или иным позициям (обеспечение свободы передвижения, поддержка образования для меньшинств на родном языке, проблемы двойного гражданства и др.)³⁰.

Еще раз подтверждается то уже отмеченное нами в начале раздела обстоятельство, что в постсоциалистическом мире диаспоры обычно представляют собой пассивное, «ведомое» звено «треугольника». Но, возможно, так будет не всегда. И тут хотелось бы обратить внимание на то, что диаспора, формально объединяющая людей одного

этнического происхождения (того самого *ancestry*), иногда складывается на протяжении десятилетий или даже столетий в результате нескольких волн переселения, вызванных очень разными причинами. Потому она является собой очень разношерстный конгломерат (по своей идентичности, отношениям с принимающим обществом, восприятию родины и пр.), рассредоточенный к тому же по различным территориям.

«Родина», в зависимости от своих задач и потребностей, обычно строит диаспоральную политику, ориентируясь не на «диаспору» в целом, а на ее отдельные сегменты. Вариант такой «сегментации» — наличие «старой» и «новой» диаспор. Они различаются не только продолжительностью пребывания вне «родины», но и причинами переселения, его территориальной привязкой, а также гражданским статусом, степенью этнокультурной интеграции и экономической успешности в странах проживания.

Ярким примером подобного «многослойного пирога» являются крупнейшие по численности мировые диаспоры — индийская (начала формироваться с 1840 г.) и китайская (с середины XVII в.)³¹. В таких условиях у «родины» возникает большое пространство для вариативности отношений с диаспорой, в рамках которых последняя может быть весьма активной или, по крайней мере, способной к активности, если ее заинтересовать перспективами сотрудничества с «родиной»³².

В постсоветском мире уровень вариативности среди подразделений диаспоры в целом гораздо ниже, что сужает как палитру методов диаспоральной политики, так и уровень активности диаспор и их отдельных сегментов. Но в будущем ситуация может измениться, как минимум, из-за новых волн миграции в доселе непривычных для той или иной этнической группы направлениях. Такова, в частности, трудовая миграция из стран Центральной Азии в Россию и Казахстан (видимо, из-за недостаточной ее изученности и пока непонятных перспектив

складывания новых диаспорных сообществ О. Феррандо, анализируя диаспоральную политику стран региона, лишь мельком упоминает явления, способные наполнить эту политику новым содержанием).

Как я пыталась показать, имеющиеся типологии диаспоральной политики не вполне удовлетворительны, поскольку их авторы либо осознанно, либо под влиянием прежнего исследовательского опыта остаются в рамках регионального подхода к проблеме. Наш анализ будет неполным, если не упомянуть попытку посмотреть на диаспоральную политику стран мира «с птичьего полета», предпринятую Франческо Рагацци (*Francesco Ragazzi*)³³. Этот исследователь столь же активен в изучении нашей темы в дисциплинарных рамках политической географии и политической социологии, как М. Коинова и М. Ватербэри.

Он справедливо отмечает, что встречающиеся в литературе сравнительные исследования диаспоральной политики затрагивают лишь ограниченное число государств³⁴. Его же работа основана на анализе 35 находящихся на разных континентах стран по 19 показателям, характеризующим их отношения с диаспорами. Эти переменные, сведения о которых черпались из вторичных источников, описывают пять видов политической активности стран-«родин»: символическая политика (например, включение связанных с диаспорой событий в национальный календарь праздников); социально-экономические меры; культурные и конфессиональные связи; политика в области гражданства и, наконец, меры государственно-бюрократического контроля.

В качестве дополнительных характеристик «родин» использовались и другие данные: ВВП на душу населения; размеры переводов мигрантов и их доля в ВВП; абсолютная и относительная численность «родственного населения» за рубежом. Эти добавления нужны для того, чтобы в «выборке» были равномерно представлены страны

не только с разными подходами к своим диаспорам, но и различающимися по важнейшим показателям, связанным с наличием последних³⁵.

Собранные данные обрабатывались с помощью множественного анализа соответствий (МСА, вариант факторного анализа). Данный метод «позволяет визуализировать разбросанность кейсов (стран) по отношению друг к другу на основе их специфических черт, описанных с помощью набора переменных»³⁶. По результатам анализа совокупность выбранных стран «разошлась» по нескольким кластерам, соответствующим пяти выявленным, в зависимости от их отношений с диаспорами, типам государств.

Эти типы следующие: 1) государство с сообществом экспатов (*the expatriate state*) — примерами являются Великобритания, Франция, Италия; 2) «закрытое государство» (*closed state*), ограничивающее мобильность своих граждан (Куба, Иран, Северная Корея); 3) «равнодушное» государство (*indifferent state*), не проявляющее интереса к «родственному населению» за рубежом (Бельгия, Нигерия); 4) государство, управляющее потоками рабочей силы (*managed labour state*), которое предоставляет льготы для возвращающихся инвесторов, а также оказывает поддержку «соплеменникам» в других странах (Бразилия, Колумбия, Филиппины)³⁷.

Россия входит в довольно многочисленную группу государств, относящихся, по мнению автора исследования, к «глобальной нации» (*the global nation*). Что же характеризует их отношения с диаспорами? Главный смысл — много-много всего. «У этих стран (среди них Эфиопия, Мексика, Ирландия, Греция, Марокко, Россия, Индия и др.) очень широкий набор инструментов диаспоральной политики и прав, предоставляемых родственному населению за рубежом. Они поощряют лоббирование, выдают соотечественникам документ о национальном происхождении (подобно *Overseas Citizenship of India*), оказывают поддержку репатриантам, проводят диаспоральные кон-

ференции. У этих стран есть культурно-языковые программы... они заинтересованы в экономических и политических ресурсах диаспоры, предоставляя в обмен (в результате противоборства диаспоры с отпускающим государством) различные политические, гражданские и социальные права»³⁸.

Столь пространная цитата, затрагивающая и ситуацию в России, приведена для иллюстрации того, что описанная типология, на мой взгляд, является очень обобщенной (действительно, «взгляд сверху», когда деталей не разглядишь), а потому весьма поверхностной и малоинформативной. Она полезна для понимания лишь самых общих мировых трендов в диаспоральной политике. О ситуации в России, например, из описания кейса судить трудно, а многое из упомянутого к ней просто не относится.

Понятно, что в группу объединены страны с самым широким набором целей и инструментов диаспоральной политики, но крайне не хватает локальных контекстов и локальной конкретики. Собственно, о необходимости развития исследований в данном направлении говорит и сам автор в своих выводах, касающихся методологии: «Широкий подход к анализу позиций государств и факторов, их определяющих, не может быть реализован без углубленного изучения самих страновых ситуаций... И тут важным дополнением к данным, полученным из вторичных источников, станет материал, собранный качественными методами»³⁹.

На мой взгляд, возможности, пределы, трудности и последствия применения того или иного инструмента диаспоральной политики «родины» можно понять лишь в рамках конкретной ситуации, во всей полноте ее исторических, (гео)политических и культурных контекстов. Хотелось бы также подчеркнуть, что при всей важности форм и конкретных методов такой политики еще важнее знать, что определяет выбор той или иной стратегии, того или иного инструмента.

Один из ключевых критериев — представления (пра-
влящих) элит «родины» о **базовых параметрах националь-
ной идентичности**, а именно: основываются эти элиты в
своей этнополитической деятельности (в том числе и вну-
три страны) на идее **этнической или гражданской на-
ции**. Ситуация усложняется в том случае, если существует
конкуренция влиятельных групп элит по этому вопросу, а
также если диаспора достаточно сильна и между нею и
«родиной» существуют заметные разночтения, касающи-
еся «наполнения» идентичности и мер по ее сохранению/
укреплению.

Исходя из названных моментов, в последующих ча-
стях книги я хотела бы рассмотреть относящиеся к пост-
советскому (постсоциалистическому) миру ситуации
взаимодействия «родины» с диаспорой. Эти ситуации,
представляющие шесть стран, будут объединены в пары:
Китай и Армения; Узбекистан и Азербайджан; Россия и
Венгрия. Возможно, и сам выбор стран, и их объедине-
ние в пары (по принципу общность–различие–контраст)
кого-то удивит или даже покажется парадоксальным.
Однако мне кажется, что предложенная конфигурация в
достаточно красноречивой форме может показать и все
многообразие связей, складывающихся в постсоветском
мире по линии «родина» — «родственная» группа за «пре-
делами границ», и все многообразие контекстов, обуслов-
ливающих и формирующих такие связи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Waterbury M. Bridging the Divide: Towards a Comparative Framework for Understanding Kin State and Migrant Sending State Diaspora Politics // Diasporas and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods / Ed. by R. Bauböck and Th. Faist. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010. P. 135.*

² *Ibid.* P. 136–137.

³ Ibid. P. 137.

⁴ Так, например, принятые в Индии законоположения о «людях индийского происхождения» осознанно не включают в данную категорию граждан соседних с Индией Пакистана и Бангладеш из-за опасений обострения региональных противоречий. См.: *Waterbury M. Bridging the Divide: Towards a Comparative Framework...* P. 136.

⁵ Ibid. P. 138.

⁶ Ibid. P. 138–140. См. также: *Waterbury M. From Irredentism to Diaspora Politics: States and Transborder Ethnic Groups in Eastern Europe. Global Migration and Transnational Politics. George Mason University // Working Paper. № 6. July 2009 [www.cgs.gmu.edu].* P. 3 (дата обращения: 18.12.2021).

⁷ *Waterbury M. Bridging the Divide: Towards a Comparative Framework...* P. 140; она же. Internal Exclusion, External Inclusion: Diaspora Politics and Party Building Strategies in Post-Communist Hungary // *East European Politics and Societies.* 2006. Vol. 20. № 3.

⁸ См., напр.: *Славецкий В. Диаспоры этнических поляков во внешней политике Польши // Международные исследования. Общество. Политика. Экономика. Институт социально-политических исследований Казахстана. 2010. № 1.*

⁹ *Waterbury M. Bridging the Divide: Towards a Comparative Framework...* P. 139.

¹⁰ Ibid. P. 137–138.

¹¹ *Waterbury M. From Irredentism to Diaspora Politics...* P. 7, 8.

¹² Если понимать постсоветский контекст очень широко (с включением территорий притяжения выходцев из бывшего СССР), примером такой легитимной и жизнеспособной политической консолидации могут служить «русские» партии Израиля. В самих постсоветских странах к данной модели приближаются политические объединения «русских» (или отражающие интересы «русских») в Латвии. Другой вопрос — в какой степени «родина» (т. е. Россия) готова и способна учитывать существование этих партий в своей диаспоральной политике. Имеющие долгую историю партии армянской диаспоры выпадают из названного

ряда, поскольку обслуживают в первую очередь интересы самих армянских общин.

¹³ Феррандо О. Страны Центральной Азии и их «родственные меньшинства» в регионе: от диаспоральной политики к программам репатриации. Пер. с англ. Н. Космарской // *Диаспоры*. 2012. № 1. С. 83.

¹⁴ Waterbury M. Bridging the Divide: Towards a Comparative Framework... P. 137.

¹⁵ Подр. см.: *ibid.*, P. 141–142.

¹⁶ *Ibid.* P. 145.

¹⁷ Подр. см.: Ruget V., Usmanalieva B. Citizenship, Migration and Loyalty Towards the State: A Case-Study of Kyrgyzstani Migrants Working in Russia and Kazakhstan // *Central Asia Survey*. 2008. Vol. 27. № 2. P. 131, 134, 138.

¹⁸ Barabantseva E., Sutherland C. Diaspora and Citizenship: Introduction // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2011. Vol. 17. № 1.

¹⁹ Некоторые из таких стран попадают в регионально-проблемные рамки нашего анализа. Это европейские страны с длительной историей рассеяния (в том числе и по территории бывшего СССР), ставшие в новейшее время в силу своего высокого экономического потенциала притягательными для множества трудовых мигрантов из менее развитых стран. В этом ряду можно назвать Германию, Финляндию, Грецию, стоящую несколько особняком Венгрию, а среди постсоветских стран — Россию и Казахстан. Намного больше тех государств, которые вынуждены решать проблемы гражданства не одновременно на двух фронтах, а на каком-то одном, чаще — «иммиграционном».

Это отразилось и на степени изученности проблемы: большая часть работ, посвященных теоретическим и прикладным аспектам гражданства в современном мире, затрагивает отношения экспатриированных меньшинств не с «родиной», а со странами проживания (см.: Barabantseva E., Sutherland C. *Diaspora and Citizenship*... P. 1).

²⁰ Надгосударственные же объединения вынуждены считаться с наличием неразрешимых противоречий в базовых принципах гражданства, на которых эти объединения покоятся. Так, например, в рамках ЕС «постоянная конфликтность между эт-

нокультурными и основанными на территории принципами гражданства была усилена тем, что этнические предпочтения в законодательстве о гражданстве некоторых стран — членов ЕС так и не были оспорены организацией. Европейская конвенция о национальности 1997 г. не потребовала от отдельных стран отмены тех положений о преимущественных правах этнически родственных групп, которые были приняты до появления конвенции. Это показывает, насколько глубоки и неразрешимы противоречия в организации, касающиеся базовых принципов европейского гражданства» (см.: *Barabantseva E., Sutherland C. Diaspora and Citizenship*... P. 6).

²¹ Краткий обзор таких «урезанных» форм гражданства и порожденных ими научных концептуализаций можно найти в: *Ruget V., Usmanalieva B. Citizenship, Migration and Loyalty*... P. 129.

²² Подр. см., напр.: *Waterbury M. From Irredentism to Diaspora Politics*... P. 5, 6.

²³ Интересный пример долгих и зигзагообразных поисков допустимого оптимума в отношениях с родственными меньшинствами за рубежом являет собой Венгрия. Этот кейс будет подробно рассмотрен ниже.

²⁴ *Waterbury M. Bridging the Divide: Towards a Comparative Framework*... P. 143.

²⁵ *Ibid.* P. 144.

²⁶ Подр. см.: *Waterbury M. From Irredentism to Diaspora Politics*... P. 4, 5.

²⁷ См.: *Skrentny J., Chan S., Fox J.E., and D. Kim. Defining Nations in Asia and Europe. A Comparative Analysis of Ethnic Return Migration Policy / Diasporic Homecomings. Ethnic Return Migration in Comparative Perspective. Ed. by T. Tsuda. Stanford: Stanford University Press, 2009. P. 62.*

²⁸ Подр. см.: *Xavier C. Experimenting With Diaspora Incorporation: The Overseas Citizenship of India // Nationalism and Ethnic Politics. 2011. Vol. 17. № 1. P. 40–46, 48–49.*

²⁹ В частности, Венгрии как «родине» и ее диаспоральной политике этот автор посвятила целую книгу: *Waterbury M. Between*

State and Nation. Diaspora Politics and Kin-State Nationalism in Hungary. N.Y.: Palgrave MacMillan, 2010.

³⁰ Подр. см.: *Ferrando O.* Politics of «Diasporization» in Post-Soviet Central Asia / *Diasporas: Critical and Inter-Disciplinary Perspectives*. Ed. by J. Fernandez. Oxford: Inter-Disciplinary Press, 2009 (электронное издание): <http://www.inter-disciplinary.net/at-the-interface/>. P. 1–2, 6–8 (дата обращения: 17.12.2021). См. также: *Ferrando O.* Central Asian States and Their Co-Ethnic Minorities Abroad: From Diasporic Policies to Repatriation Programmes // *Международные исследования. Общество. Политика. Экономика*. 2009. № 1. Русскоязычная версия последней статьи: *Ferrando O.* Страны Центральной Азии и их «родственные меньшинства»...

³¹ Подр. см.: *Xavier C.* Experimenting With Diaspora Incorporation... P. 37–38; *Ларин А.* Китайцы зарубежья в политике Пекина // *Диаспоры*. 2006. № 2. С. 175–179.

³² Выше был рассмотрен пример Индии, стремившейся достичь взаимовыгодного компромисса с той частью диаспоры, которая сформировалась в США, Канаде и Великобритании после получения Индией независимости. О ситуации вокруг китайской диаспоры разговор впереди.

³³ *Ragazzi F.* A Comparative Analysis of Diaspora Policies // *Political Geography*. 2014. Vol. 41. P. 74–89.

³⁴ *Ibid.* P. 74.

³⁵ Видимо, этими чисто статистическими соображениями можно объяснить то, что среди выбранных для анализа стран всего две постсоветских (Россия и Украина) и всего две постсоциалистических (Польша и Хорватия). При этом, например, страны с такими хрестоматийно четкими и во многом оригинальными форматами диаспоральной политики, как Армения и Венгрия, в «выборке» отсутствуют.

³⁶ *Pagazzi F.* A Comparative Analysis... P. 76, 78.

³⁷ *Ibid.* P. 80, 81.

³⁸ *Ibid.* P. 80.

³⁹ *Ibid.* P. 87.

2.3. Китай и Армения

Огромный, претендующий на роль экономической сверхдержавы Китай и маленькая Армения, находящаяся в затяжном хозяйственном кризисе после распада СССР, а в последние годы — в состоянии (гео)политической «подвешенности» из-за неудачного для нее исхода войны за Карабах. Казалось бы, что между ними может быть общего? В интересующем нас контексте, касающемся отношений «родины» и диаспоры — общего немало, хоть есть и заметные различия.

Эти страны роднит, во-первых, высокая значимость диаспоры в жизни отпускающего государства. Правда, для Армении эта значимость вневременная, она пронизывает как прошлое и настоящее, так и будущее, а для Китая речь идет о настоящем, но в основном — о будущем, о потенциале диаспоры. Во-вторых, отсюда следует наличие реальных (а не декларативных) многогранных связей между «родиной» и диаспорой на всех уровнях — от формализованных, санкционированных и инициированных государством, до неформальных, между отдельными людьми и сообществами (родственными, профессиональными и пр.) на низовом уровне.

Наконец, *last but not least*, обе страны объединяет высокая политизированность отношений между «родиной» и ее экспатрированными группами. Правда, эта политизация зиждется на разных основаниях и, кроме того, обеспечивается разными акторами. В случае Китая ведущим в паре «родина — диаспора» является «родина» с ее высокой степенью огосударствления социально-экономической жизни и идеологической сферы. В случае Армении это диаспора, использующая для воздействия на «родину» те же рычаги: экономические возможности и обладание неким очень значимым, с точки зрения диаспоры, культурно-идеологическим багажом.

*Китай вместе с диаспорой:
стройными рядами в светлое будущее*

По вышеуказанным обстоятельствам Китай представляет большой интерес для исследователя современных диаспор, хотя страна формально и не является частью постсоветского мира. Кроме того, на наш взгляд, для российской аудитории знакомство с диаспоральной политикой Пекина в сравнительном контексте может быть интересно и с прикладной точки зрения.

Во-первых, Россия — сосед Китая на протяжении длительного времени была, наряду со многими другими странами и континентами, зоной расселения выходцев с той территории, которую сегодня занимает Китайская Народная Республика¹ (КНР). После распада СССР в Россию (особенно ее азиатскую часть) начали двигаться трудовые мигранты из КНР, что породило значительное число работ, рассматривающих эту проблему сквозь призму так называемой желтой опасности. Наибольшее внимание к данному виду миграции было приковано в 1990-е гг.

Позднее алармистский интерес развеялся, что связано как с новыми, более острыми иммиграционными проблемами России, так и с возникшей со временем упорядоченностью ситуации вокруг бизнес- и трудовой миграции из Китая. Однако, скорее всего, число мигрантов оттуда будет расти (хотя и не такими темпами, как предрекалось ранее)², а потому Россия есть и будет включенной в отношения между КНР и китайской диаспорой в качестве третьей стороны «треугольника» — принимающего государства. «Поэтому нам важно представлять себе, какой может быть модель поведения китайцев, какую позицию в этом случае займет и какие цели будет преследовать китайское правительство»³.

Во-вторых, Александр Ларин привлекает внимание к моменту, важному не только для России, но и любой страны, следящей за развитием КНР в последние годы:

«Диаспора играет поистине незаменимую роль в стремительном возвышении Китая и, следовательно, укреплении его международных позиций. Не поняв, что значит для КНР ее зарубежье, как строятся отношения “материка” с диаспорой, мы не сможем получить достаточно полной картины движения Китая вперед»⁴.

Наконец, третий момент, обуславливающий ценность китайского опыта взаимодействия с диаспорой. Россия, как и Китай, обладает, если руководствоваться все тем же формальным признаком *ancestry*, крупной диаспорой (правда, возникшей не через движение людей, а через «движение границ») и, подобно Китаю, ставит перед собой задачу масштабной модернизации. В Китае же именно на диаспору возлагается роль важнейшего инструмента подобных преобразований. Имеется в виду и экономический подъем самого материкового Китая, и создание в ходе этой модернизации «глобального китайского мира». Но такую роль диаспора (вернее, ее определенные сегменты) начала играть относительно недавно, если учитывать достаточно длинную историю китайского рассеяния.

Китайская диаспора — одна из крупнейших (около 35–37 млн человек, а по некоторым китайским источникам — до 57 млн) и сильно рассредоточенных по странам и континентам. Группы китайцев можно найти в 151 стране мира⁵. Ее неоднородность обусловлена наличием как минимум четырех крупных волн эмиграции из Китая, сильно отстоящих друг от друга по времени. Первая началась в середине XVII в., вторая — в середине XIX в., когда возник спрос на китайскую рабочую силу в Северной Америке и Юго-Восточной Азии. В странах этого региона (Индонезии, Малайзии, на Филиппинах, в Сингапуре и Таиланде) сейчас сосредоточена львиная доля китайцев зарубежья (по некоторым оценкам — до 90%), причем их роль в экономике этих стран, особенно в банковском секторе, чрезвычайно велика. По сути, китайцы

контролируют в названных странах все ключевые сегменты рынка.

Новый всплеск эмиграции отмечен в конце 1970-х гг., когда были сняты существовавшие при Мао Цзэдуне ограничения на выезд из страны. Последняя массовая волна пришлось на середину — конец 1990-х гг. Ее важные особенности — выезд образованных людей, часто семьями, с целью получения высококвалифицированной работы уже не в Азии, а в Северной Америке, Австралии и Европе.

Люди, покинувшие Китай в разное время и по разным причинам, являются в основном гражданами стран проживания, лишь около 5% «заморских китайцев» (*Overseas Chinese*) сохраняют гражданство КНР (но в абсолютных цифрах это все равно очень значительная величина)⁶.

В послевоенный период интерес к зарубежным китайцам мотивировался в основном идеологическими соображениями — стремлением легитимировать существующий режим и способствовать продвижению коммунизма в сопредельных странах (так, коммунистические партии этих стран нередко пополнялись за счет проживающих в них китайцев).

Посильное внимание уделялось и экономической стороне эмиграции. Собственность уехавших находилась под защитой государства, в условиях валютного голода поощрялись денежные переводы и инвестиции в народное хозяйство «родины». Однако в период «культурной революции» (с середины 1960-х до середины 1970-х гг.) это внимание уступило место резкому негативизму в отношении уехавших: они рассматривались как «предатели» и «проводники капиталистического влияния», их родственники преследовались⁷.

В конце 1970-х гг., когда в стране начались реформы и она стала более открытой внешнему миру, в политике по отношению к китайцам диаспоры произошел кардинальный сдвиг: она стала восприниматься как важнейший инструмент модернизации Китая, превращения его

в экономическую сверхдержаву, повышения его роли в мировом сообществе (тем более, что за последние десятилетия эта диаспора значительно усилила свой демографический вес и интеллектуальный, предпринимательский и финансовый потенциал).

Энзе Хан (*Enze Han*), анализируя сдвиги в отношении «родины» к зарубежным китайцам, особо подчеркивает значимость не только внутренней динамики государственного развития КНР, но и глобального политического контекста, а именно окончания холодной войны: «В Китае после Мао экономический подъем страны стал главным приоритетом... Вместо ожидания от соотечественников за рубежом содействия в укреплении легитимности революционного режима теперь партия надеялась на их помощь в модернизации. Но эта политическая установка окончательно оформилась (*blossomed*) только после завершения холодной войны»⁸.

Основы нового стратегического подхода к диаспоре были заложены еще Дэн Сяопином, идеи которого по данному вопросу изданы отдельной книгой и активно используются в пропагандистских целях. А. Ларин обращает внимание на следующий программный тезис политика: «Соотечественники на материке, на Тайване, в Сянгане и Аомыне, а также заморские хуацяо — все они сыновья и внуки китайской нации. Мы должны бороться вместе, добиться объединения родины и расцвета нации». И еще одно высказывание: «Если говорить о Китае, возможностей для значительного развития у него не так уж много. Однако, в отличие от других стран мира, у него есть свои особые возможности. Например, у нас есть **несколько десятков миллионов патриотов-соотечественников за морем** [выделено мной — *Н.К.*], и они уже внесли большой вклад в развитие страны»⁹.

Как подчеркивает А. Ларин, «принципиальная новизна подхода Дэна состояла в том, что он вписал зарубежных китайцев, с их столь необходимыми для Китая экономи-

ческими, финансовыми и интеллектуальными “мощностями”, в стратегический план возрождения страны, поднял сотрудничество с диаспорой на уровень первостепенных государственных задач, объявил **важнейшей функцией государства служение его зарубежным гражданам** [выделено мной — *Н. К.*]¹⁰.

В дальнейшем руководство страны поддерживало обозначенную линию. Так, из нижеследующего высказывания председателя КНР Ху Цзиньтао понятна триединая задача, в решении которой «родина» рассчитывает на диаспору: «Для дела партии и страны чрезвычайно важно собрать силы **заморских сыновей и дочерей Китая** [выделено мной — *Н. К.*], поощрять, охранять и развивать их активность. История доказала и еще не раз докажет, что широкие массы заморских соотечественников, а также их **родственников и реэмигрантов** [выделено мной — *Н. К.*] — это важная сила в продвижении модернизации страны, в осуществлении полного объединения родины и славного возрождения китайской нации»¹¹.

Какие слова и дела стоят за приглаженно-пафосным стилем приведенных высказываний первых лиц Китая — стилем, так хорошо знакомым россиянам, прошедшим «школу» социализации в советское время? В некоторых постсоветских странах, заинтересованных в «диаспоре» в первую очередь как в политическом проекте, высокопарное многословие, собственно, и исчерпывает почти полностью диаспоральную политику, остающуюся во многом декларативной (в итоге мы имеем на вид зрелый, но пустой внутри орешек)¹². В Китае же слова политиков имеют свое продолжение — и в продуманных дискурсивных практиках, которыми стремятся охватить максимально возможное число заморских «соплеменников», и в продуманной системе мер по использованию потенциала диаспоры.

Начнем с небезынтересного вопроса о том, кто является объектом всех этих усилий и на чей отклик рассчиты-

вает «родина»? Формально (если исходить из достаточно противоречивых программных утверждений высших лиц страны) — на огромные массы людей. Ведь речь идет о «заморских сыновьях и дочерях Китая» вообще и/или о родственниках эмигрантов. Упоминание *хуацяо* (постоянно проживающих за границей граждан КНР), а также реэмигрантов вкупе со их родственниками резко сужает круг формально интересных для «родины» лиц из числа «заморских китайцев». Но на сугубо официальном, высшем уровне агитации эта явная нестыковка не имеет значения, потому что реально значимые для Китая люди входят в состав всех перечисленных категорий. Это успешные и сверхуспешные в экономическом отношении зарубежные китайцы, численность которых особенно выросла за последние два-три десятилетия.

Пол Ньири (*Paul Nyiri*), изучавший различные уровни и аспекты китайского дискурса о диаспоре и его практическое воплощение на примере китайских сообществ в Европе, характеризуя перелом в отношении КНР к диаспоре, приводит не парадные высказывания, а более точную оценку эксперта, близкого к официальным кругам: «... два сдвига... привлекли внимание китайских властей начиная с 1978 г. Один из них — рост богатства заморских китайцев, второй — новая волна китайской эмиграции»¹³.

Новый подход, «основанный на аргументах развития, модернизации и патриотизма», объединяет очень разнообразные группы новоиспеченных «заморских китайцев». Среди них покидающие КНР на время и навсегда; для получения высшего образования; на работу по контрактам; в качестве инвесторов, в целях воссоединения семей и даже въезжающие в страну назначения нелегально. «Новые мигранты» признаются государством очень эффективным ресурсом экономического развития: каналом привлечения на «родину» инвестиций, завязывания с ней партнерских бизнес-контактов, передачи новых технологий, а также инструментом обновления прежнего руко-

водства китайских общин в Японии, Северной Америке и Европе, которое, как полагают творцы и реализаторы диаспоральной политики, постепенно утрачивает связь с родиной и китайской культурой¹⁴.

Ключевым словом мощной пропагандистской кампании, развернутой «родиной» в последние два десятилетия и нацеленной на «новых мигрантов», является слово «патриотизм». «Патриотом» (посредством электронных и печатных СМИ, через литературные произведения, «мыльные оперы» и др., распространяемые как на «материке», так и в местах расселения эмигрантов) считается любой уехавший, независимо от того, чем он/она занимается в эмиграции. Лояльность уехавших «родине» и преданность «китайской нации» являются в этом дискурсе само собой разумеющимися. То же самое относится и к пресловутой успешности — неважно, за счет чего успех достигнут; главное — поделиться им с родиной¹⁵.

Такого рода санкционированный государством подход к покинувшему родину¹⁶ весьма нетривиален для страны, бывшей в недавнем прошлом (воинственно) коммунистической и во многом остающейся таковой (с точки зрения характера политического режима). Негативизм в отношении некоторых категорий «новых мигрантов» был постепенно преодолен. Так, например, к студентам, которые до начала 1990-х гг. критиковались за непатриотичное поведение, а принимающие их страны — за «воровство мозгов», теперь применяется доктрина «Служи стране!» («*Serve the country!*») вместо прежней: «Возвращайся, чтобы служить стране» («*Return to serve!*»). В «материковых» и диаспорных СМИ на конкретных примерах показывается, что бывшие студенты, оставаясь за границей, зачастую могут сделать для страны намного больше, чем если бы их побуждали к возвращению¹⁷. Аналогично изменилось отношение и к спортсменам, выступающим под флагами других стран, и даже к китаянкам, выходящим замуж за иностранцев.

Дискурс патриотизма (и подкрепляющие его организационные и законодательные меры) имеет две важные особенности. Во-первых, работа ведется в первую очередь с потенциальными мигрантами внутри страны, а не только через развитую сеть диаспоральных организаций, эмигрантскую прессу и пр. с уже уехавшими. В итоге люди покидают Китай с ощущением, что их жизненный выбор не нарушает доминирующих и социально одобренных представлений о том, что значит быть настоящим китайцем, а, напротив, находится в полном соответствии с этими нормами. И это обстоятельство вносит свой вклад в формирование их чувства принадлежности к нации в политическом и символическом смыслах¹⁸.

Во-вторых, «родина» в духе доктрины модернизации через диаспору разнообразными способами стремится как бы развернуть ее лицом к себе, поощряя не только перетекание капиталов, технологий, знаний от диаспоры к «родине», но и формируя соответствующее представление об «успешности». Деятельность мигранта признается таковой, если ее результаты (инвестиции, благотворительность, социальный статус, официальные награды и пр.) увязаны не просто с «родиной», т. е. с КНР, но, главное, с конкретной отпускающей территорией, развитию которой мигрант поспособствовал¹⁹.

В принципе привязанность китайцев к «родным гнездам», их сильно развитая локальная идентичность активно используются в качестве рычага диаспоральной политики. Не случайно оставшиеся в КНР родственники эмигрантов-граждан, а также родственники резмигрантов включены в соответствующее законодательство и пользуются определенными льготами. В условиях высокой безработицы и жестких административных ограничений эти льготы обретают особый смысл. Так, например, в одной из провинций действует постановление, согласно которому зарубежные китайцы имеют право назначить директором построенного при их финансовом содействии

предприятия своего родственника или друга, а также выделить своим друзьям или родственникам 10% рабочих мест. Если эмигрант вложил определенную сумму в совместное предприятие, одному из его родственников разрешается сменить прописку с сельской на городскую²⁰.

Административные, законодательные, организационные меры по побуждению диаспоры к решению вышеозначенной триединой задачи, ведущим звеном которой является модернизация КНР, очень многообразны. Они включают внутри самой страны разветвленную систему учреждений (от центральных до региональных), ответственных за работу с диаспорой, а также курируемую этими структурами сеть диаспоральных организаций по всему миру. Стоит назвать и развитое законодательство, касающееся, в частности, защиты прав реэмигрантов и их родственников, стимулирования инвестиций в китайскую экономику, привлечения в страну квалифицированных специалистов из числа зарубежных китайцев, и многое другое²¹.

За 30–40 лет властям КНР удалось сделать немало. Диаспора превратилась в ключевой внешний фактор экономического роста КНР (в настоящее время от нее поступает около 80% внешних инвестиций), в важнейшего посредника в отношениях Китая с западным миром. Как отмечает С. Кожирова, «можно зафиксировать рождение в 1980-е гг. совершенно особого политического и экономического союза — китайской компартии и китайской диаспоры, бежавшей в свое время от бедности, беспорядка и коммунизма. При этом достигаются две цели: растёт китайская экономика и в то же время укрепляется национальное единство на основе принципа “одна нация — две системы”»²².

Особенность диаспоральной политики Китая и в том, что множество экономических выгод, на которые эта стратегия ориентирована в первую очередь, получены при небольших затратах, что отличает ее от основанной

на этнической селективности политики репатриации и/или помощи зарубежным «соплеменникам» некоторых европейских стран²³. Этнические критерии выбора объектов политики, по понятным причинам, делают ее значительно более затратной, чем критерии социального статуса, образованности и материальной обеспеченности, на которых зиждется подход Китая.

Надо признать, что дискурсивная составляющая диаспоральной политики КНР включает в себя в качестве одного из средств убеждения апелляции к этничности, причем сугубо примордиального свойства. Так, например, продвижение «желтого императора» Хуан Ди в качестве первопредка всех китайцев, независимо от страны их проживания, продолжило долгую традицию использования этого символа в «националистических целях»²⁴. Однако в целом тот амбициозный национальный проект, реализации которого призвана способствовать диаспора своими талантами, деньгами и патриотическим настроем, этническим проектом, конечно, не является. В его основе, как указывалось выше, лежит идея ускоренной модернизации страны и повышения степени ее участия в международном рынке труда через создание системы «форпостов» по всему миру. В этом смысле, если учитывать особенности политико-государственного устройства КНР, проект является политически заостренным.

Правда, как указывает А. Ларин, Китай чрезвычайно осторожен во всем том, что могло бы быть истолковано как стремление использовать китайские сообщества в качестве проводников политики Пекина в принимающих странах (особенно если речь идет о финансово мощных диаспоральных группах, действующих в ключевых областях экономики некоторых стран — в частности, Юго-Восточной Азии). «В этом смысле, — заключает А. Ларин, — позиция Пекина в области отношений с диаспорой полностью деполитизирована»²⁵.

Впрочем, тут возможны некоторые оговорки. Назову хотя бы использование диаспоральных организаций в протестных акциях после попадания случайной бомбы в посольство КНР во время бомбардировок НАТО Югославии, а также позиционирование стремления к объединению страны (в частности, с Тайванем) в качестве одной из целей диаспоральной политики. Наконец, в США китайская диаспора является активным лоббистом интересов «родины», причем координирующую общеполитическую роль тут играет Центральная рабочая группа по отношениям с Конгрессом США, в состав которой входят высшие функционеры КПК²⁶.

Но главное в контексте обсуждения высокой политизированности диаспорального курса КНР не в этом. Диаспоры активно используются не только для «родины» как таковой (экономическое развитие материкового Китая), но и в более широком смысле — для создания глобальной сети китайских общин, ориентированных на «родину» и преданных ей. Можно наблюдать развертывание «китайского глобализационного проекта, создаваемого в интересах государства — хотя с оглядкой на опыт западной глобализации, но в значительной мере сохраняющего китайскую специфику»²⁷.

На реализацию этих целей работает и вся мощь государственной пропаганды, и вся мощь бюрократической структуры, которая как бы переносится «вовне», воссоздается как сеть особых диаспоральных организаций, неразрывно связанных с государственными центрами управления на «родине» и действующих по ее программе (а не ради интеграции эмигрантов в стране проживания, разнообразной помощи им, ради защиты их прав; посредничества между родиной и «соплеменниками» в деле сохранения культуры, языка; для перекачки культурного продукта с «родины» в диаспору и пр. — т. е. тут не найдешь того, для чего в первую очередь обычно и создаются организации мигрантов в принимающих странах). При

этом неважно, что диаспоральные организации состоят в основном из своих же активистов, а «глобальным» проектом охвачены далеко не все «заморские китайцы»²⁸.

И тут мало сказать, что диаспоральная политика нацелена на богатых, образованных китайцев из числа недавних мигрантов. Главный объект можно определить еще точнее — это «новые» миграционные элиты. Они обладают образованием и капиталом, позволяющим соблазниться возможностью стать «патриотически настроенными лидерами зарубежных китайцев», но недостаточным для того, чтобы самостоятельно «встать на ноги» и закрепитьсь в странах проживания. Представители этих растущих элит мало знают о принимающих обществах и мало ими интересуются, поскольку они не включены (в отличие, например, от мелких торговцев) в повседневные культурные практики, позволяющие контактировать с этими обществами на низовом уровне. Кроме того, в отличие от «старых» диаспоральных элит, они не входят в высшие круги стран проживания²⁹. Как пишет П. Ньири, «для этих элит слово «Япония» или «Венгрия» означает всего лишь различные типы китайского бизнеса и различные правила иммиграции»³⁰. Все это делает их идеальным агентом для сотрудничества с «родиной» в нужных для нее формах.

Привязка представителей таких элит к «родине» осуществляется через описанные выше диаспоральные организации, являющиеся по сути транснациональными бюрократическими структурами. Работающий в них персонал П. Ньири называет «*transnational apparatchiks*»³¹. Вот как ученый описывает эту разветвленную сеть и позиционирование работающих в ней «аппаратчиков» в принимающем обществе. Для облегчения управления ею эта сеть повторяет административное деление Китая (провинции, префектуры, округа). Независимо от страны проживания зарубежных китайцев и собственно деятельность организаций, и их внешний антураж (оформление помещений,

набор обязательных мероприятий и пр.) жестко стандартизированы.

Идеологическую основу их функционирования составляют многочисленные эмигрантские СМИ, которые создаются при прямом участии государственных чиновников, а курируют их различные учреждения Китая, отвечающие за работу с диаспорой. Все газеты, журналы и пр. выдержаны в одном идеологическом ключе и составляют единое информационное пространство с прессой КНР, а потому практически не отражают реалии проживания «заморских китайцев» в той или иной стране.

Эта сеть организаций, занимающихся национально-патриотическим воспитанием и побуждающих часть диаспоры к преданности «родине» — в материальной и моральной форме, стремится быть в первую очередь связующим звеном не между членами организаций и принимающим обществом, а между Китаем и страной проживания. Здесь принимают и отправляют делегации, отмечают государственные праздники КНР; организуют выставки, фестивали и спортивные состязания; вручают призы, а потом описывают все это в эмигрантских СМИ. Здесь собирают деньги для строительства школ и помощи жертвам наводнения в Китае, будь то в «родных гнездах» или по всей стране. Но зато здесь почти не занимаются какой-либо благотворительной или посреднической деятельностью, помогающей облегчить жизнь «соплеменников» в странах проживания (а таких нуждающихся много — беженцы, нелегальные мигранты и пр.), хотя это было традиционной заботой организованных групп зарубежных китайцев в течение всей истории их рассеяния³².

В результате предпринимаемых усилий китайское государство со своими институтами, чиновниками и символами зачастую менее заметно присутствует в жизни сельского жителя в самом Китае, нежели в жизни мигранта на другом конце света. Кроме того, потенциальный мигрант может чувствовать себя обделенным правами

и недовольным существующим положением дел — как фермер, рабочий или государственный служащий в Китае. Став же мигрантом, такой человек становится заинтересованным в сохранении *status quo* как находящийся за границей предприниматель, получающий выгоду от форсирования отношений с элитами на «родине». Наконец, у мигранта больше шансов быть услышанным государством через эмигрантские СМИ и диаспоральные организации. В подобной ситуации миграция вполне может способствовать укреплению и отпускающего государства, и национального самосознания мигрантов. Иначе говоря, заключает П. Ныри, перефразируя известное высказывание Е. Вебера, она может способствовать превращению «крестьян в китайцев»³³.

Рассмотренная здесь транснациональная система, во многом воспроизводящая жизнеустройство самого Китая, воплощает уникальность опыта КНР по выстраиванию отношений со своей диаспорой (по крайней мере, с той ее частью, которая в наибольшей мере способна выполнить задачи, поставленные «родиной»). Однако возникает далеко не праздный вопрос — насколько эта конструкция уязвима в средне- и долгосрочной перспективе. Ответ можно искать в нескольких направлениях. Так, выше отмечалось, что на определенном этапе даже у очень преданных мигрантов стратегия переключения сил и средств на помощь «родине» может войти в противоречие с требованиями интеграции, также требующей значительных ресурсов (см. примечание 17).

Далее, стоит задуматься о том, чем и в какой мере «китайский глобализационный проект» отличается от идеи «Большого Китая», которая вызывала в первой половине 1990-х гг. большое беспокойство в принимающих странах с крупными и экономически сильными китайскими сообществами (прежде всего в Юго-Восточной Азии). Этот проект связывался в мировом общественном мнении с

возможным превращением диаспорных групп в политическое орудие «родины»³⁴.

Наконец, вряд ли нулевой стоит считать вероятность того, что какие-либо сегменты огромной диаспоры (будь то находящиеся в свободном от влияния «родины» полете или же заботливо возвращенные ею преданные «новые элиты») захотят участвовать во внутриполитических процессах в самом Китае. П. Ньери, размышляя на эту тему по отношению к «новым элитам», заключает: «Рано или поздно рост национального самосознания диаспоры «отцепится» от национального строительства на «родине» и покажет свой разрушительный потенциал. Экономические перемены в КНР — такие, как общий спад или снижение конкурентоспособности китайских товаров за рубежом, могут приблизить наступление этого момента»³⁵.

О реальности подобного поворота сюжета в отношениях «родины» и диаспоры, в полной мере ощущающей свою силу и пользующейся этим, свидетельствует опыт постсоветской Армении.

Армения versus диаспора: хвост виляет собакой?

Армения в ее отношениях со своей диаспорой являет во многом уникальный пример — не только в постсоветском, но и в общемировом контексте. Данный кейс отличается очень высокая политизированность (в том числе и исторически сложившаяся) отношений с диаспорой, а также мощное влияние последней на политическую жизнь «родины» (вплоть до попытки, причем успешной, замены одного президента другим, более «подходящим» для диаспоры). Это, безусловно, гораздо сильнее, чем использование символического и материального капитала диаспоры теми или иными сегментами элит «родины» в своих меняющихся политических интересах (что не редкость). Выделяющимся этот случай делает и глубокая (иду́щая из

глубины веков) историческая обусловленность «чуждости» родины и диаспоры по многим направлениям, и в то же время их растущая взаимозависимость (любовь и ненависть «в одном флаконе»).

Начнем с краткого экскурса в историю. Армянская диаспора, наряду с еврейской, относится к числу «классических» по своему «возрасту» и, главное, значимости насилия в качестве фактора многовекового рассеяния армян по всему миру. Геополитическое положение Армении в древности сделало ее постоянной ареной противостояния крупных и более сильных государств, что привело к потере государственности и разделу страны между Персией и Византией в 387 г. н. э. С данного исторического рубежа начались постоянные переселения армян, а также деление Армении на Восточную — будущую «родину» и Западную, которая будет ассоциироваться с диаспорой (хотя их границы и состав государств, в которые они входили, постоянно менялись)³⁶.

Особую, и весьма трагическую, роль в жизни армян сыграл геноцид 1915 г. в Османской Турции, жертвами которого стали около полутора миллионов человек (эти события были позднее признаны в качестве геноцида многими государствами, в том числе и Россией, но не Турцией). Законодательное оформление итогов Первой мировой войны в виде Лозаннского мирного договора (1923 г.), в котором не содержалось упоминания об армянах и их правах на территории своего проживания в Западной Армении и Киликии, спровоцировало тотальный исход армян с этих земель своего давнего исторического проживания.

Именно этот исход и дал рождение основному массиву армянской диаспоры, получившему особое название — *спюрк*. Слово является эквивалентом греческого слова «диаспора» и несет в себе коннотации изгнания и массового совместно пережитого страдания, память о котором передается из поколения в поколение³⁷. Воспоминания о трагедии 1915 г., борьба за международное

признание ее в качестве геноцида и за возможность вернуться на историческую родину стали важнейшим маркером идентичности так называемой постгеноцидной диаспоры.

Важным фактором самосознания этой диаспоры является то, что значительные периоды времени она существовала не только в отрыве от государства-родины, но и в условиях отсутствия этого государства как независимого суверенного образования. С 1918 по 1920 г. на части территории Восточной Армении существовала независимая республика, которая потом на долгие годы стала частью СССР. Диаспора считалась там идеологически чуждым явлением, и контакты с ней были сначала запрещены, а позднее восстановились, но оставались ограниченными, несмотря на несколько волн репатриации в Армянскую ССР.

Кроме того, появление независимой республики отнюдь не обрадовало политически активную часть спюрка, поскольку возникли опасения, что это снимет с повестки дня возможность образования армянского государства в Западной Армении или Киликии.

Последующие события «работали» в том же направлении: внешнеполитическая деятельность советских властей не учитывала интересов армян. Так, в частности, в 1921 г. Советскому Азербайджану был передан Нагорный Карабах. Как заключает Эдуард Мелконян, «это, с одной стороны, как бы подтверждало “периферийность”, на сей раз уже Советской Армении, а с другой — максимально увеличивало долю ответственности самой диаспоры в деле защиты исторических прав армянского народа в целом, что и предопределило... этнополитическую окрашенность ее жизнедеятельности во все последующие годы»³⁸.

Описанные особенности существования спюрка получили свое материально-институциональное выражение, во-первых, в воссоздании в странах проживания социально-культурной инфраструктуры, необходимой

для выживания разных групп армян в изгнании, для сохранения их идентичности и поддержания сплоченности (школы, детские сады, благотворительные организации, СМИ и т. п., а также, *last but not least*, церковнообщинные структуры, альтернативные Св. Эчмиадзину).

Во-вторых, главными осями, вокруг которых была организована жизнь армянских общин в разных странах мира, стали политические партии. Главная из них — Армянская революционная федерация (АРФ), более известная как «Дашнакцутюн», или просто партия дашнаков, идеологию которой отличал национализм, а в период существования СССР — еще и устойчивый антисоветизм. Триаду главных партий дополняют «Рамкавар азатакан» (с либеральной ориентацией) и партия «Гнчак» (социал-демократы).

Постоянное соперничество партий десятилетиями поддерживало политизированный боевой настрой диаспоры. Однако они отличаются от партий традиционного типа, стремящихся к завоеванию властных позиций путем электоральных процедур (обычно и диаспоральные партии, сумевшие «нарастить вес» в принимающих странах, действуют таким образом³⁹). Партии армянской диаспоры функционируют для самой диаспоры, обслуживая как потребности как различных сообществ, так и «армянского дела» в целом.

Присоединяясь к Расмику Паносяну, отметим, что под «диаспорой» в паре «родина–диаспора» мы будем иметь в виду «западные», или **«внешние» части постгеноцидной диаспоры** в Европе, Северной Америке и на Ближнем Востоке, а не многочисленное и сильно выросшее в размерах (за счет трудовых миграций тяжелых постсоветских лет) армянское население России. «Так называемая внутренняя диаспора (в России и других бывших советских республиках) представляет собой совершенно отдельное явление... “Внутренняя” диаспора — исключительно важный источник экономической помощи членам

семей, оставшимся в Армении. Однако в том, что касается различий в идентичности и напряженности в отношениях родина–диаспора, главный водораздел проходит между республикой и “внешней” диаспорой»⁴⁰.

Именно с этой стороны хотелось бы дополнить характеристику «внешней» диаспоры, сравнив ее с родиной (во всех формах, существовавших до появления на карте мира после распада СССР независимой Армении). Исследователи подчеркивают непохожесть, чуждость друг другу двух частей армянского мира, проявляющую себя на всех этажах социума — от менталитета и привычек обычных людей до господствующих политических ориентаций и приоритетов; от заметных различий языка и культурных кодов до представлений о краеугольных камнях национальной идентичности. Дополняет картину перепад в финансово-экономических возможностях, причем соотношение сил весьма непривычно для диаспоральных схем: бедная родина *versus* богатая диаспора.

Истоки расхождений, если не входить в детали, коренятся в далеком (отделенном от нас несколькими веками) и недавнем прошлом. Еще до геноцида «...отсутствие единого этносоциокультурного поля и постоянное сильное воздействие доминирующих и к тому же концептуально полярных культур (в последние несколько веков — русской христианской и турецкой исламской) привели со временем к тому, что каждая из частей этноса приобрела ярко выраженную специфику практически во всех сферах своей жизнедеятельности»⁴¹.

Левон Абрамян, как бы в продолжение этой мысли, отмечает: «“Расхождение” судеб двух частей одной страны впоследствии усугубилось еще и из-за конфликта между коммунистической и капиталистической системами, в которых оказались армяне, пережившие революцию и геноцид»⁴².

Р. Паносян, размышляя об истоках разительных различий между исторической родиной и диаспорой, предла-

гает обратить особое внимание на события XIX в., когда две части армянской нации оказались в зоне воздействия различных версий национального «пробуждения». В тот период «... в армянском коллективном самосознании происходила трансформация этноконфессиональной идеи в идею принадлежности к современной нации... С одной стороны, существовало западное течение, опиравшееся на Константинополь и центры диаспоры в Западной Европе, с другой — восточное, центром которого был Тифлис и диаспоры в России и Восточной Европе»⁴³.

Именно в таком «разнонаправленном» состоянии родина и диаспора подошли к концу 1980-х гг., когда перестройка в СССР и привлечение массовое внимание диаспоры события в самой советской Армении (обострение ситуации в Нагорном Карабахе и землетрясение 1988 г.) положили начало периоду интенсивного взаимодействия двух частей армянской нации. Несмотря на большую моральную, материальную, волонтерскую помощь диаспоры (именно с этого периода последняя стала выступать постоянным донором родины, которую ожидал длительный период экономической разрухи), «первоначальные контакты выглядели как весьма неохотное сближение между дальними родственниками, успевшими за долгий срок стать друг для друга чужими»⁴⁴.

Отношения и в дальнейшем складывались непросто, переживая период взлетов и падений. Р. Паносян предпринял детальный анализ различных фаз этих отношений с начала тесного взаимодействия в конце 1980-х гг. до конца 1990-х гг., когда к власти пришел Роберт Кочарян, сменив на посту президента Левона Тер-Петросяна.

Не буду вдаваться в нюансы этих сложных отношений, охватывающих многие аспекты социально-политической жизни Армении в тот непростой для нее период⁴⁵. Учитывая главный посыл данного раздела — анализ диаспоральной политики разных стран сквозь призму представлений государства-«родины» о национальной идентичности,

я хотела бы привлечь внимание к одному из эпизодов. Правда, учитывая значимую роль диаспоры, тут нельзя говорить о политике именно «родины» в чистом виде, а скорее — о противоборстве последней с диаспорой, вызванном различиями этих представлений.

Кроме того, события 1992–1998 гг. поставили ребром очень важный, и не только для Армении и ее диаспоры, вопрос о **значимости государственного суверенитета** и пределах вмешательства в процесс принятия ключевых политико-стратегических решений каких-либо внесоветских сил, пусть даже относящихся к «родственной нации».

С событийной точки зрения речь идет о противостоянии в указанный период президентской власти в Армении (в лице А. Тер-Петросяна) и партии дашнаков, которая получила там возможность легально функционировать, участвовать в общенациональных выборах и пр. На выборах 1991 г. дашнакский кандидат провалился, а президентом стал А. Тер-Петросян с 83% голосов.

Позднее противоречия между АРФ и АОД (Армянское общенациональное движение, кандидатом которого был А. Тер-Петросян) сильно обострились, последовали высылки из страны наиболее влиятельных лидеров дашнаков, а позднее партия и все подчиняющиеся ей структуры на территории Армении были запрещены, многие активисты арестованы. В выборах 1996 г. АРФ участвовала уже как часть оппозиции и приложила много усилий к тому, чтобы А. Тер-Петросян не был избран. Когда же он выиграл выборы, но с перевесом всего в два процента голосов, начались акции протеста, подавленные с помощью армии. Это стало очередным поражением партии дашнаков в Армении⁴⁶.

Р. Паносян показал, какими были основные «яблоки раздора» между двумя противостоящими силами, воплощающими «родину» и диаспору. В его списке семь пунктов⁴⁷. Мне же хотелось бы обратить особое внимание на

три взаимосвязанных момента: **взаимоотношения с Турцией**; **«армянское дело»**⁴⁸ и **карабахская проблема**. По всем из них позиция Армении (в лице АОД) отличалась реалистичностью и сдержанностью, а позиция АРФ — романтизированной бескомпромиссностью. Для АОД приоритетным было укрепление независимости Армении и безопасность жителей Карабаха наряду со стремлением нормализовать отношения с Турцией — «это было своеобразное переосмысление [армянского] “дела” в соответствии с нуждами республики»⁴⁹. Дашнаки же, напротив, в более жестком ключе ставили во главу угла борьбу за признание Турцией факта геноцида и реализацию территориальных претензий в связи с Карабахом.

Пункт «роль диаспоры» стоит в списке Р. Паносяна последним, под номером семь. В этом списке все пункты равновесны; мне же представляется, что все иные противоречия как раз и сводятся к данному пункту, а он, в свою очередь, затрагивает святая святых — **представление об армянской нации**. Для диаспоры (в лице дашнаков) нация едина, а следовательно, «пан-национальные» партии могут играть такую же роль во внутренней политике, как и национальные. АОД и его лидеры, напротив, пытались показать диаспоре, «кто в доме хозяин». По словам Л. Тер-Петросяна, «взаимное непонимание и недоверие будут сохраняться до тех пор, пока лидеры диаспоры не привыкнут к тому, что политика делается на этой земле»⁵⁰.

При чтении различных текстов о сложных отношениях Армении со своей диаспорой (а отставка Л. Тер-Петросяна отнюдь не принесла сколько-нибудь долговременной гармонии в эти отношения) создается, на мой взгляд, впечатление, что авторы, находящиеся «внутри проблемы» (например, цитировавшиеся выше Э. Мелконян и Р. Паносян), анализируют ситуацию, либо пытаясь «остаться над схваткой», либо имплицитно признавая равенство сторон. Авторы-аутсайдеры, напротив, однозначно вста-

ют на сторону государства — как суверенного образования — и его интересов.

Вот как прокомментировал описанный сюжет со сменой власти в Армении Валерий Тишков, причем именно в контексте памяти и национальной идентичности: «... американские армяне представляют собой часть мирового армянства, наиболее озабоченную сохранением памяти о геноциде начала XX в. Как только президент Армении Л. Тер-Петросян выразил некоторые сомнения по поводу геноцида как основы армянской идентичности и заявил о необходимости совершить поворот в сторону улучшения отношений с Турцией, именно американская диаспора подвергла жесткой критике этот новый взгляд... добившись в конечном итоге ухода Л. Тер-Петросяна со своего поста. Новый президент Р. Кочарян сразу же поставил все на прежние места, к полному удовлетворению богатых ключников мирового армянства». И далее: «Фактически армянская диаспора в США оказалась сильнее слабого армянского государства, когда встал вопрос о его внешнеполитическом курсе и стратегии развития национальной идентичности»⁵¹.

Новым поворотом сюжета в отношениях Армении с ее диаспорой стало вступление в игру «внутренней» диаспоры, находящейся в России — значительной по размерам и постепенно набирающей силу, по меньшей мере, экономическую. Вот несколько весьма показательных цифр. Численность армян в России, по переписи 2010 г., составляла 1 млн 700 тыс. человек, однако с учетом прошедшего десятилетия оценивается как превышающая 2 млн, в то время как в Армении (по переписи 2011 г.) проживало около 3 млн армян (с тенденцией к сокращению, с учетом непрекращающейся миграции по экономическим причинам). В России немало богатых и сверхбогатых людей с армянскими корнями, а объемы ежегодно перечисляемых в Армению частными лицами финансовых средств в

виде помощи домохозяйствам в среднем достигают 20% ее ВВП⁵².

Социолог из Канады Кристин Кавукян (*Kristin Cavoukian*) в 2009–2010 гг. провела в России и Армении исследование отношений российской диаспоры и Армении — отношений, развивавшихся при посредничестве созданного там в период президентства Сержа Саргсяна (2008–2018) министерства диаспоры. В качестве «полномочного представителя» российских армян она выбрала Союз армян России (САР), созданный в 1999 г. Формально это действительно главная, наиболее крупная диаспоральная армянская организация зонтичного типа, имеющая многочисленные филиалы во всех регионах страны. Ее бессменным руководителем является выходец из Армении, крупный бизнесмен и общественный деятель Ара Абрамян. САР известна своей близостью к властям РФ и потому обладает значительным «аппаратным весом».

На основе анализа собранных интервью К. Кавукян пришла к выводу о том, что в условиях, когда и российскому, и армянскому обществу все еще свойственна общеразделяемая политическая культура, унаследованная от советского времени, российские армяне в лице САР воспринимаются на «родине» как близкая, более лояльная и менее «проблемная» (*troublesome*) часть диаспоры. Однако, продолжает автор, «с учетом политико-экономического влияния и амбиций российских армян — по крайней мере, активистов на ниве диаспоральной деятельности, подобные допущения о близости и лояльности... могут иметь неожиданные и нежелательные последствия для Республики Армения»⁵³. И более лапидарно и прямолинейно сформулировала итог: «Российская армянская диаспора сейчас задействована во многих сферах деятельности, свойственных и западной диаспоре, включая ту, которая вызывает наибольшее беспокойство у элит Армении — вмешательство в политику»⁵⁴.

Поясним кратко, какие нежелательные последствия для Армении имела в виду К. Кавукиян. Во-первых, Россия выглядит как привычное и удобное направление для трудовой миграции из Армении. Отсюда те силы (имеются в виду организации диаспоры), которые строят церкви, школы, культурные центры в разных городах и регионах, помогают армянам справляться с формальными трудностями и т. д., способны сделать пребывание в России еще более привлекательным, чем сейчас, усиливая миграционные настроения и сдерживая призывы к возвращению.

Во-вторых, сближение Армении с российской диаспорой, при наличии твердой пророссийской позиции последней (в лице САР), могло бы оказать влияние на внешнюю политику Армении. Например, учитывая значительный товарооборот России с Турцией, открытие армяно-турецкой границы дало бы России большие возможности для расширения находящихся в Армении железнодорожных и электрических сетей в целях освоения новых рынков — перспектива, воспринятая в рядах западной диаспоры с огромным подозрением⁵⁵.

Наконец, и это уже из числа не потенциальных, а реальных «вмешательств», стоит назвать и деятельность самого А. Абрамяна, который становился все более заметной фигурой на политической сцене «родины», оказывая, в частности, финансовую поддержку различным партиям в нарушение ее выборного законодательства⁵⁶.

Сейчас трудно судить, в какой мере названные тренды могли бы в кратко- или среднесрочной перспективе обернуться реальными проблемами для «родины». Резкие изменения в политической жизни Армении в связи с «революцией» 2018 г. были без энтузиазма восприняты САР⁵⁷. Лишь о первом тренде, связанном с возможным усилением миграции из страны, можно говорить как о сохраняющем свою значимость вплоть до сегодняшнего дня.

Впрочем, гжучую актуальность этому моменту придают даже не усилия российских диаспоральных организа-

ций по облегчению жизни мигрантов в России, а то, что произошло осенью 2020 г. в самой Армении, рядом с ней и на Южном Кавказе в целом. Эти события (поражение в войне с Азербайджаном и потеря значительной части Нагорного Карабаха), будучи ассоциированными с национальной катастрофой и назревшей необходимостью смены национального проекта⁵⁸, оставляют без ответов многие вопросы о будущих — возможных и желаемых, параметрах взаимодействия страны со столь разными сегментами своей огромной и своенравной диаспоры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О пребывании и расселении китайцев в Российской империи см., напр.: *Сорокина Т.* Китайские кварталы дальневосточных городов // *Диаспоры*. 2001. № 2–3; *Нестерова Е.* Китайцы на российском Дальнем Востоке: люди и судьбы // *Диаспоры*. 2003. № 2; *она же.* Формы самоорганизации китайских мигрантов и хуацяо во второй половине XIX — начале XX в. // *Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков.* Под ред. В.И. Дятлова. Иркутск, 2011.

² Анализ правомерности интерпретаций китайской трудовой миграции в Россию с точки зрения «желтой опасности» не входит в нашу задачу. Однако хотелось бы упомянуть немногие работы противоположной направленности, которые содержат, на мой взгляд, достаточно убедительную аргументацию. См., напр.: *Ларин В.А.* Посланцы Поднебесной на Дальнем Востоке: ответ алармистам // *Диаспоры*. 2001. № 2–3; *Бляхер Л.В., Григоричев К.В.* Мигранты и миграционная политика в постсоветской Сибири и на Дальнем Востоке // *Восток России: миграции и диаспоры...*; *Бляхер Л.Е., Пегин Н.А.* Представления населения Дальнего Востока о китайских мигрантах (на рубеже XX–XXI в.) // *Диаспоры*. 2011. № 1.

³ *Ларин А.Г.* Китайцы зарубежья в политике Пекина // *Диаспоры*. 2006. № 2. С. 175.

⁴ Там же.

⁵ См.: *Кожирова С.Б.* Диаспоральная политика КНР // *Международные исследования. Общество. Политика. Экономика. Институт социально-политических исследований Казахстана. Алма-Ата*, 2010. № 1. С. 62; *Ларин А.Г.* Китайцы зарубежья в политике Пекина... С. 178.

⁵ Подр. об истории и количественных параметрах китайского рассеяния см.: *Кожирова С.Б.* Диаспоральная политика КНР... С. 62–63; *Ларин А.Г.* Китайцы зарубежья в политике Пекина... С. 174–179; *Skrentny J., Chan S., Fox J.E., & D. Kim.* Defining Nations in Asia and Europe. A Comparative Analysis of Ethnic Return Migration Policy // *Diasporic Homecomings. Ethnic Return Migration in Comparative Perspective.* Ed. by T. Tsuda. Stanford: Stanford University Press, 2009. P. 51–53.

⁷ Подр. см.: *Han E.* Bifurcated Homeland and Diaspora Politics in China and Taiwan Towards the Overseas Chinese in Southeast Asia // *Journal of Ethnic and Migration Studies.* 2019. Vol. 45. № 4. P. 583, 584.

⁸ Ibid. P. 585.

⁹ Цит. по: *Ларин А.Г.* Китайцы зарубежья в политике Пекина... С. 182–183.

¹⁰ Там же. С. 183.

¹¹ Цит. по: *Кожирова С.Б.* Диаспоральная политика КНР... С. 65.

¹² Мы вернемся к этой теме ниже на примере Азербайджана и России.

¹³ Цит. по: *Nyiri P.* Expatriating is Patriotic? The Discourse on «New Migrants» in the People's Republic of China and Identity Construction Among Recent Migrant from the PRC // *Journal of Ethnic and Migration Studies.* 2001. Vol. 27. № 4. P. 636.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Например, одна из газет, рассказывая о китайской студентке, развлекающей посетителей бара в Японии и заработавшей на этой деятельности за полтора года 10 млн. йен, делает вывод, что такой результат был достигнут благодаря «мудрости и способностям девушки» (см.: *ibid.* P. 639).

¹⁶ П. Ньери обыгрывает его в подзаголовке своей статьи, используя однокоренные слова: «Патриотична ли экспатриация?» («Expatriating is Patriotic?»).

¹⁷ См.: *Nyiri P. Expatriating is Patriotic?...* Р. 637, 638. В Китае многие полагают, например, что Индия получает международной помощи несравнимо больше, чем любая другая страна, потому что выходцы из нее давно начали работать в международных организациях на высоких постах. Поэтому выпускник вуза, работающий в парижском банке и заключающий ежегодно десятки выгодных для Китая сделок, вряд ли был бы столько же полезен, вернувшись домой (там же, с. 637).

Я бы добавила: «домой в перенаселенный Китай». Резоны поощрительно-толерантного подхода к обучающимся за рубежом студентам и вообще к людям, покидающим страну (а вдруг из этого что-нибудь путное выйдет?!) объясняются не только стоящими перед глазами примерами блестящей карьеры немногих уехавших, но и неуклонным демографическим «разрастанием» КНР и трудностями поиска работы для многих оставшихся. Поэтому «ежегодная отправка за рубеж в целях предпринимательской деятельности 1–2 млн способных людей позволит создавать в стране и за ее пределами 10–20 млн рабочих мест, смягчая тем самым проблему трудоустройства в Китае» (*Кожирова С.Б. Диаспоральная политика КНР... С. 65*).

¹⁸ *Nyiri P. Expatriating is Patriotic?...* Р. 639.

¹⁹ П. Ньери дает в этой связи интересный комментарий: «Будущее покажет, в какой мере данный дискурс может стать долгосрочной альтернативой привлекательности успеха (будь то уровень потребления, социальный статус, профессиональная состоятельность, лидерство в организациях и пр.), достигнутого мигрантом в стране проживания или в транснациональных сообществах» (см.: *ibid.*, р. 640). Действительно, люди уезжают в другие страны на ПМЖ в первую очередь с целью достичь определенных успехов в новом обществе или, как минимум, продуктивно адаптироваться к нему (если речь не идет о миграции с ярко выраженными факторами выталкивания). Достижение этих целей требует значительных усилий и ресурсов как на индивидуальном уровне, так и на уровне диаспорных сообществ. С этой точки зрения, какой бы наступательной ни

была пропаганда «родины» и какие бы эффективные административно-законодательные ресурсы она ни задействовала в своем стремлении «отвернуть» диаспору от страны проживания, эта деятельность имеет свои очевидные пределы. Ниже мы вернемся к данному сюжету.

²⁰ См.: *Кожирова С.Б.* Диаспоральная политика КНР... С. 67.

²¹ Довольно подробное описание инструментальной стороны диаспоральной политики КНР можно найти, например, в фактологически насыщенной статье А. Ларина (см.: *Ларин А.* Китайцы зарубежья в политике Пекина... С. 184–200).

²² *Кожирова С.Б.* Диаспоральная политика КНР... С. 66, 71.

²³ Сравнительный анализ диаспоральной политики европейских и азиатских стран представлен, в частности, в: *Skrentny J., Chan S., Fox J.E., & D. Kim.* Defining Nations in Asia and Europe. A Comparative Analysis of Ethnic Return Migration Policy... Р. 55.

²⁴ Ibid. Р. 54.

²⁵ *Ларин А.Г.* Китайцы зарубежья в политике Пекина... С. 206.

²⁶ Подр. см.: *Кожирова С.Б.* Диаспоральная политика КНР... С. 68.

²⁷ *Nyiri P.* Expatriating is Patriotic?... Р. 649.

²⁸ Так, например, единственные в Европе китайские организации с реальным членством — это религиозные общества, созданные вокруг христианских церквей, а также, в ряде стран, группы, связанные с диссидентской Демократической партией Китая (см.: *ibid.*, p. 650).

²⁹ Ibid. Р. 649.

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid.

³² Ibid. Р. 639, 641, 644–646.

³³ Ibid. Р. 648. Имеется в виду известный труд американского историка румынского происхождения Е. Вебера, посвященный модернизации Франции и превращению ее в национальное государство (см.: *Weber E.* Peasants Into Frenchmen: the Modernization of Rural France, 1870–1917. Palo Alto: Stanford University Press, 1976).

- ³⁴ См.: *Ларин А.Г.* Китайцы зарубежья в политике Пекина... С. 203–206.
- ³⁵ *Nyiri P.* Expatriating is Patriotic?... Р. 651.
- ³⁶ *Мелконян Э.А.* Диаспора в системе этнических меньшинств (на примере армянского рассеяния) // *Диаспоры.* 2000. № 1–2, С. 12; *Абрамян Л.А.* Армения и диаспора: расхождение и встреча // *Диаспоры.* 2000. № 1–2. С. 61.
- ³⁷ См.: *Мелконян Э.А.* Диаспора в системе этнических меньшинств... С. 16, 17; *Абрамян Л.А.* Армения и диаспора... С. 60, 61.
- ³⁸ *Мелконян Э.А.* Диаспора в системе этнических меньшинств... С. 23, 26; *он же.* Республика Армения и диаспора // *Дятлов В.И., Мелконян Э.А.* Армянская диаспора: очерк социально-культурной типологии. Ереван, 2009. С. 157–159.
- ³⁹ Таких партий немного, но они есть. В качестве примера можно привести «русские партии» Израиля, венгерские партии в странах Центральной Европы (Румынии, Словакии).
- ⁴⁰ *Паносян Р.Б.* Непростое прошлое, трудное настоящее, туманное будущее (отношения Армении и диаспоры в 1988–1999 гг.) // *Диаспоры.* 2000. № 1–2. С. 48–49.
- ⁴¹ См.: *Мелконян Э.А.* Диаспора в системе этнических меньшинств... С. 16, 17.
- ⁴² *Абрамян Л.А.* Армения и диаспора... С. 61. Этот автор видит предгеноцидные различия как этнокультурные, а постгеноцидные — как социально-политические (там же). Однако культурные различия сохраняются до сих пор, как показывает анализ практик взаимодействия армян диаспоры и «родины» в советский и постсоветский периоды. Подр. см.: *Шахназарян Н.Р.* «К чему нам слонятина?» Образы (пост) советского, русского и российского у армян диаспоры // *Диаспоры.* 2009. № 2.
- ⁴³ Подр. см.: *Паносян Р.Б.* Непростое прошлое, трудное настоящее, туманное будущее... С. 43–44, 45.
- ⁴⁴ Там же. С. 33.
- ⁴⁵ Подр. рассказ о событиях того периода и связанных с ними внутри- и внешнеполитических акторах в контексте неудавшегося в Армении «демократического перехода» представ-

лен в: *Grigoryan A. The Karabakh Conflict and Armenia's Failed Transition* // *Nationalities Papers*. 2018. Vol. 46. № 5.

⁴⁶ Подр. см.: там же, с. 34–37.

⁴⁷ Подр. см.: там же, с. 37–42.

⁴⁸ «Армянское дело» — идеология, являющаяся краеугольным камнем продвигаемого диаспорой «традиционного националистического нарратива» (по выражению Армана Григоряна, см. прим. 45). Он включает положения о необходимости добиваться признания Турцией факта геноцида армянского народа с выплатами компенсаций за совершенные преступления, а также нацеливает на восстановление суверенитета Армении над историческими территориями, находящимися сейчас в пределах границ Турции (*Grigoryan A. The Karabakh Conflict and Armenia's Failed Transition...* P. 857).

⁴⁹ Ibid. P. 39.

⁵⁰ Цит. по: *Паносян Р.Б.* Непростое прошлое, трудное настоящее, туманное будущее... С. 41.

⁵¹ *Тишков В.А.* Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // *Диаспоры*. 2003. № 2. С. 173.

⁵² См.: *Cavoukian K.* «Soviet Mentality»? The Role of Shared Political Culture in Relations Between the Armenian State and Russia's Armenian Diaspora // *Nationalities Papers*. 2013. Vol. 41. № 5. P. 713, 714.

⁵³ Ibid. P. 722.

⁵⁴ Ibid. P. 709.

⁵⁵ Ibid. P. 721.

⁵⁶ Ibid. P. 721–722.

⁵⁷ См.: Открытое обращение главы Союза армян России к Н. Пашиняну (URL: <https://www.facebook.com/officialaraabrahamyan/posts/1332239887137614>) (дата обращения: 25.12.2021).

⁵⁸ См., напр.: *Устян Р., Суриков В., Скоробогатый П.* Армения после катастрофы в Нагорном Карабахе. 4 декабря 2020 г. (URL: <https://expert.ru/2020/12/4/podkast-zhurnala-ekspert-armeniya-posle-katastrofi-v-nagornom-karabakhe/>) (дата обращения: 25.12.2021).

2.4. Узбекистан и Азербайджан

Данная пара стран воплощает собой в весьма ярком виде принципиально иные подходы «родины» к находящимся за рубежом «родственным» группам. В Армении и Китае мы наблюдаем реальное взаимодействие «родины» и «диаспоры» в разнообразных формах (неважно, что в первом случае диаспора много «старше» родины исторически и сильнее экономически, а во втором случае ориентированная на «родину» часть зарубежных «соплеменников» стала таковой в первую очередь благодаря неустанным трудам и усилиям «родины»). Для данной же пары стран «соплеменники» либо не существовали (в Узбекистане более 25 лет его независимого развития), либо были и остаются в значительной степени символическим капиталом, результатом энергичного политического конструирования (в Азербайджане).

Сравнение этих постсоветских государств между собой интересно потому, что они во многом схожи, претендуя, во-первых, на региональное лидерство (с экономической и военно-политической точек зрения); во-вторых — являясь странами с авторитарным или близким к нему типом правления. Это помещает выработку решений по отношению к «соплеменникам» исключительно в руки властей (точнее говоря, президентов), сводя тем самым на нет возможную роль местной политической оппозиции или международных организаций (что можно наблюдать в ряде других постсоветских и постсоциалистических стран). Однако при такой общности базовых характеристик «родины» стратегии отношения к «диаспоре» у двух стран кардинально различны.

Узбекистан без диаспоры.

«Вы сами по себе, а мы сосредоточимся на главном»

«Управление диаспорой» (*diaspora management*) потенциально могло бы стать одной из важнейших внутри- и внешнеполитических задач узбекистанских властей. Объект для такого управления имеется — речь идет о сотнях тысяч и даже миллионах людей в различных государствах. После распада СССР в соседних с Республикой Узбекистан (РУз) странах региона вновь возникшими государственными границами от «родины» оказалось отделенным наиболее крупное (по численности)¹ и значимо представленное в каждой из четырех стран «родственное» узбекское меньшинство: 332017 человек в Казахстане, 550096 — в Киргизии; 317333 — в Туркмении и 1197841 человек в Таджикистане (по данным последней Всесоюзной переписи населения 1989 г.)².

За прошедшие десятилетия численность узбеков в соседних с РУз странах благодаря высокому естественному приросту увеличилась. По состоянию на 2020 г. в Киргизии их уже более 964 тыс., в Казахстане — 605 тыс.³ В Таджикистане, где еще с советского времени проживала наиболее крупная в пределах СССР группа узбеков (после «собственной» республики), по данным последней переписи 2009 г., их насчитывалось 1460647 человек⁴, около 14% населения страны (по оценкам узбекских организаций эта доля достигала 25%)⁵. Кроме того, несколько миллионов узбеков проживало и проживает в Афганистане (по различным оценкам, в 2017 г. их было от 2,7–3,5 млн человек⁶; в 2020 г. — 4 млн⁷).

Наконец, начиная с середины 2000-х гг. стали более активными трудовые миграции из Узбекистана в Россию, что добавило к «диаспоральному хозяйству» РУз новую группу, образовавшуюся иным (миграционным) путем и стремящуюся в страну, которая ранее никогда не являлась историческим ареалом расселения узбеков.

Нужно учитывать также, что в ходе так называемого национально-территориального размежевания 1924–1936 гг., проведенного большевиками на подвластной им территории, теперь называемой Центральной Азией, границы между советскими республиками, а теперь пятью постсоветскими государствами, по разным соображениям были проведены очень причудливо⁸. В силу чрезвычайно чересполосного расселения различных этнокультурных групп по региону⁹ огромные сегменты последних (в первую очередь это относится к узбекам) оказались за пределами «своей» республики, причем в основном на приграничных территориях. После распада СССР поддержание в прежнем режиме родственных, культурных, хозяйственных, транспортных и пр. связей стало в таких условиях весьма затруднительным, что могло бы послужить еще одной причиной для проведения Узбекистаном энергичной диаспоральной политики.

Если посмотреть с другой стороны, возможности для этого тоже имелись — демографический вес (узбеки — наиболее крупная в бывшем СССР неславянская и мусульманская этническая группа), самая мощная в регионе армия, наличие сильной власти авторитарного типа. Однако именно Узбекистан является, пожалуй, единственным постсоветским государством, которое в подобной «диаспоральной» ситуации практически полностью самоустранилось от каких-либо саморепрезентаций в роли «внешней родины», будь то на уровне слов или конкретных действий. Эта ситуация сохранялась на протяжении более 25 лет независимого развития страны, все время долгого президентства Ислама Каримова (до осени 2016 г.), да и сейчас признаки перемен просматриваются довольно слабо.

Как хорошо видно из работы Оливье Феррандо (*Olivier Ferrando*), посвященной различным проявлениям диаспоральной политики стран Центральной Азии, все эти «слова и дела», будь то панэтнические конгрессы, офи-

циальный дискурс о связях с «соплеменниками», двусторонние переговоры, затрагивающие жизненно важные проблемы последних (например, образование на родном языке); введение института двойного гражданства, не говоря о репатриации — никак не затронули Узбекистан. «После первых вспышек интереса к зарубежным узбекам в 1990-е гг. власти постарались снизить интерес общественного мнения к судьбам соплеменников и прервали с ними все формальные связи»¹⁰.

Маттео Фумагалли (*Matteo Fumagalli*), посвятивший специальную работу отношению официального Узбекистана к узбекам за рубежом, отмечает, сравнивая РУз с Германией, Венгрией, Казахстаном и Россией, что эта проблема никогда не обсуждалась здесь в парламенте или в СМИ. В отличие, например, от Венгрии, какие-либо третьи стороны (ЕС или международные организации) никогда не выступали посредниками в общении «внешней родины» и диаспоры. Культурные контакты с последней были сведены к минимуму и ограничивались спорадической поставкой в соседние страны устаревших учебников узбекского языка. Ташкент постоянно игнорировал просьбы зарубежных узбекских организаций о прямом сотрудничестве, предпочитая в случае крайней необходимости двусторонние межгосударственные контакты¹¹. Президент И. Каримов неоднократно отмечал, что узбеки за рубежом являются гражданами других стран, поэтому удовлетворение их разнообразных потребностей является обязанностью стран проживания, а не Узбекистана¹².

Отстраненная позиция официального Ташкента по отношению к узбекам южных областей Киргизии (а это «горячее пограничье» не единожды проверяло на прочность «замкнутый на себя» курс властей Узбекистана) — еще одно яркое проявление позиции «вы там сами по себе». И. Каримов последовательно воздерживался от каких-либо шагов по поддержке ошских узбеков в их периодиче-

ски обостряющихся отношениях с местными киргизами и властями соседней страны.

Когда во время ошских событий 1990 г. стали слышны требования о предоставлении автономии Ошской области в составе Киргизской ССР (от лица некой организации ошских узбеков «Адолат»), а также голоса в пользу прямого присоединения области к Узбекской ССР, И. Каримов, в качестве первого секретаря Компартии республики, совершил поездку в Ошскую область вместе с Чингизом Айтматовым. Вместе они обратились к местному населению с призывом прекратить межэтническое насилие и агитацию в пользу сецессии. В 2000-х гг., и особенно после андижанских событий 2005 г., И. Каримов не раз давал понять, что он считает ошских узбеков слишком политически активными и непредсказуемыми. Узбекистанские официальные СМИ в тот период часто обвиняли их в участии или, по меньшей мере, в сочувствии исламистским террористическим организациям.

Этой же линии придерживались власти РУз и во время кровавого ошского конфликта в 2010 г. В мае, в период развертывания там политической фазы кризиса, И. Каримов выступил против призывов лидеров узбеков Южной Киргизии сделать официальным статус узбекского языка в стране; в июне, в разгар кровопролития, он принял меры к тому, чтобы добровольцы из Узбекистана не отправились на помощь соплеменникам, а позднее весьма неохотно (и то на короткое время) дал разрешение международным организациям развернуть лагеря беженцев вблизи границы¹³. Как заключает Морган Лю (*Morgan Liu*) в своей книге, основанной на многолетних исследованиях настроений и социальной активности узбеков города Ош, «политика Каримова в отношении сопредельных государств никогда не смягчалась соображениями “этнической близости” (*ethnic affinity*) с населением по ту сторону границы»¹⁴.

Вопрос о причинах подобного курса опять возвращает нас к особенностям национального проекта той или иной «внешней родины». Однако в данном случае причины пассивности «родины» или, скорее, осознанного отказа от подобной роли существенно отличаются, например, от причин сдержанности «родин» стран Восточной Европы (см. данную главу, параграф 2.1), привлекая наше внимание не к международным отношениям определенной эпохи, а к специфике сугубо регионального контекста — в его историческом и обусловленном прошлым нынешнем этнополитическом измерении. По сути, именно эта **региональная «история»**, дав Узбекистану большое и требующее внимания диаспоральное наследие, одновременно объясняет и желание «родины» снять с себя ответственность за «соплеменников» ради достижения иных, более важных для страны целей.

Говоря о региональной «истории», я хотела бы подчеркнуть ту мысль, что именно соединение **исторического подхода** с анализом **современной ситуации в регионе** может дать наиболее всеобъемлющее объяснение диаспоральной инертности Узбекистана. В литературе эти два аспекта представлены разными авторами.

Сергей Абашин в своей работе, посвященной становлению среднеазиатских национализмов (на примере Узбекистана и Таджикистана), показывает преимущество реализованного большевиками в 1920-е гг. узбекского «национального проекта» и постсоветской модели нациестроительства, продвигаемой властями РУз. При этом отношение к диаспоре, будучи одним из побочных результатов «генерального курса», затрагивается пунктирно. В центре внимания М. Фумагалли (в вышеупомянутой статье) — выявление связи между отсутствием интереса к диаспоре и национальным проектом Узбекистана через анализ региональной социально-политической ситуации.

Главное, что характеризует проект национального строительства независимого Узбекистана, — гораздо боль-

ший акцент на **государстве, его целостности, устойчивости и стабильности**, чем на **культуре и этничности** составляющих его частей. Это скорее замкнутая на себя конструкция, нежели ориентированная вовне с целью привлечения себе подобных.

Конечно, речь не идет о стремлении к построению гражданской нации в чистом виде. С. Абашин, например, характеризуя таджикский национализм как «менее гражданский», чем узбекский, отмечает, что главное внутреннее противоречие последнего — диссонанс между «этнической интерпретацией нации и ее фактической неэтнической природой»¹⁵. Отсюда, продолжает этот автор, проистекают все прочие базовые элементы национальной идеологии, включая и «игнорирование проблемы узбекской диаспоры и этнических меньшинств»¹⁶.

Не вдаваясь во все нюансы этого противоречия¹⁷, отмечу следующее: вербальное увлечение терминами «узбекская государственность», «узбекский народ» и т. п. сочетается с упором на полиэтничность населения, давшего миру эту государственность (туркестанцы); на то, что основу его составляли не только тюрки, но и оседлые таджики. Отметив, что эта идея фактически превратилась в полуофициальную идеологему, С. Абашин заключает: «Узбекских лидеров интересует в первую очередь единство государства, для которого языковые и культурные различия могут представлять угрозу. Единственным инструментом построения, как это было в 1924–1925 гг., и сохранения государства является игнорирование этих различий и одновременно активная политика ассимиляции и интеграции мелких групп в единую общность»¹⁸.

О «фактической неэтнической природе нации» (если воспользоваться формулировкой С. Абашина) в Узбекистане говорит то, каким образом власти пытаются включить в нее проживающие в стране меньшинства. Как отмечает, например, Александр Джумаев, «консолидация великой узбекистанской (*sic!*) нации основана на принятии

членами меньшинств идеи *O'zbekchilik*... Правящие элиты продолжают опасаться предлагать этничность в качестве основы национальной идентичности [*Uzbek nationhood*], делая скорее выбор в пользу территориальности. Они настаивают на том, что... “узбекскость” [*Uzbekness*] — это категория, открытая для всех, кто принимает узбекские традиции и обычаи, независимо от этнической принадлежности. Она конструируется как территориальный, или гражданский, тип национального сознания»¹⁹.

В данном контексте интересен пример русских и других русскоязычных («европейцев»). Так, в статье, посвященной экспозиции нового музея памяти жертв репрессий в Ташкенте, С. Абашин отмечает: «...создатели музея старались избежать отождествления империи с русским народом...» Это связано в том числе и с тем, что «...русская, или, точнее, русскоязычная община является по-прежнему одним из наиболее значительных и влиятельных меньшинств в Узбекистане, что создает ограничения для антирусской риторики»²⁰.

По мнению Евгения Абдуллаева, в стране «вместо “исламской” и во многом отличной от нее “националистической” модели демодернизации начала постепенно срабатывать ее авторитарно-бюрократическая модель, воспроизводящая как наиболее консервативные черты советской системы образца 1970-х гг., так и многочисленные досоветские и колониальные практики. Эта модель не предполагает ни “исламизации” русских, ни их ассимиляции или “узбекизации”... сама традиционализирующаяся система, а не политика или курс, стала “выталкивать” наименее интегрированные в нее элементы, каковыми, в том числе, являются и функционеры, и предприниматели, и студенты нетитульной национальности»²¹.

Подведем предварительные итоги. То, что коренится в давней истории (полиэтничность региона и главенство в нем локальных и «культурно-профессиональных», а не этнических идентичностей²²), а также то, что порожде-

но сравнительно недавними событиями («национальное размежевание» раннесоветского времени, когда сарты и ряд иных этнокультурных групп превратились в «узбеков») — оба этих момента продолжают определять стремление современных национальных идеологов Узбекистана избегать педалирования культурной близости (за пределами страны) и культурных различий (в ее границах). Отсюда национальный проект постсоветского Узбекистана выглядит менее этноцентричным, но более **территориальным**, являя собой «зеркальное отражение»²³ ситуации в соседнем Таджикистане.

Обратимся теперь к современной ситуации в регионе. Именно на ней, как отмечалось выше, делает основной акцент М. Фумагалли в поиске причин «диаспоральной инертности» властей РУз (хотя он уделяет некоторое внимание историческим аспектам). В результате анализа официальной идеологии постсоветского Узбекистана он приходит к аналогичному выводу. Главное, что характеризует доктрину национальной независимости, — превалирование «территориального» над «этническим»; больший интерес к пониманию того, чем является новое национальное государство, каково его место в регионе и в мире, нежели к определению параметров собственно «узбекской» идентичности.

Исследователь подчеркивает, что именно такая идеология считается властями страны наиболее адекватным ответом на вызовы этнополитической стабильности в регионе, дав им в руки концептуальную основу для органичного включения фактора «внешней угрозы» в развиваемый режимом тезис о значимой роли Узбекистана в поддержании «мира, порядка и стабильности» внутри страны и на сопредельных территориях. Стабильность «внутри» конструируется в постоянной оппозиции нестабильному окружению²⁴.

Вот некоторые элементы официального дискурса²⁵, противопоставляющего «угрозу» и «порядок»: «За предела-

ми “крепости Узбекистан” [*Fortress Uzbekistan*] простирается пространство нестабильности и хаоса, но руководство страны не позволяет им “просочиться” на территорию Узбекистана»; «великое прошлое очень важно, но великое будущее... возможно только при условии поддержания стабильности»; «Узбекистан является единственным оплотом против царящего за пределами страны хаоса».

Неудивительно, что проблема находящихся за пределами границ меньшинств («разделенных наций») обсуждается в работах национальных идеологов преимущественно в контексте «угрозы» — угрозы единству и безопасности государства, исходящей от религиозного радикализма и терроризма (часто воспринимаемых как синонимы). В частности, узбеки за пределами страны, в особенности молодые мужчины, рассматриваются властями РУз в качестве кандидатов для пополнения рядов таких радикальных движений, как «Хизб-ут-Тахрир» и ИДУ (Исламское движение Узбекистана)²⁶.

Как заключает М. Фумагалли, в целом внешняя политика Узбекистана зиждется на «императивах безопасности» (*hard security concerns*), а отсутствие интереса к «диаспоре» отражает приоритетную политическую задачу поддержания внутренней стабильности, постоянно подвергающейся угрозам извне, а также взаимную «молчаливую» договоренность с соседними государствами не вмешиваться в дела друг друга: «В конце концов, если узбеки в Оше будут постепенно “окиргизиваться”, тогда таджики в Самарканде тоже вполне могут двигаться в данном направлении»²⁷.

Интересно, что, по наблюдениям М. Лю, в конце 1990-х гг. ошские узбеки поддерживали курс И. Каримова (в частности, жесткое оппонирование идее сецессии или автономии области), подчеркивая его «мудрость» в реализации настоящей цели всех заинтересованных сторон, а именно — региональной стабильности²⁸.

Постепенный рост численности узбеков в России, куда они массово выезжают в качестве трудовых мигрантов, хотя формально и находится вне рамок региональной этнополитической ситуации, не послужил стимулом для более заинтересованного отношения отпускающего государства к «соплеменникам» за рубежом. Наоборот, в период нахождения у власти И. Каримова фактор трудовой миграции стал новым поводом задуматься об угрозах безопасности государства в рамках «транснациональных миграционных пространств», куда вместе с работягами из кишлаков неизбежно попадали представители политической оппозиции, гонимые правозащитники, считавшиеся экстремистами религиозные деятели и пр.

Дэвид Льюис (*David Lewis*), посвятивший свою статью репрессивным практикам властей Узбекистана на территории ближних и дальних стран, где проживали разные группы узбеков, отмечает, что официальный дискурс, касающийся миграции, рисует отпускающую страну как благополучное, процветающее государство, а «экстерриториальные пространства как источники угроз для стабильности и потенциально опасные для родины»²⁹.

Тут уместно вспомнить красочные высказывания И. Каримова, в которых он выражал недовольство самим фактом оттока сограждан на заработки в другие страны, называя лентяями тех, кто едет в Москву и подметает там улицы, ставя «нацию в неловкое положение»³⁰. В этом смысле позиция властей РУз по отношению к международной трудовой миграции шла вразрез с гораздо более распространенным среди отпускающих государств позитивным отношением к явлению, приносящему в страну деньги и технологии³¹.

Исторический опыт говорит об изменчивости диаспоральной политики как о вполне вероятной ситуации (см. данную главу, параграф 2.2). Поворот в отношении к диаспоре обычно вызывается крупными структурными сдвигами, например, сменой характера режима, что не-

редко сопровождается трансформациями в экономической сфере и в региональном соотношении сил. Однако сейчас перспектива такого «расклада» по отношению к Узбекистану вряд ли просматривается.

После того, как после смерти И. Каримова в 2016 г. президентом страны стал Шавкат Мирзиёев (переизбранный на второй срок осенью 2021 г.), появились некоторые признаки возможного изменения диаспоральной политики³². Однако предпринятые шаги скорее реактивны, нежели похожи на продуманный новый курс. На мой взгляд, пока трудно говорить о реальном повороте в отношении «родины» к зарубежным узбекам, тем более что кардинальных изменений в этнополитике Узбекистана со сменой главы государства не произошло, а региональная стабильность после прихода к власти в соседнем Афганистане движения «Талибан»³³ находится под угрозой.

Подводя итог, хотелось бы солидаризироваться с мнением М. Фумагалли о том, что нельзя жестко противопоставлять «этнический» и «гражданский» национальные проекты. На примере РУз мы видим, как оба элемента сосуществовали и конкурировали в одном политическом организме (*polity*)³⁴, хотя имело место активное стремление властей сделать основной упор именно на «территориальности», а не на «этничности». Если обратиться к сравнениям, другим примером такого рода сосуществования, редким в постсоветском мире, является Россия. Однако нужно видеть и существенные различия.

В Узбекистане исторические особенности нациестроительства и ряд современных потенциально дестабилизирующих факторов подталкивали власти страны (причем характер режима предполагал полное единодушие элит по данному вопросу) к игнорированию «соплеменников» за рубежом. В то же время во внутренней политике логика построения национализирующегося государства в постсоветских условиях продолжает побуждать власти к применению ассимиляционных практик (по крайней

мере, по отношению к некоторым меньшинствам, в частности, к таджикам) и к попыткам «подверстать» нетитульные группы под требования *O'zbekchilik*.

Россию же отличают то более, то менее явные, но «колебания» в понимании того, на какой основе должен строиться национальный проект в условиях той многонациональности, которая исторически сложилась в нашей стране. Речь идет о колебаниях и на уровне официального курса, и о различиях между группами элит. Отсюда — отсутствие последовательной внутренней политики по «национальному вопросу», а также (именно это наиболее интересно для нас) четкого понимания того, какие категории жителей постсоветских государств должны быть объектом диаспоральной «заботы» России (см. данную главу, параграф 2.5).

Азербайджан:

«А у нас теперь тоже есть большая диаспора!»

Это постсоветское государство являет собой яркий пример энергичного использования фактора рассеяния (результат исторической «разделенности народа» и резко усилившейся после распада СССР эмиграции) в целях национального самоутверждения, роста международного престижа и реализации иных краткосрочных и долгосрочных внешнеполитических интересов.

Под «использованием» имеется в виду не столько реальное достижение всех этих амбициозных целей, сколько целеполагание как таковое. Данная модель постсоветской диаспоральной политики показывает, как в условиях почти полного авторитарного единомыслия работают **дискурсивные практики и административно-бюрократические механизмы**, «превращающие» значительное по численности этнически родственное население за пределами современных границ Азербайджанской Республики (АР) из конгломерата разнородных по многим критериям

сообществ в единую сплоченную «диаспору», всецело ориентированную на «родину», «наконец» обретшую независимость.

Квинтэссенцией этого подхода можно считать слова главного идейного вдохновителя диаспоростроительства, президента АР (1993–2003) Гейдара Алиева из одной из его многочисленных речей, обращенных к разбросанным по миру соотечественникам: «Азербайджанцы уже знают и должны быть твердо убеждены в том, что у нас, наконец, есть независимое государство... Есть Родина — священная азербайджанская земля. Значит, где бы он ни был, в какой бы стране ни проживал, каждый должен думать только об Азербайджане, о его независимости, территориальной целостности, о сегодняшнем дне и будущем азербайджанского народа»³⁵.

Страну отличает исходная (на момент провозглашения независимости) и пусть заметно ослабленная миграциями постсоветских лет, но все еще сохраняющаяся многонациональность. Однако «диаспорный проект» уже более 25 лет настойчиво реализуется руководством страны (двумя президентами — отцом и сменившим его на посту в 2003 г. сыном Ильхамом Алиевым) как этнический, основанный на **этническом понимании нации** и апеллирующий к людям, считающим себя азербайджанцами. Таким образом, и в дискурсивной сфере, и в своих организационных усилиях власти страны, в отличие, например, от ситуации в России (см. ниже), прочно сидят на одном стуле — а именно: осознанном и разделяемом всеми группами элит представлении о национальной идентичности как идентичности этнической³⁶.

Такого рода единодушие³⁷, а также широкое использование термина «диаспора» не только представителями власти, экспертами и обычными гражданами в самом Азербайджане, но и этническими активистами, работающими в «диаспоре» за рубежом³⁸, также отличают азербайджанскую «политику» от российской, при их важном

сходстве. В обеих странах, хотя и с разной степенью активности и на разных временных отрезках, мы имеем дело с политико-бюрократическим конструированием «диаспоры», с ее строительством как сугубо политическим, верхушечным проектом, запущенным усилиями государства³⁹.

Азербайджан отличает устойчивость описанной модели во времени, поскольку ее параметры тесно связаны с особенностями сложившегося в стране после распада СССР политического режима, до сих пор сохраняющего свои ключевые характеристики. Вот мнение Сергея Румянцева, социолога из Баку, который детально рассмотрел процесс диаспоростроительства в АР в ряде своих работ: «Азербайджан в плане политического и экономического устройства — это имитация современного государства, это пример государства-симулякра, тотальной имитации современных политических институтов и отношений... Что происходит, если такого рода режим ставит перед собой амбициозную цель создания многочисленной и влиятельной диаспоры? Конструируется бюрократическая диаспора-симулякр»⁴⁰.

Не вдаваясь в фактологические подробности, остановимся на ключевых вопросах: зачем и как? Первый привлекает наше внимание к **целям** руководства АР в сфере диаспоростроительства. Выше они были сформулированы в самой общей форме, но за этими понятными побуждениями стоят и вполне конкретные мотивы, специфические для Азербайджана на современном этапе его развития.

Кроме рекламирования на международной арене разнообразных успехов молодого государства, в частности, проводимых его властями «демократических преобразований», есть и другие важные внешнеполитические задачи, которые призвана решить, пусть и на дискурсивном уровне, «мощная», многочисленная азербайджанская диаспора. Возможно, найдется немало стран, которые не

отказались бы иметь такого рода политический ресурс, способный не только «виртуально» повысить их статус в мире, но и осуществлять вполне осязаемое лоббирование их интересов на территории ключевых мировых держав. У Азербайджана стимулы к обладанию таким ресурсом существенно подогреваются всем комплексом проблем, связанных с армяно-азербайджанским противостоянием.

В начале 1990-х гг. важной задачей конструируемой диаспоры была трансляция мировому сообществу азербайджанской версии карабахского конфликта. Долговременной же задачей являются, во-первых, «активная включенность азербайджанцев “диаспоры” в движение за признание несправедливости претензий к Турецкой Республике, нынешнему главному союзнику Азербайджана, в связи с определением событий 1915 г. в Анатолии как геноцида»⁴¹.

Во-вторых, диаспоральная политика АР нацелена на соревнование с «мировым армянством» — со столь же «мощной» и влиятельной армянской диаспорой (весьма успешной в лоббировании интересов «родины»); на создание аналогичных эффективных лоббистских структур в наиболее влиятельных странах, принявших на своей территории количественно впечатляющее число эмигрантов из Азербайджана — в России, Германии, США: «В том же транснациональном пространстве, в контексте дискуссии об “азербайджанской диаспоре”, воображается также противостояние не на жизнь, а на смерть, с диаспорой армянской, а локальный карабахский конфликт трансформируется в некое масштабное мировое противостояние»⁴².

Отсюда проистекает та значимая роль, которая отводится в диаспоральном дискурсе АР координации действий азербайджанской и турецкой диаспор, способных при условии такого сотрудничества дать «аргументированные и действенные ответы мировому армянству»⁴³.

Один из способов реализации подобных целей (на дискурсивном уровне) — обращение к **магии цифр**. Тут будет уместным пояснить, сколько азербайджанцев — по используемому в нашей работе формальному критерию — можно отнести к диаспоре, т. е. сколько их оказались, по разным причинам, за пределами страны, репрезентирующей себя в качестве их «родины». Понятно, что чем больше, тем лучше.

В самом Азербайджане, по состоянию на 2021 г., проживало немногим более 10 млн человек. За его пределами находится гораздо больше азербайджанцев. По одной из оценок, приводимой С. Румянцевым, в России их около двух млн, примерно полтора млн в США, 500 тыс. человек на Украине, 350 тыс. во Франции и 400 — в Германии⁴⁴. Способ формирования этих диаспор понятен — это эмиграция, в основном последовавшая за распадом СССР и сопряженными с ним событиями (кроме случая России, куда азербайджанцы начали массово выезжать еще в советское время, особенно с началом разработки мощных нефтегазовых месторождений в Сибири). Но надо учитывать, что в России около 130 тыс. азербайджанцев (по переписи 2010 г.) компактно проживают в Дагестане, и их, конечно, не стоит ставить на одну доску с эмигрантами (пост)советского времени. Аналогично, около трех млн человек насчитывает азербайджанское меньшинство в Турции.

Однако главная проблема состоит в том — и обнаруживается своего рода «скелет в шкафу», с наличием которого вынуждены считаться творцы диаспоральной политики АР, — что основная масса азербайджанцев мира, строго говоря, проживает не в «диаспоре» и не на «родине» в лице Азербайджанской Республики. Речь идет о миллионах (от 11–15 млн до 23–30 млн, по разным источникам) азербайджанцев Ирана, компактно расселенных в его северо-западных провинциях (в советское время территорию именовали Южным, или Иранским, Азербайджаном).

Точные цифры назвать сложно, тем более, что они являются объектом политического манипулирования разных заинтересованных сторон.

Это район давнего исторического расселения азербайджанцев, ставший частью Ирана (Персии) после заключения Туркманчайского договора между последней и Российской империей (1828 г.). Здесь мы имеем дело с уже знакомой ситуацией «движения границ, а не людей» (говоря словами Р. Брубейкера). Понятно, что историко-политические, социокультурные и экономические контексты, формировавшие, с одной стороны, условия жизни и идентичность азербайджанцев Ирана, Турции и, с другой стороны — мигрантов (пост)советского времени в России или, скажем, в Германии — являются принципиально различными⁴⁵.

Учитывая сложную геополитическую ситуацию в данном районе мира⁴⁶, открыто включать иранских азербайджанцев в число опекаемых АР в качестве своей «диаспоры», проводить какую-либо «диаспоральную работу» на территории соседнего суверенного государства или, упаси бог, делать или говорить что-то, что могло бы расцениваться как попытка ирреденты или сецессии⁴⁷ — ничего из перечисленного власти республики позволить себе не могут.

Более того, инициированная Г. Алиевым активная деятельность по конструированию огромной и солидарной диаспоры, его стремление поставить эту работу под контроль государства были в определенной мере реакцией на «паназербайджанизм» своего предшественника, первого президента АР Абульфаза Эльчибея. Дело в том, что одной из главных своих задач на президентском посту и, тем более, после отрешения от власти в 1993 г. он считал не развитие отношений с «диаспорой», а объединение с Иранским Азербайджаном, в целях освобождения южных азербайджанцев от «персидского гнета»⁴⁸.

И все же, следуя соблазну магии цифр, на уровне диаспоральной риторики «солидарности», «единства», «патриотизма» и пр. власти Азербайджана оперируют впечатляющей официальной статистикой: 50–60 млн человек — это примерная численность азербайджанцев всех стран мира, делающая их «великим народом», а 40–50 млн из них представляют собой диаспору⁴⁹. «Азербайджанские ученые, пользуясь властью номинации, дискурсивно создают многочисленное диаспоральное сообщество, разбросанное по 70 странам мира. Представители власти утверждают в политическом поле эти концепты и статистику, сконструированную учеными»⁵⁰.

Определенная неувязка, связанная с тем, что фактически исторических родин у азербайджанцев несколько, и лишь около одной пятой из них проживает на территории страны, претендующей на роль «родины» «великого народа» (или, по крайней мере, главной из возможных «родин»), вызывает озабоченность властей АР. Она проявляется, в частности, в их стремлении добиться убыстрения темпов демографического роста. На дискурсивном уровне «неувязка» разрешается тем, что в диаспоральной риторике АР представляется как «политическая родина всех азербайджанцев мира»⁵¹.

Игра с цифрами имеет смысл, если она постоянно транслируется «в массы». Представление о наличии у Азербайджана многочисленной и влиятельной диаспоры поддерживается через активность СМИ и самих «чиновников от диаспоры». По инициативе Г. Алиева в 2002 г. был создан Государственный комитет по работе с азербайджанцами, проживающими за рубежом, позднее переименованный в Госкомитет по работе с диаспорой. Его глава, по сути, «министр диаспоры», подчиняется непосредственно президенту страны. «Для репрезентации “диаспоры” особое значение приобретают рутинные напоминания в СМИ о заметных успехах диаспоростроительства. Сама реальность “азербайджанской диаспоры”, как гомогенной и

солидарной группы, возникает в пространстве постоянно множащихся нарративов, создаваемых как властями АР (выступления президента и т. п.), так и этническими активистами в эмиграции (многочисленные интервью)»⁵².

Последний момент очень важен — именно диаспоральные организации, ведомые так называемыми этническими предпринимателями (*ethnic entrepreneurs*), видятся главными приводными ремнями, соединяющими «диаспору» с родиной (в первую очередь в лице ее чиновников и СМИ). Ничего принципиально нового Азербайджан тут не изобрел — бюрократическим государственным структурам гораздо проще иметь дело с создаваемой и/или патронируемой самой же «родиной» иерархической системой организаций, официально зарегистрированных в той или иной принимающей стране. В рассматриваемом случае «процесс непрерывного производства этнических организаций, почти неизменно становящихся партнерами власти», направляется (или поощряется) в основном «сверху»⁵³, для выполнения функции «презентации все возрастающей организованности и активности “диаспоры”»⁵⁴.

Мы уже встречались с подобной ситуацией на примере Китая (конечно, имеющей там свою специфику) и еще вернемся к вопросу об организациях «соотечественников» на примере России. Понятно, что мобилизация членов «диаспоры», координация деятельности многочисленных организаций, тем более когда «родина» стремится постоянно умножать их число в различных странах мира, требует значительных управленческих усилий. Однако перед властями республики стоит более сложная задача, поскольку среди различных «общин» диаспоры имеются и те, которые состоят, в частности, из людей, выехавших из Ирана. Именно ими в 1997 г. был основан Конгресс азербайджанцев мира (КАМ), имеющий свои цели, свой взгляд на ключевые для АР проблемы и расклад политических сил в стране, а потому в какой-то степени кон-

курирующий в своей мобилизационной деятельности с организациями, спонсируемыми самим Азербайджаном⁵⁵.

Смотря на ситуацию с позиций сегодняшнего дня, можно заключить, что вероятность следования Азербайджаном и далее по проторенной колее диаспоральной политики весьма велика, особенно с учетом подъема национального духа в связи с одержанной в 2020 г. победой в войне за Нагорный Карабах. Исход противостояния также, скорее всего, подстегнет соревновательные (с Арменией) стимулы сохранения и упрочения статуса нации «с большой диаспорой».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Если сравнивать численность узбеков в сопредельных с Узбекистаном государствах Центральной Азии с численностью «родственных» меньшинств за пределами каждой из оставшихся четырех стран региона.

² См.: Феррандо О. Страны Центральной Азии и их «родственные меньшинства» в регионе: от диаспоральной политики к программам репатриации // Диаспоры. 2012. № 1. С. 193.

³ Данные представлены в: Уралова Н. Узбеки за границей: улучшатся ли связи с соотечественниками? 26 мая 2021 г. (URL: <https://cabar.asia/ru/uzbeki-za-granitsey-uluchshatsya-li-svyazi-s-sootechestvennikami>) (дата обращения: 30.05.2021).

⁴ Там же.

⁵ Fumagalli M. Ethnicity, State Formation and Foreign Policy: Uzbekistan and «Uzbeks Abroad» // Central Asian Survey. 2007. Vol. 26. № 1. P. 108.

⁶ В Олий Мажлисе обеспокоились судьбой узбекской диаспоры в Афганистане. 16 августа 2021 г. (URL: <https://kun.uz/ru/news/2021/08/16/v-oliy-majlise-obespokoilis-sudboy-uzbekskoy-diaspory-v-afganistane>) (дата обращения: 17.08.2021).

⁷ Уралова Н. Узбеки за границей...

⁸ История борьбы идеологий, культур, националистических амбиций на фоне внутри- и внешнеполитических вызовов, стоя-

щих перед советской властью; история противостояния «узбекского» и «таджикского» проектов, исход которого и определил в итоге этнополитическую карту советской, а затем и постсоветской Центральной Азии, подробно изложены в: *Абашин С. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности.* СПб., 2007. С. 179–196. См. также: *Феррандо О. Страны Центральной Азии и их «родственные меньшинства»...* Р. 67–70; *Ferrando O. Politics of «Diasporization» in Post-Soviet Central Asia* // *Diasporas: Critical and Inter-Disciplinary Perspectives.* Ed. by J. Fernandez. Oxford: Inter-Disciplinary Press, 2009 (<http://www.inter-disciplinary.net/at-the-interface/>). Р. 2–3.

⁹ Так, в 1989 г. каждый шестой представитель титульных этнических групп региона проживал за пределами административных границ «своей» республики. См.: *Феррандо О. Страны Центральной Азии и их «родственные меньшинства»...* С. 69.

¹⁰ Там же. С. 70–86, 87.

¹¹ Например, с Киргизией о смягчении визового режима (особенно на приграничных территориях) и дальнейшей его отмене (при сроке пребывания до 60 дней). См.: там же. С. 76–77.

¹² *Fumagalli M. Ethnicity, State Formation and Foreign Policy...* Р. 108, 118.

¹³ См.: *Liu M.Y. Under Solomon's Throne. Uzbek Visions of Renewal in Osh.* Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2012. Р. 55, 56.

¹⁴ Ibid. Р. 56.

¹⁵ *Абашин С. Национализмы в Средней Азии...* С. 196, 206.

¹⁶ Там же. С. 197.

¹⁷ Многие из них подробно рассмотрены С. Абашиным на примере высказываний самого И. Каримова и других авторов, пользующихся правом транслировать «в народ» официальную точку зрения (см.: там же, с. 197–200). См. также: *Liu M.Y. Under Solomon's Throne. Uzbek Visions of Renewal in Osh...* Р. 57–58.

¹⁸ *Абашин С. Национализмы в Средней Азии...* С. 200.

¹⁹ См.: *Djumaev A. Nation-Building, Culture, and Problems of Ethno-Cultural Identity in Central Asia: the Case of Uzbekistan // Can Liberal Pluralism Be Exported? Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe. Ed. by W. Kymlicka and M. Opalski. Oxford: Oxford University Press, 2001. Цит. по: Fumagalli M. Ethnicity, State Formation and Foreign Policy... P. 113.*

²⁰ *Абашинов С. Мустакиллик и память об имперском прошлом: проходя по залам ташкентского Музея памяти жертв репрессий // Неприкосновенный запас. Диалоги о политике и культуре. 2009. № 4. С. 6.*

²¹ *Абдуллаев Е.В. Русские в Узбекистане 2000-х гг.: идентичность в условиях демодернизации // Диаспоры. 2006. № 2. С. 32. Впрочем, речь здесь идет в первую очередь о декларируемом и в той или иной мере реализованном курсе властей, а не о практиках интеграции/адаптации нетитульных групп к условиям жизни в постсоветском Узбекистане. Отмечу кратко (поскольку это не является нашей темой), что ситуация здесь неоднозначна. Как отмечает, в частности, М. Фумагалли, несмотря на официальную риторику, «...“гомогенизация” развивалась “сверху”, через продвижение узбекского языка, и неформально, через этнический фаворитизм на рынке труда» (Fumagalli M. Ethnicity, State Formation and Foreign Policy... P. 119). Мне близка позиция, основанная на многолетних исследованиях в другой стране региона — Киргизии (см.: Космарская Н.П. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992–2002). М., 2006). Эта позиция, если говорить кратко, состоит в том, чтобы воздерживаться от излишней этнизации и политизации проблемы положения русскоязычных. Среди публикаций, развивающих данный подход на примере «русских» в Узбекистане (на русском языке этой теме посвящено гораздо больше публицистических, нежели научных работ), заслуживают внимания, напр.: Radnitz S. Weighing the Political and Economic Motivations for Migration in Post-Soviet Space: the Case of Uzbekistan // Europe-Asia Studies. 2006. Vol. 58. № 5; Flynn M. Renegotiating Stability, Security and Identity in the Post-Soviet Borderlands: the Experience of Russian*

Communities in Uzbekistan // Nationalities Papers. 2007. Vol. 35. № 2.

²² Разграничение по линии «оседлые (земледельцы)» — «кочевники» в досоветской Центральной Азии было гораздо более значимым, нежели деление на этнические группы (см.: *Fumagalli M. Ethnicity, State Formation and Foreign Policy...* P. 110).

²³ *Абашии С. История зарождения и современное состояние... С. 201.* «Таджикский национализм... по-прежнему остается языковым и культурным национализмом, для которого то небольшое государство, которое сегодня называется “Таджикистаном”, не является главной ценностью» (там же, с. 205–206).

²⁴ *Fumagalli M. Ethnicity, State Formation and Foreign Policy...* P. 111, 112.

²⁵ Почерпнутые в основном из программных работ самого И. Каримова.

²⁶ *Fumagalli M. Ethnicity, State Formation and Foreign Policy...* P. 112, 115.

²⁷ Ibid. P. 115–116.

²⁸ *Liu M.Y. Under Solomon's Throne. Uzbek Visions of Renewal in Osh...* P. 56.

²⁹ *Lewis D. «Illiberal Spaces»: Uzbekistan's Extraterritorial Security and the Spatial Politics of Contemporary Authoritarianism // Nationalities Papers. 2015. Vol. 43. № 1. P. 146–147.*

³⁰ *Уралова Н. Узбеки за границей...*

³¹ *Lewis D. «Illiberal Spaces»...* P. 146–147.

³² В частности, в Термезе был открыт образовательный центр для граждан Афганистана (правда, это было сделано скорее для развития двусторонних отношений, нежели для поддержки именно узбеков из соседней страны). В рамках благотворительных кампаний в Узбекистане собирались деньги для покупки учебников для узбекской молодежи Афганистана (где большинство доступных книг на узбекском языке написаны арабским шрифтом). Правда, эти и иные инициативы, например, создание базы данных об успешных «соотечественниках», работающих за рубежом и способных в будущем помочь стране знаниями и инвестициями, слабо нацелены на рядовых узбеков в

соседних государствах. Подр. см. в: *Уралова Н. Узбеки за границей...*

³³ «Талибан» — организация, деятельность которой запрещена в Российской Федерации.

³⁴ *Fumagalli M. Ethnicity, State Formation and Foreign Policy...* Р. 119.

³⁵ *Румянцев С. Время диаспоры: национальное государство и политика конструирования этнонационального сообщества // Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире. Материалы международной научной конференции. Под ред. В. Малахова, В. Тишкова, А. Яковлева. М., 2011. С. 1* [здесь и далее цит. по рукописи, предоставленной автором].

³⁶ Важнейшими критериями единения проживающих в различных странах азербайджанцев, зафиксированными в «Хартии солидарности азербайджанцев мира», являются: «выгравированная в этнической памяти народа историческая родина»; общие для всех его представителей язык, религия, традиции, правила поведения; идеология «азербайджанства» (т.е. азербайджанского национализма). Принципиальна и позиция национального лидера Г. Алиева, выраженная в словах: «Я всегда гордился и горжусь тем, что я азербайджанец!». Как отмечает С. Румянцев, эти слова «репрезентируются как некий идеал отношения к воображаемому сообществу азербайджанцев. Хартия призывает следовать подобной манифестации особой значимости этничности» (там же, с. 5, 6).

³⁷ Существующее в той мере, в какой оно может проявлять себя в авторитарном государстве: «...нередко можно наблюдать и весьма символичное сходство тиражируемых представлений о предназначении, численности «азербайджанской диаспоры» и т.п. с позицией многочисленных оппозиционных СМИ, в остальном, как правило, жестко полемизирующих с властью» (*Румянцев С. Дискурсивные практики производства этнонациональной «диаспоры» (азербайджанцы в Германии) // Диаспоры. 2008. № 2. С. 170.*

³⁸ *Румянцев С. Время диаспоры... С. 5.*

³⁹ Стефан Астуриан, сравнивая в своей работе армянскую и азербайджанскую диаспоры, отмечает в качестве главного различия тот факт, что первая развивалась очень долго в отсутствие государства-родины, в то время как история второй неразрывно связана с фактором независимости, а по сути, это «диаспоризация сверху» (*diasporization from above*). См.: Astourian S.H. State, Homeland and Diaspora. The Armenian and Azerbaijani Cases // Central Asia and the Caucasus. Transnationalism and Diaspora. Ed. by T. Atabaki & S. Mehendale. L. & N.Y.: Routledge, 2005. P. 102, 103.

Именно в таких же терминах я описывала в своих работах ситуацию с «русской диаспорой» (см., напр.: *Kosmarskaya N.* Post-Soviet Russian Diaspora // Encyclopedia of Diasporas. Immigrant and Refugee Cultures Around the World. Vol. I. Ed. by M. Ember, C. Ember & I. Skoggard. N.Y.: Kluwer Academic Publishers, 2004. P. 265–268; *Космарская Н.П.* «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992–2002). М., 2006. С. 474–480, 498–499.

⁴⁰ *Румянцев С.* Реванш симулякра: бюрократические и дискурсивные стили воображения азербайджанской диаспоры // Миграционный кризис: международное сотрудничество и национальные стратегии. Под ред. В.С. Малахова и М.Е. Симона. М., 2017. С. 143.

Кроме уже названных здесь работ, см. также: *Румянцев С., Барамидзе Р.Р.* Азербайджанцы и грузины в Ленинграде и Санкт-Петербурге: как «конструируются» диаспоры // Диаспоры. 2008. № 2 (часть первая); 2009. № 1 (часть вторая); *Rumyansev S.* Post-Soviet Nation-State as a Sponsor of Construction of the Ethno-National Diaspora: Azeri's Case // Revue européenne des migrations internationales (REMI). 2010. Vol. 26. № 3.

⁴¹ *Румянцев С.* Дискурсивные практики производства... С. 132.

⁴² Там же. С. 132, 170, 171.

⁴³ Цитата из одного из выступлений И. Алиева приводится в: *Румянцев С.* Дискурсивные практики производства... С. 149.

⁴⁴ Там же. С. 170

⁴⁵ Я предпочитаю фиксацию различий в достаточно осторожных выражениях, без использования терминологических

ярлыков. Другие авторы подчеркивают вариативность азербайджанских сообществ «за пределами границ» более «терминологично», говоря о «сложном происхождении этих групп, одни из которых, в частности, в России, являются настоящими диаспорами [*true diasporas*], в то время как другие, например, огромное сообщество иранских азербайджанцев — это скорее автохтоны» (см., напр.: Goble P. Between Moscow and Baku: the Azerbaijani Diaspora in Moscow // *Azerbaijan in the World*. ADA (Azerbaijan Diplomatic Academy) Biweekly Newsletter. 2010. Vol. 3. № 10. P. 8).

К осторожности в фиксации идентичности этнической группы, издавна населяющей северо-западные провинции Ирана, призывают и другие авторы. См., напр.: Арешев А. «Этническая композиция Ирана» Гарника Асатрян и ее значение для российского академического и экспертного дискурса. 9.01.2016. (URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2016/01/09/book-etnicheskajakompozicia-irana-garnika-asatrjana-recenzia.html>). (дата обращения: 13.12.2021).

⁴⁶ См., напр.: Мирзаян Г. Иран и Азербайджан балансируют на грани войны. 11.10.2021. (URL: <https://expert.ru/2021/10/11/iran-azerbaydzhan/>). (дата обращения: 13.12.2021).

⁴⁷ Отделение территории, компактно населенной этническим меньшинством, с возможным последующим присоединением ее к другому, «родственному» государству.

⁴⁸ Подр. см., напр.: Astourian S.H. State, Homeland and Diaspora. The Armenian and Azerbaijani Cases... P. 99. О связанных с этничностью идеологических трениях среди элит Азербайджана в 1990-е гг. см. также: Tokluoglu C. Definitions of National Identity, Nationalism and Ethnicity in Post-Soviet Azerbaijan in the 1990s // *Ethnic and Racial Studies*. 2005. Vol. 28. № 4. P. 728–729.

⁴⁹ Румянцев С. Реванш симулякра... С. 138. Так, например, к проведению Второго съезда азербайджанцев мира (2006 г.) было приурочено создание документального фильма «Мы — пятидесятиmillionный народ». С данного момента этот фильм и подобные ему стали обязательной частью программы официальных «диаспоральных» мероприятий, причем рассчитаны они были именно на «соотечественников», проживающих в эмиграции (см.: Румянцев С. Время диаспоры... С. 7).

⁵⁰ Румянцев С. Реванш симулякра... С. 138.

⁵¹ Там же. С. 136, 146.

⁵² Румянцев С. Дискурсивные практики производства... С. 169.

⁵³ Румянцев С. Время диаспоры... С. 10. Впрочем, в первые годы после распада СССР со стороны азербайджанцев стран их нового проживания наблюдался и некоторый всплеск активности «снизу» как реакция на независимый статус АР и, позже — на карабахский конфликт (там же, с. 11).

⁵⁴ Румянцев С. Дискурсивные практики производства... С. 156. См. также: Гусейнова С. Бакинские евреи в эмиграции: формирование локального сообщества // Диаспоры. 2008. № 2. С. 77.

⁵⁵ Так, одной из главных целей КАМ является борьба за независимость Иранского Азербайджана. Кроме того, существуют политические разногласия среди самих активистов КАМ (в том числе и по карабахской проблеме). Подр. см.: *Astourian S.H. State, Homeland and Diaspora. The Armenian and Azerbaijani Cases...* Р. 101–102; Румянцев С. Время диаспоры... С. 8.

2.5. Россия и Венгрия

Введение в анализ двух названных стран интересно по нескольким причинам. Начнем с факторов сходства, тесно связанных между собой. Во-первых, две страны объединяет присутствие, в более (Россия) или менее (Венгрия)¹ явном виде, «имперского» исторического контекста. Правда, при этом роль русских и венгров в соответствующих социально-политических образованиях (Российская империя/СССР и Австро-Венгрия) и, в частности, роль их языка и культуры на ранее охваченных «империями» территориях, конечно, далеко не идентичны.

Отсюда, эта пара представляет собой яркий случай формирования наиболее крупных частей диаспоры за счет движения границ — в отличие от многих других стран постсоциалистического мира, чьи экспатриирован-

ные меньшинства оказались вне «родины» в основном в результате одного или комбинации различных видов миграций, от добровольных (трудовых) до насильственных².

Наконец, из перечисленного вытекает то, что в данной конфигурации отношений именно «родина» вынуждена позиционировать себя в качестве «надежды и опоры» диаспоры — от нее ждут всяческой помощи и поддержки, будь то символически-психологическая, финансовая, культурная, военно-стратегическая и пр. Заметим в скобках, что, напротив, во множестве различных миграционных ситуаций рассеяния отпускающая страна, какой бы слабой или сильной она ни была, может рассчитывать если не на финансово-лоббистский и культурно-просветительский капитал диаспоры, накопленный несколькими ее поколениями, то, как минимум, на переводы в страну денежных средств трудовых мигрантов.

В то же время нужно учитывать, что социально-политический фон, на котором в последние десятилетия формировалась диаспоральная политика России и Венгрии и, шире, отношения между «родинами» и родственными группами за их пределами, существенно разнятся. С точки зрения международных (региональных) отношений Венгрия привлекает наше внимание тем, что вступление в ЕС, а затем и в шенгенскую зону как самой этой страны, так и ее соседей, являющихся принимающими государствами для крупных групп венгров, породило особую ситуацию, резко снижающую значимость территориальных критериев нации.

Со страновой точки зрения Венгрию отличает от России высокая соревновательность внутривнутриполитической жизни и, в частности, непреходящая актуальность темы для ее элит, постоянно конкурирующих друг с другом по широкому спектру проблем, среди которых «диаспора» является одной из ключевых.

Россия: удобство сидения на двух стульях

«Русские диаспоры» как виртуальный этноцентристский проект

Отношение различных групп российских элит к русским и другим русскоязычным жителям бывшего СССР, которые внезапно оказались отрезанными от «исторической родины» новыми государственными границами после его распада в 1991 г., весьма подробно анализировалось в научной литературе, прежде всего западной³. Эти работы отличает внешнеполитический подход; главный упор делался на выявление возможных последствий различных шагов России на «диаспоральном поле» для международного (европейского) мира и безопасности (см. также параграф 2.1 настоящей главы).

Жгучая актуальность темы определялась политической нестабильностью в России в 1990-е гг. в сочетании с оживлением правой и патриотической оппозиции в середине десятилетия, а также, если посмотреть на другой полюс — трудностями адаптации русских и других русскоязычных к изменившимся условиям жизни в бывших республиках и массовыми их миграциями в Россию (их пик пришелся на начало — середину 1990-х гг.). С течением времени злободневность проблемы «русских» снизилась, и исследовательский интерес угас — симптоматично, что почти все имеющиеся работы (см. прим. 3) приходятся на период президентства Б. Ельцина и первые годы пребывания у власти его преемника.

Опираясь на свои исследования, в том числе и более поздние, здесь мне хотелось бы посмотреть на диаспоральную политику России как во многом непоследовательный и противоречивый проект, меняющийся по своей актуальности, организационным формам и целям.

Понятно, что истоки данного проекта и время его постоянного, массовидного присутствия как в политической повестке дня различных групп российских элит, так

и в общественных дискуссиях разного уровня — это первое постсоветское десятилетие. Именно тогда, в ходе наиболее острой фазы «национального возрождения» в новых независимых государствах и массовых миграций так называемых вынужденных переселенцев в Россию, и началось конструирование русских и русскоязычных в бывших республиках в качестве «русских диаспор».

Этот термин использовался в тот период особенно широко (впрочем, он присутствует и в современных дискуссиях в моменты оживления интереса к теме) — складывалось впечатление, что многочисленные участники российского публичного, научного и политического дискурса о положении русскоязычных были просто зачарованы красивым иностранным словом «диаспора»⁴. По сути, тут мы наблюдаем одно из важных проявлений «диаспоризации всей страны» (по выражению Валерия Тишкова) — ее форму, характерную для общественной мысли России именно 1990-х — первой половины 2000-х гг. (см. Введение к книге).

Пытаясь разобраться с причинами этой ситуации, британские исследовательницы Хилари Пилкингтон (*Hilary Pilkington*) и Мойя Флинн (*Moya Flynn*) отмечали: «Русскоязычные сообщества в бывших советских республиках были и остаются объектом “диаспоризации” со стороны властей постсоветской России. Последние постоянно стремятся к тому, чтобы подтвердить и закрепить за ней статус великой державы посредством мысленного, производимого на уровне дискурсов и деклараций, “отодвигания” современных... границ страны в те пределы, которые охватывают территорию расселения русского этноса. Конечно, подопечными официальной Москвы провозглашались не только этнические русские. Все этнические группы, имеющие культурную и историческую связь с Россией, подверглись этой своеобразной “диаспоризации”...»⁵

Вполне можно согласиться с констатацией связи наблюдаемого явления с потребностями **постимперского, политического самоутверждения** России на постсоветском пространстве, но хотелось бы сделать некоторые уточнения.

Кроме идеологического «заряда», проект «диаспоро-строительства» имел для многих и личностное значение, давая выход националистическим амбициям политиков и эмоциям тех людей, кто особенно остро переживал утрату принадлежности к «большому народу». По словам одного чиновника от миграции (интервью автору в 1995 г.), «чертовски приятно думать, что за границами России живет столько миллионов наших людей».

Далее, на мой взгляд, главных творцов виртуальных «диаспор» следует поменять местами. Запевалами, инициаторами той открытой дискуссии, результатом которой стала в 1990-е гг. пресловутая «диаспоризация», были не «власти» (т. е. наиболее сильная, исполнительная ветвь, ответственная за выработку и реализацию решений), а СМИ, публицисты и оппозиционные Кремлю политики, принадлежавшие нередко к партиям и движениям патриотической и националистической ориентации (ЛДПР, Конгресс русских общин и др.). Самоутверждение России в постсоветском пространстве, конечно, было одной из их целей, тем более что власти, не считая проблему помощи русским и русскоязычным одним из своих приоритетов, постоянно вынуждали оппонентов их подгонять и подталкивать. В то же время не менее важной задачей стала обычная для политиков борьба уже за собственное утверждение, за голоса избирателей, за финансовые ресурсы, за свой «вес» и статус во властных структурах.

Слово «диаспора», вызывающее у любого образованного человека определенные ассоциации, оказалось идеальным для реализации этих целей (в той мере, в какой они касались оставшихся за границами России русских и русскоязычных жителей бывшего СССР). В результате

манипулирования им постепенно сформировались мифологизированные образы русскоязычных сообществ. Внедрить же их в общественное сознание оказалось делом нетрудным в силу слабой проработки данной проблематики нашей академической наукой и, если смотреть шире, из-за уходящей корнями в советское время традиции видеть общество состоящим из «единых народов-этносов».

Дело в том, что в российской науке и публицистике поиск ответов на ключевые вопросы, возникшие в связи с «движением границ», осуществлялся в основном через своего рода «этнические очки». А вопросы, к примеру, таковы. Какие факторы определяли настроения и поведение русскоязычных жителей той или иной страны, являлись ли эти факторы специфичными или они оказывали влияние на все население? Имеет ли Россия особые права на русских и русскоязычных жителей бывших республик или же реализация ее стратегических интересов требует работы с более широкими слоями их населения?

Указанному подходу были свойственны этнизация социальных процессов, особое внимание к прямым и косвенным факторам дезинтеграции русскоязычных за пределами России (к так называемой общерусской идентичности, конфликтности в отношениях людей лишь на основе этничности, как будто это единственное основание для социальных трений), а также — *last but not least*, стремление всеми способами, осознанно и неосознанно, пристегнуть рассматриваемую группу к «этнической (исторической) родине»⁶.

Аналогичные особенности отличали и политический дискурс, связанный с академическим и публицистическим по принципу «сообщающихся сосудов». Именно отсюда — увлечение идеологически и этнически нагруженным термином «(русская) диаспора»; иными объединительными, консолидирующими понятиями, в частности, «(русские) общины» («институты русских общин»⁷), а иногда даже «соплеменники», а также выделение именно

«этнических русских» в качестве главной «целевой группы», будь то исследования, предложения по оказанию помощи или выявление наиболее предпочтительного для въезда в Россию «контингента».

С помощью слов «диаспора», «общины» и им подобных создавался желаемый образ действительности, выдаваемый за саму действительность. Русскоязычным ближнего зарубежья приписывалось несколько ключевых характеристик «настоящих» диаспор — таких, какими они виделись творцам описываемой «диаспоризации»: 1) этническая однородность; 2) обостренное переживание своей этничности, причем именно как общности с «материнским этносом», проживающим на территории России; 3) высокая степень сплоченности (имеющая к тому же хорошо развитую организационную основу — в виде «институтов русских общин»), а также управляемости, доверия к лидерам; 4) социальная гомогенность, собственно, и делающая возможным подобное единодушие (как в «общине»); 5) наконец, ориентация на этническую (историческую) родину в качестве базового элемента идентичности, стремление с ней воссоединиться⁸.

Кроме «русскости» и «общинности», третьим китом, на котором покоилась рассматриваемая «диаспоризация», стало приписывание русскоязычным особой связи с Россией, принадлежности к ней, откуда, естественно, вытекают особые права и особая ответственность последней. Потому — не только «русская», но и «российская диаспора», а также излюбленный в кругу журналистов, публицистов и чиновников термин «этнические россияне» (или даже такой странный неологизм, как «этнороссияне»)⁹.

Здесь заметно стремление расширить номенклатуру «наших людей» в ближнем зарубежье опять с помощью этнического критерия, включив в число потенциальных объектов опеки представителей этнических групп, «исторически проживающих» на территории Российской Феде-

рации в рамках национально-территориальных образований разного уровня.

*Соблазны этнической солидарности
против императивов Realpolitik*

Итак, на пропагандистско-идеологическом (т. е. декларативном) уровне представление о России как о «родине» миллионов «наших людей» в ближнем зарубежье формировалось у российских элит, особенно оппозирующих власти, как этноцентристское¹⁰. Иное на уровне политической и административной практики. Сказанное не относится ни к официальному дискурсу (заявлениям высших чиновников), ни, тем паче, к принятым в разные годы официальным документам, касающимся отношений России со «своими людьми» в постсоветских странах, ни к самой реализации этих законов, программ, указов и пр.

Так, например, между 1998 и 2001 гг. сторонники весьма радикальных идей о разделенности русского народа и необходимости его воссоединения несколько раз выступали с соответствующими законодательными инициативами. В Думе обсуждались законопроекты «О национально-культурном развитии русского народа», «О праве русского народа на самоопределение, суверенитет на всей территории России и воссоединение в едином государстве», «О русском народе». Однако, как отмечает Игорь Зевелёв (*Igor Zevelev*), «ни один из них не стал законом. Реалии государственного строительства ставили перед страной совершенно другие задачи, и прагматизм каждый раз одерживал верх над идеологическими конструкциями. После установления в 2003-м жесткого контроля президента РФ над парламентом произошла маргинализация вопроса о русском народе и его праве на воссоединение»¹¹.

Далее. Видимо, из-за привычного восприятия «диаспоры» как сугубо этнического проекта в официальных заявлениях и документах слова «диаспора», а тем более «общины» или «соплеменники», практически не употреб-

лялись. Взамен был взят на вооружение термин «соотечественники» — тоже объединительный, но распаивающий объятия России (правда, в основном только на словах) весьма разнородному по структуре конгломерату людей и лишенный какой-либо этнической основы. Так, например, принятая в 1994 г. программа «Основные направления государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом» была названа одним из исследователей «манифестом мультикультурализма»¹².

Позднее, в мае 1999 г., был принят федеральный закон с тем же названием. Хлесткое определение представленной в законе расширительной концепции «наших людей» дала, в частности, публикация в «Независимой газете» под названием «Негры — тоже соотечественники». Корреспондент, задавший чиновнику провокационный вопрос, вынесенный в заглавие статьи, получил ответ: «Почему бы и нет, если они любят Россию и Пушкина?»¹³

Действительно, посмотрим на формулировку понятия «соотечественник» в законе 1999 г. Вот как ее комментирует И. Зевелёв: «Таковыми считаются четыре категории лиц: граждане РФ, проживающие за рубежом; лица, имевшие гражданство СССР; эмигранты из Советского Союза и России; потомки соотечественников, “за исключением потомков лиц титульных наций иностранных государств”». Статья третья поясняет, что признание своей принадлежности к соотечественникам бывшими гражданами СССР является актом свободного выбора. Ясно, что в первую очередь под соотечественниками понимаются этнические русские. Однако говорить об этом российские власти избегают и включают в данную категорию всех представителей нетитульных групп ближнего зарубежья, а также титульные группы, пока они сохраняют элементы советской идентичности»¹⁴.

Аналогичным всеохватным образом были очерчены «целевые группы» содействия в тех случаях, когда требо-

вались практические — законодательные, административные и/или финансовые меры для решения тех или иных проблем, затрагивающих русских и русскоязычных в постсоветских странах.

Так, в первые годы после распада СССР, когда стали очевидными их все более массовые миграции в Россию под влиянием реальной или воспринимаемой в качестве таковой дискриминации со стороны титульных групп, в целях создания юридической и институциональной основы для их приема и адаптации была образована Федеральная миграционная служба (1992 г.) и принят «Закон РФ о вынужденных переселенцах» (1993 г.).

Никаких этнических критериев закон не содержал. Речь в нем шла о гражданах РФ, прибывших на ее территорию «вследствие совершенного... насилия или преследования в иных формах либо реальной опасности подвергнуться преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, а также принадлежности к определенной социальной группе...», а также о лицах, не являющихся гражданами РФ, но прибывших на ее территорию в силу вышеназванных обстоятельств¹⁵.

Аналогично идея о «соотечественниках» предопределила и неэтнический характер законов, регулирующих предоставление российского гражданства. И первый весьма либеральный закон 1993 г., и сменивший его существенно более строгий закон 2002 г. определяли соискателей как «лиц без гражданства», «иностранных граждан», а в соответствии с поправками 2003 г. — как «граждан государств, входивших в состав бывшего СССР»¹⁶.

Понятно, что подобный подход не имеет ничего общего с принципом «права крови» (*jus sanguinis*), принятым в качестве основы определения «правильных» претендентов на гражданство (и в этой роли — на множество иных благ) государствами «классической» репатриации (в частности, Германией и Израилем).

Известно, что получение российского гражданства является чрезвычайно сложной бюрократической процедурой. В одном из ежегодных посланий Федеральному Собранию (12 декабря 2012 г.) В. Путин предложил, в частности, ввести некоторые преференции, но опять же для кого? Он отметил, что Россия «нуждается в умных, образованных, трудолюбивых людях, которые не просто хотят здесь подработать и уехать, а хотят переехать, обосноваться в России и считают Россию своей родиной. Однако действующие правила не способствуют этому процессу. Скорее, наоборот. Процесс получения гражданства для наших соотечественников, для тех, кто духовно и культурно близок к России, затруднен и до безобразия бюрократизирован». В итоге президент поручил «разработать ускоренный порядок предоставления российского гражданства нашим соотечественникам, **носителям русского языка и русской культуры** [выделено мной — Н. К.], прямыми потомками тех, кто родился в **Российской империи и в Советском Союзе** [выделено мной — Н. К.]»¹⁷.

Наконец, упомяну еще одну инициативу властей, знаменующую собой переход от тезиса, выражающего пассивность и фактическое примирение с ощутимым сокращением миграции из бывших республик к середине — концу 1990-х гг.: «Все, кто хотел, за 10 лет уже переехали в Россию», к энергичной — по крайней мере, на уровне намерений, политике привлечения жителей ближнего зарубежья на постоянное место жительства.

Имеется в виду запущенная президентским указом от 26 июня 2006 г. «Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». Имплицитно, на уровне «тайных желаний», этнокультурные предпочтения властей были вполне ожидаемы — это русские или, по крайней мере, «славяне»¹⁸. Однако с формальной точки зрения программа была рас-

считана на те же четыре категории «соотечественников», очерченные законом 1999 г., а также на членов их семей¹⁹.

Как объяснить доминирование описанного этнического подхода как государственной политики? Вряд ли дело в том, что творцы законов и официальных документов не хотят иметь как можно больше «наших людей» в постсоветских странах, а среди хозяев высоких кабинетов нет тех, кто понимает нацию в узкоэтническом смысле или шире, но все равно этноселективно (что маскируется, например, эвфемизмом «этнороссияне»).

На уровне кулуарных «оговорок» или локальных инициатив сотрудников посольств и иных дипломатических миссий, в самой России — чиновников той же ФМС, как и в целом на уровне публичных дискуссий два принципиально различных подхода и понятия — «соотечественники» и «русская диаспора» нередко смешивались. Первое сужалось, скажем, до представителей народов, «исторически проживающих» на территории России, и все эти представители независимо от того, что думают и чувствуют реальные люди, видятся «диаспорой», т. е. «нашими людьми», а следовательно, зоной особой ответственности России.

Однако, повторяюсь, коль скоро дело касалось практических, законодательно оформленных шагов, на авансцену выходили императивы *Realpolitik*, тот самый прагматизм «родин», который часто отличает политику последних по отношению к «родственному» населению (см., напр., параграф 2.2 настоящей главы). Российские власти, на мой взгляд, вполне осознавали трудности претворения в жизнь идеи «собираания нации», т. е. отделения «русских» от «нерусских», по сути, «чистых от нечистых» в сложившейся исторической и социокультурной ситуации.

Так, хотелось бы напомнить, что поток людей, которые в течение нескольких столетий добровольно или вынужденно занимались освоением ближних и дальних углов сначала российской, а потом советской «империи», был с

этнической точки зрения очень неоднородным и разнообразным, а русские были всего лишь его частью (хотя и немалой)²⁰. «Паспортная национальность» в таких условиях не могла служить оптимальным инструментом выявления «настоящих» русских: в советское время «записаться русским» было социально престижным, и многие потомки весьма распространенных смешанных браков²¹ предпочитали оставаться «русскими» в советских паспортах.

Далее, трудно было полагаться и на индивидуальное восприятие. Подвижность и ситуативность границ русскости, особенно в условиях поликультурного окружения, типичного для существования русских на «имперской» периферии, проявлялась в колебаниях людей, доподлинно знающих, что стояло в графе «национальность» в паспортах их родителей и/или дедушек и бабушек. Вот как эта ситуация описывалась на уровне бытовых ощущений информантов:

«Дело в том, что, понимаешь, как... ну, как объяснить? Ну, чисто русских — мы все записаны русскими — чистых русских, как бы... не было, по сути своей кто-то мама, кто-то папа. А кем были? Комбинацией наций. Ну, в общем они считались русскими, русскоязычными, так скажем...»²²

Наконец, культурно-языковую компетенцию также до сих пор трудно считать надежным критерием русскости, ведь в «имперской» системе социальных отношений русский язык и культура не были специфической ценностью исключительно русских (к этому важному вопросу мы вернемся в параграфе 3.1 главы об идентичности).

Способы преодоления этих трудностей, предлагаемые сторонниками «чистоты нации» и вызывающие нехорошие ассоциации с Германией 1930-х гг., конечно, не могли быть взяты на вооружение в определении объекта диаспоральной политики²³.

Кроме перечисленных соображений в духе *Realpolitik*, существует и более фундаментальная причина выбора российскими властями «резиновой» концепции соотече-

ственников. Этот выбор отражает нерешенность ключевой внутренней проблемы России, связанной с представлениями о характере российской нации. Колебания элит в выборе между нацией гражданской (россияне и другие варианты) или узко этнической (русские) сопровождали общественную жизнь России на протяжении всего постсоветского времени.

*«Резиновые» «соотечественники»
как решение внутренних проблем России*

По мнению Оксаны Шевель (*Oxana Shevel*), расплывчатая официальная концепция «соотечественников» выполняет и более значимую функцию. Это не просто пассивное «отражение» трудностей самоопределения современной России; это сознательный выбор элит, закрепляющий пока непреодолимую неопределенность, легитимизирующий это положение вещей, но в некоем нейтральном, внешнем для России пространстве (внешнем в буквальном и фигуральном смыслах).

Подвергнув в своей статье детальному анализу циркулирующие в дискурсивном поле пять основных моделей нациестроительства²⁴ (являющихся подвариантами вышеназванных двух), исследовательница делает вывод: «Закон о соотечественниках дает властям эффективное решение этой дилеммы путем выхода за ее пределы...» И далее: «Все основные альтернативные модели национального строительства заключают в себе существенные дилеммы и противоречия, что делает очень проблематичным принятие какой-либо одной из них в качестве магистральной. В этой ситуации единственным политически приемлемым и в то же время очень прагматичным решением является институционализация и легализация расплывчатого определения о “своих людях для России” [*Russia's “us”*], содержащегося в законе о соотечественниках... это дает возможность апеллировать к бесконечной комбинации этнических, лингвистических, конфессио-

нальных, культурных и профессиональных критериев,... предоставляя российским политикам большое пространство для маневра, возможность выбора любых категорий бывших советских граждан как «соотечественников» при реализации широкого набора мер — от этнических до гражданских и неоимперских...»²⁵

В контексте сказанного стоит напомнить, например, что поправки к закону 1999 г., внесенные в июле 2010 г., сделали понятие «соотечественника» еще более расплывчатым. Кроме «граждан России» и «эмигрантов», в качестве таковых «признаются лица и их потомки, проживающие за пределами территории Российской Федерации и относящиеся, как правило, к народам, исторически проживающим на территории Российской Федерации, а также сделавшие свой выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией лица, ... в том числе лица, состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в состав СССР, получившие гражданство этих государств...»²⁶

В обновленном законе сохранилась формулировка о «свободном выборе в пользу духовной и культурной связи» с Россией, однако новая версия уже не содержала «исключающую» формулировку о «потомках лиц титульных наций иностранных государств»²⁷.

Эксперты отмечали, что в законе никак не оговаривалось, что считать «общностью языка и культуры», и не приводилось никакого списка «народов, исторически проживающих...» Кроме того, словосочетание «как правило» представляло из себя возможную «лазейку» для каких-то иных «народов». В силу этого положения закона могли быть интерпретированы весьма многозначно²⁸.

Третье постсоветское десятилетие было отмечено кризисом вокруг Украины, присоединением Крыма и нарастанием противостояния России с Западом. В контексте нашей темы особого внимания тут заслуживает выступление Владимира Путина перед Федеральным

Собранием и главами регионов (в марте 2014 г.), в котором он неоднократно использовал слово «русский» вместо «российский» («русский город», «русская земля» и т. д.), а также обсуждение различных версий закона о российской нации в 2017 г.

Вокруг названия и содержания закона развернулись дискуссии; сторонники этнонационализма настаивали на формулировке «русская нация», а приверженцы представления о нации как сообществе граждан продвигали идею «единой российской нации». Российская академия наук в подготовительных документах «акцентировала гражданскую составляющую “российской нации”, определяя ее как “многоэтнический и многоконфессиональный общественно-политический субъект”²⁹. В качестве компромисса было решено готовить законопроект под названием «Об основах российской национальной политики». Валерий Тишков, который участвовал в работе над проектом, так прокомментировал этот шаг: «Оказалось, что общество не очень подготовлено к восприятию такого понятия, как единая нация, объединяющая все национальности»³⁰.

Данные идеологические тренды выглядят как отказ от «сидения на двух стульях» и движение к этноцентризму. Однако при ближайшем рассмотрении эта трактовка оказывается неправильной. Приведем, например, позицию Марлен Ларюэль (*Marlene Laruelle*): «Многие наблюдатели за российской политической жизнью отметили, что в лексиконе Владимира Путина обозначился сдвиг к “этнонационализму” — это, по их мнению, стало заметным после разворачивания конфликта вокруг Украины... Ряд ученых начали утверждать, что... растущая этнизация угрожает исторически сложившемуся многонациональному характеру российского общества. Данный подход, однако, слишком узок. Использование термина “русский” не означает растущей этнизации российской национальной идентичности»³¹. М. Ларюэль обосновывает свое мнение с

помощью анализа русской философской мысли (мессианиззм) и исторических корней российской государственности.

Исследователь из Норвегии Хельге Блаккисруд (*Helge Blakkisrud*) приходит к аналогичному выводу, подчеркивая, что наблюдаемые новации сохраняют расплывчатость представлений о российской национальной идентичности. При этом речь идет о сознательном выборе российских властей в пользу неопределенности (о чем ранее писала О. Шевель), и потому здесь присутствует преемственность по отношению к ранее избранному курсу: «Расширяя пространство для маневра, Кремль намеренно размывает границы русского этнического самосознания, оставляя возможность для различных интерпретаций идентичности... Кремль избегает дальнейшего уточнения этой идентичности: она этнокультурно русская по своей сути, но одновременно и многонациональная, и мультиконфессиональная»³².

Итак, с точки зрения фундаментального вопроса о поиске Россией своей национальной идентичности ее официальная диаспоральная политика на декларативном уровне (взятая в динамике) подтверждает удобство сидения на двух или даже трех и пр. стульях — по числу моделей возможного нациестроительства. Зафиксированные в документах и используемые официальными лицами термины продолжают давать российским политикам возможность, по словам О. Шевель, выбора любых категорий бывших советских граждан в качестве «своих». Но в этих условиях остается главная проблема — что и как делать на практике, и нужно ли вообще что-либо делать? В литературе отмечается, что звучавшие десять-двадцать лет назад мнения об отсутствии в России понимания того, зачем стране нужна диаспора, остаются справедливыми и по сей день³³.

Не будет ли третий «стул» более удобным?

Обращаясь к сфере практической политики, хотелось бы еще раз вернуться к дискуссиям вокруг закона 2010 г. с точки зрения динамики и возможных перспектив отношений России с «соотечественниками». Эти дискуссии были весьма бурными. Если по поводу принципов определения последних сталкивались мнения резко противоположные («гражданское» против «этнического»), то предложенные МИДом организационные новации были дружно встречены в штывы как юридически сомнительные.

Дело в том, что в первоначальной релакции всем считающим себя «соотечественниками» предлагалось подкрепить свои чувства к России «соответствующей общественной и профессиональной деятельностью», с обязательной регистрацией в «русских организациях», отобранных дипломатическими представительствами России и получающих от них финансирование.

МИД обвинялся (и не без оснований) в том, что подобными действиями будет создана прослойка так называемых профессиональных русских, а это усилит и без того высокую разобщенность в рядах «соотечественников». Указывалось, что нельзя связывать проблему прав человека и его/ее идентификационного выбора с распределением денег, и т. д. Впрочем, в окончательную версию закона эти формулировки не вошли (а регистрация в общественных объединениях с выдачей документов «установленного образца» из обязательной превратилась в добровольную).

Однако я бы предложила иной взгляд на отвергнутые предложения МИДа. Возможно, в них, пусть в весьма неуклюжей форме, проявил себя поиск российскими элитами более эффективных и отвечающих реалиям начала XXI в. форм взаимодействия России с «родственным населением» за рубежом.

Так, определение конкретного круга сотрудничающих с российскими ведомствами организаций могло быть по-

пыткой сделать объект более обозримым, более управляемым; попыткой четко определить круг реципиентов помощи и оптимизировать ее предоставление, а также запустить и обратный процесс: решение с помощью «соотечественников» каких-либо важных для России задач. Не будем забывать, что формулировки закона в равной мере относятся к «нашим людям» и в ближнем, и в дальнем зарубежье. К тому же начало президентства В. Путина и особенно вторая половина 2000-х гг. — это как раз тот период, когда у России повысился интерес к эмигрантам из России и других стран бывшего СССР, проживающим на Западе. Их начали рассматривать в качестве возможных агентов российского (культурного) влияния в развитых странах, улучшения имиджа страны в рамках концепции так называемой мягкой силы (*soft power*). С целью решения данных задач и был создан фонд «Русский мир» (2007 г.), а немного позднее — Россотрудничество³⁴.

Стремление создать институциональную основу такой политики в виде преданных, энергичных активистов, работающих в контролируемых и спонсируемых «родиной» организациях, вполне понятно — аналогичный процесс мы наблюдаем, например, в Китае, в Азербайджане. Однако эти «родины», в отличие от России, работают только с диаспорами, возникшими миграционным путем, и, что важнее, располагают значительными средствами и готовностью их тратить (Китай), а также четко поставленными целями и отмобилизованным на их реализацию (пусть в случае Азербайджана это во многом имиджевые, пиарные цели) мощным бюрократическим аппаратом.

Все это относится к России в минимальной степени, к тому же ее «соотечественники» в «дальнем» и «ближнем зарубежье» проживают в кардинально различных условиях, а историко-политический контекст формирования данных сообществ также несопоставим. На мой взгляд, нужен дифференцированный подход к выработке целей, задач и организационных форм диаспоральной полити-

ки не только в разных регионах мира («дальнее зарубежье» и постсоветское пространство), но и в разных частях последнего, отмеченных значительной спецификой. Как отмечает М. Ларюэль, в странах Центральной Азии элиты в целом лояльны и к России, и к проживающим на их территории русским и другим «европейцам» (подр. см. параграф 3.1 след. главы), тогда как в странах Балтии, Молдавии, Грузии русскоязычные меньшинства существуют в недружелюбной среде, а их элиты «сопротивляются реализации российских интеграционных проектов, нацеленных на эти меньшинства»³⁵.

Тут мы сталкиваемся с важнейшими вопросами о состоянии идентичности жителей различных постсоветских стран на данном этапе их развития, когда с момента распада СССР прошло уже три десятилетия. Что служит размежеванию, а что — консолидации местных социумов (в динамике)? Какие факторы определяют настроения и поведение русскоязычных, населяющих разные регионы постсоветского мира, являются ли эти факторы специфичными или они воздействуют на все население той или иной страны, порождая, таким образом, **близость тех целей и потребностей, в реализации которых могла бы помочь Россия?**

И следующий ключевой вопрос, имеющий непосредственное отношение к обсуждаемой здесь теме: нужно ли России концентрироваться только на «детях империи» (русских и «представителях народов, исторически проживающих на территории РФ»), или же реализация ее стратегических интересов требует работы с самыми широкими слоями населения бывших республик?

Если обратиться к Центральной Азии, то опыт моего многолетнего изучения этих обществ говорит в пользу положительного ответа на вторую часть вопроса. Возможно, выбор для данного региона именно стратегии «мягкой силы» может рассматриваться как более широкий аналог диаспоральной политики с четким целеполаганием, раз

уж представления об объектах этой политики продолжают быть размытыми и оставляют пространство для маневра.

Здесь проживает еще достаточно много русских и других «детей империи», здесь еще не утрачены, как, например, на Украине, возможности продвижения русской культуры в широком смысле (в виде одной из мировых культур и как наднациональной урбанистической культуры, определяющей образ жизни миллионов людей разных национальностей). Иными словами, здесь продолжает существовать (в более или менее значимых масштабах) такой феномен, как русскоязычное культурно-лингвистическое пространство, в которое в разной мере вовлечены и которое поддерживают своими повседневными практиками, наряду с «детьми империи» и представители разных поколений «титulyных наций».

Энергичная культурная, образовательная и гуманитарная экспансия России «поверх этнокультурных различий», нацеленная на поддержку и расширение этого пространства, на более эффективное формирование поведенческих норм и установок десятков тысяч трудовых мигрантов из региона, живущих в России или планирующих сюда приехать; *«работа для того, чтобы помочь всем людям здесь»*³⁶ — может оказаться для России тем «стулом», на котором сидеть наиболее удобно.

Венгрия. Между национал-культурным романтизмом и политико-экономическим прагматизмом

Авторы статьи, в которой анализируются используемые в разных странах мира модели привлечения на «родину» представителей «родственных» меньшинств, противопоставляют в этом аспекте активно развивающиеся страны Азии (Китай, Южная Корея) странам Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ).

Первые действуют, исходя из соображений экономической рациональности: будучи странами с обширными рынками дешевой рабочей силы, они стремятся привлечь в страну в первую очередь капиталы и профессиональные знания «успешных» соотечественников. Посткоммунистические страны Европы, обладающие значительными диаспорами, — Венгрия, Польша, Румыния, Словакия, хотя и являются более экономически развитыми по сравнению с теми, где проживают их диаспоры (например, пары Румыния–Молдавия, Венгрия–Украина и др.), в сравнении с Западной Европой — это тот же обширный рынок труда с низкой себестоимостью, куда транснациональные корпорации переносят свои производства. Однако в своей диаспоральной политике — по крайней мере, как она выглядит в первом приближении, они следуют логике скорее морально-эмоционального, нежели рационального свойства. «Этнические узы важны и должны оцениваться независимо от других факторов... подоплекой политических решений служат соображения морали, обязательств, защиты, “исцеления”»; этому курсу следуют независимо от его издержек»³⁷.

Для понимания этих контрастов, безусловно, нужно учитывать исторические и социально-политические условия развития стран Центральной и Восточной Европы. В отличие, например, от России, в «одночасье» оказавшейся обладательницей огромной «русской диаспоры» после распада СССР, в регионе ЦВЕ «разделенность» была обычным состоянием. Границы государств часто передвигались в ходе социально-политических катаклизмов (главные из них — Первая и Вторая мировые войны). В результате за пределами «родин» оказывались значительные группы «своих людей», связи с которыми не поощрялись в период господства идеологии интернационализма. После краха социализма эти страны начали утверждать себя в роли этнокультурных наций с границами более широкими, чем собственно государственные. Неудивительно, что по-

ложения об обязательствах по отношению к «родственному» населению включены в конституции ряда стран ЦВЕ (Польша, Румыния, Венгрия)³⁸.

Венгрия в контексте интересующего нас сюжета занимает в регионе особое положение. Проживающие компактно в соседних с ней странах венгры — самое крупное в Европе национальное меньшинство³⁹ (более двух миллионов человек; в самой же Венгрии, стране почти мононациональной, по последним данным, проживает немногим менее 10 млн). По странам «зарубежные венгры» распределены следующим образом: около 250 тыс. человек в Сербии (в основном край Воеводина); 460 тыс. в Словакии; примерно 150 тыс. — на Украине (Закарпатье) и, наконец, наиболее крупная группа — в ныне принадлежащей Румынии исторической области Трансильвания, особенно северной ее части (около 1,2 млн человек)⁴⁰.

Трансильвания играет особую роль в венгерском историческом сознании. Если не заходить очень далеко в прошлое, эта территория давнего проживания венгров была включена в виде Венгерского королевства в состав Австро-Венгерской империи (в 1867 г.), а после поражения последней в Первой мировой войне по Трианонскому договору 1920 г. отошла к Румынии. В принципе итог войны оказался трагическим для Венгрии, потерявшей в общей сложности две трети своей территории, огромную часть промышленности; около 3 млн венгров оказались за ее границами. Неудивительно, что в межвоенный период «ревизионистская пропаганда и националистическая риторика пронизывали в Венгрии всю общественно-политическую жизнь и культуру, создавая “культ” ирредентизма»⁴¹.

Шанс представился во время Второй мировой войны, в которой страна участвовала на стороне Германии. При поддержке последней и Италии Трианонский договор был пересмотрен, Венгрии вернули север Трансильвании, юг Словакии, Закарпатье и Воеводину. Однако эти террито-

рии были частью Венгрии только с 1940 по 1944 г. Потом по известным причинам все регулирующие эти приобретения договоренности были денонсированы, Трансильвания под надзором советской военной администрации опять перешла к Румынии. Венгры на потерянных землях были подвергнуты массовым репрессиям — в отместку за сотрудничество с Гитлером. В настоящее время Венгрия фактически существует в границах Трианона.

Проблема «венгров за пределами границ» (*НТМН* — так выглядит широко используемая в стране аббревиатура этого словосочетания на венгерском языке) постоянно оставалась в центре внимания в период социализма. Правда, тогда, будучи заменена «наверху» официальной доктриной «социалистического братства», она переместилась на микроуровень, что позволяло поддерживать родственные и дружеские связи «поверх границ» и отслеживать факты дискриминации⁴².

Во второй половине 1980-х гг. именно под знаменем поддержки «этнических братьев» начался и продолжился «демократический переход», сначала силами интеллектуалов-диссидентов, а позднее — различных партий, оформившихся и набиравших силу после ликвидации однопартийности в стране. В этой ситуации трудно было бы ожидать, что главным объектом диаспоральной политики будут выбраны весьма многочисленные венгры-эмигранты (только в США около 1,5 млн человек, а всего, по оценкам венгерских властей, их примерно 2–2,5 млн⁴³). Эти представители зарубежных венгров, хоть и были способны стать для страны источником и знаний, и капиталов, но виделись там уже потерявшими в той или иной степени «этническую чистоту».

По сути, проблема *НТМН* стала одной из главных (а периодами — самой главной) проблемой внутриполитической жизни страны в постсоциалистический период. А жизнь эта в условиях отнюдь не декоративной многопартийности оказалась более чем бурной. Собственно,

одно из принципиальных отличий Венгрии от рассмотренных выше стран и, пожалуй, от всех постсоветских стран — с точки зрения интересующей нас диаспоральной политики — и состоит в активном использовании фактора «диаспоры» противоборствующими группами элит в их борьбе за власть на «родине».

Безусловно, озабоченность судьбами венгров в соседних странах, чувство общности с ними являются, по описанным выше причинам, реальными компонентами массового сознания венгров, будь то политики, интеллектуалы или обычные люди. Также реальна и надстроенная над этими чувствами националистическая риторика, «тяжелый символизм»⁴⁴ и рассуждения о «великой венгерской нации». Однако пример Венгрии показывает, что даже в такой эмоционально и символически нагруженной ситуации (правящие) элиты «родины» принимают решения исходя из своих собственных, сугубо прагматических интересов, связанных с партийным строительством и борьбой за парламентские кресла.

Именно такого рода «расклады» были движущей силой принятия в 2001 г. так называемого Закона о статусе (*Status Law*), или, по-другому, Закона о привилегиях (*Benefit Law*), ставшего очень важным законодательным и материальным воплощением диаспоральной политики Венгрии. Заметим в скобках, продуктом весьма противоречивым и неоднозначным по возможным последствиям (но об этом ниже).

Как показала в своей статье Мира Ватербэри (*Myra Waterbury*), «все более интервенционистская политика по отношению к венграм за пределами границ в конце 1990-х гг. была порождена не растущим этническим национализмом в обществе или необходимостью реагировать на трудное положение этнических собратьев, а потребностями партийного строительства элит правого фланга. Эти элиты использовали транснациональные свя-

зи с диаспорой для реализации своих политических целей»⁴⁵.

Под этими «элитами» имеется в виду прежде всего «Фидес» (Альянс молодых демократов, или Венгерская гражданская партия), которая, придя к власти в 1998 г., вывела проблему зарубежных венгров в разряд приоритетов внешней и внутренней политики и инициировала тремя годами позже принятие Закона о статусе. Партия, возникшая в конце 1980-х гг. на волне антикоммунизма как движение протестующей, напористой молодежи, продвигающей либеральные ценности, впоследствии оказалась в сложном положении, потому что после завершения переходного периода этих особенностей было уже недостаточно для успеха на политической сцене, где действовали различные партии с устоявшимися традициями. Отметим, что «Фидес» — это как раз та партия, деятельность которой неразрывно связана с именем занимающего последние 12 лет пост премьер-министра Виктора Орбана (политика, известного не только в Венгрии, но и в масштабе всей Европы).

«Прорыв» партии в число наиболее успешных (и одновременно резкое ее поправение) в конце 1990-х гг. произошли благодаря умелому использованию проблемы зарубежных венгров. Тут надо иметь в виду, что, судя по историческому опыту разных стран, правые правительства обычно наиболее заинтересованы в разыгрывании диаспоральной карты, опираясь на националистически настроенный электорат⁴⁶. А наличие такого электората в Венгрии — характерная черта местного политического пейзажа⁴⁷.

Для успеха партии были важны два момента. Во-первых, идеологическая «подача» проблемы *НТМН* общественному мнению в стране была радикально пересмотрена. Предлагалось посмотреть на диаспору не как на «проблему» и «бремя», а как на «решение проблем», некий позитивный фактор в жизни венгерской нации, способ-

ный придать ей второе дыхание: «Партия представила ситуацию вокруг зарубежных венгров в рамках понятий независимости, силы и моральной правоты, что импонировало молодым поколениям, уставшим от налета жертвенности, пронизывающего все дискуссии о венгерской национальной идентичности»⁴⁸.

Во-вторых, проблема нехватки активистов и низкого членства, естественная для партии с недолгой историей, была решена «Фидес» с помощью диаспорных организаций и сочувствующих им в самой Венгрии. Отношения с ними строились по модели «патрон–клиент», причем партия поддерживала наиболее националистически настроенные, радикальные сегменты «родственного» населения⁴⁹. Эта система транснациональных связей с «негражданами без права голоса» (*nonvoting non-citizens*) на том этапе формально не могла принести существенного электорального выигрыша, однако реально этот выигрыш был получен. Венгерские СМИ активно пропагандировали достигнутый «новый уровень отношений» с «венграми за пределами границ» и их организациями, что оказало свое воздействие на настроения избирателей в самой Венгрии⁵⁰.

Обратимся к Закону о статусе, принятому по инициативе «Фидес» в первый период пребывания партии у власти (1998–2002 гг.). Начнем с общеевропейского контекста. Тут будет уместным вспомнить, что внутриполитическая борьба по поводу границ «венгерской этнокультурной нации» разворачивалась на фоне подготовки к вступлению страны в ЕС (2004 г.) и, позднее, в шенгенскую зону (2007 г.).

Собственно, страх перед тем, что в результате возникнет новый «железный занавес», отделяющий Венгрию от венгров, проживающих в соседних странах, был одним из факторов, подготовивших общественное мнение и политиков к принятию Закона о статусе. Впрочем, одновременное вступление в ЕС Словакии и позднее, в 2007 г. — Румынии (а в этих двух странах ЦВЕ, напомним,

проживают наиболее крупные группы венгров) успокоило эти страхи. Но возникла другая проблема — обострившиеся отношения с соседями по поводу того, что они посчитали вмешательством в свои внутренние дела, а также недовольство европейских структур, ответственных за региональное сотрудничество и недопущение как этнической дискриминации в рамках содружества, так и ее «двойника» — этнического фаворитизма⁵¹.

Дело в том, что Закон о статусе, будучи односторонним, т. е. не согласованным с соседями, содержал положения, напрямую затрагивающие (и морально, и материально) граждан иностранных государств, причем по сугубо этническому принципу. Так, закон предусматривал выдачу венграм в сопредельных государствах так называемых карт этнической идентичности (*ethnic identity cards*), своего рода «этнических» паспортов, что стало паллиативной, по сравнению с гражданством, формой их принадлежности к «этнокультурной нации»: «чтобы они были более чем туристами, но менее, чем гражданами»⁵². Как отмечает Ирина Молодикова, это положение закона наделало много шума в ЕС и фактически декларировало приоритет национального интереса Венгрии (зафиксированного в ее конституции) над законодательством Евросоюза. «Даровав этническим венграм право на основании специальных «этнических» паспортов пересекать границу ЕС в Венгрии в облегченном порядке, временно проживать, учиться и работать в стране, она пошатнула устои единой политики ЕС»⁵³.

Законом о статусе предусматривались и иные меры, основанные на принципе этнической селективности: выдача субсидий венгерским семьям с двумя и более детьми, посещающими школы с обучением на венгерском языке⁵⁴; выдача венграм разрешений на работу в Венгрии (*work permit*) в течение трех месяцев в году.

Под давлением ЕС и соседних государств некоторые из этих положений вскоре были пересмотрены. Так, лидер

«Фидес» В. Орбан был вынужден подписать соглашение с Румынией, которое распространяло право временной работы в Венгрии на всех граждан Румынии, независимо от национальности⁵⁵. Позднее, в 2003 г., уже при социал-демократах у власти, в Закон о статусе были внесены некоторые изменения дезтенизирующей направленности. Положение о разрешениях на работу именно для венгров было отменено; все граждане соседних стран, изучающие венгерский язык, получили право на льготы (*educational language benefits*), но не как индивиды, а в рамках посещения ими различных образовательных учреждений, ставших теперь объектами помощи⁵⁶.

Тут будет уместным вспомнить важные положения о том, что изменение характера международных отношений в Европе после Второй мировой войны проявляется во все большей легитимизации озабоченности «родины» правами «своих» меньшинств в сопредельных государствах (см. анализ этих проблем Р. Брубейкером, гл. 2.1).

В этом же ряду — рассуждения М. Ватербэри о причинах сдержанности «родин» ЦВЕ в их попытках участвовать в жизни этнически родственного населения за пределами своих границ, о причинах того, почему ожидавшийся ирредентизм не стал в регионе их главным оружием: «С момента падения коммунизма мы наблюдаем новую парадигму в диаспоральной политике государств Восточной Европы — она во все большей степени формулируется языком прав, в том числе гражданских; реализуется путем институционализации трансграничных экономических, политических и культурных контактов, уже не являясь активной деятельностью по изменению существующих границ или возвращению “своего” населения»⁵⁷.

Однако конкретный пример Венгрии показывает серьезные трудности движения по этому пути «трансграничных контактов» в условиях, когда сталкиваются принципы ЕС, основанные на свободе движения людей и капиталов в нестесненной этничностью форме, и прин-

ципы отдельного государства, стремящегося распространить, и не только на словах, сутобо этническое представление о нации за пределы своих границ⁵⁸.

Событием, ознаменовавшим новый этап в диаспоральной политике Венгрии на все тех же этноцентристских основаниях, стало внесение поправок в Закон о гражданстве (после внушительной победы «Фидес» на парламентских выборах 2010 г.). Согласно новой редакции Закона, людям, постоянно проживающим за пределами Венгрии, предоставляется ее гражданство при условии соблюдения двух критериев: 1) наличие доказательств того, что один из предков соискателя был гражданином Венгрии; 2) свободное владение венгерским языком.

Принятие поправок стало свидетельством новых побед партий правопопулистского спектра, в первую очередь «Фидес» во главе с В. Орбаном. Во внутриполитической риторике оно подавалось как новый шаг к все большему единению венгров с оставшейся за пределами границ частью нации; как долгожданное искупление, компенсация за болезненный провал референдума 2004 г. о двойном гражданстве, который стал символом «предательства нации» левыми партиями.

Вскоре, после распространения гражданского статуса на зарубежных венгров, поправки были внесены и в выборное законодательство. Главное для «Фидес», до сих пор находящейся у власти (по состоянию на конец 2021 г.), — это прямые электоральные выгоды от наличия в соседних странах массы имеющих право голоса венгров (они получили право голосовать по почте) и опосредованное воздействие этого фактора на позиции электората в Венгрии⁵⁹.

Несмотря на некоторые попятные движения (см. выше), новые законодательные шаги означали, что этнизация миграционных приоритетов Венгрии в целом нарастала⁶⁰. По сути, в дополнение к «этническому паспорту» были созданы новые возможности въезда на ее территорию по

формально-этническому признаку. При этом надо учитывать, что в условиях шенгенской зоны, с ее свободой передвижения, таким образом создавался канал почти неконтролируемой иммиграции из стран, не являющихся членами ЕС.

В свою очередь, «венгерскость» превратилась в «ходкий товар» (*hot commodity*)⁶¹ — средством получения праведными и неправедными способами заветного пропуска в мир богатых стран Евросоюза. В итоге, как заключает И. Молодикова, «национальная политика Венгрии подрывает политику ЕС и геостратегию в отношении контроля внешних границ. Зная уровень коррупции в Украине и Румынии и либеральность режима передвижения между Украиной и другими странами СНГ, можно ожидать, что вскоре число потенциальных претендентов на натурализацию в Венгрии будет в несколько раз выше, чем предполагаемые цифры этнических венгров»⁶². Эта ситуация, на мой взгляд, может служить пищей для размышления политикам тех стран (в том числе и России), где вынашиваются или хотя бы в теории обсуждаются планы предоставления членам «родственных» групп каких-либо преференций на этнической основе.

Напрашивается и поучительная аналогия со странами, чья диаспоральная политика имеет заметный декларативно-пропагандистский компонент (опять же включая и Россию), но «спотыкается на границах», т. е. налицо явное нежелание и/или неспособность «родины» осуществить массовое переселение «родственной группы» на свою территорию с полноценным предоставлением гражданства и иных благ, которыми пользуются граждане (жилье, работа, социальная защита и пр.). По сути, в мире очень мало «родин», способных выдержать социально-экономическое бремя подобной политики («классическими» примерами являются, как известно, Германия и Израиль).

Подход Венгрии также вынужденно сводится к «любви на расстоянии». На фоне высокого накала этноцен-

тристского дискурса о выходящей далеко за «пределы границ» венгерской этнокультурной нации, адресатами осязаемых плодов ее политики являются в первую очередь венгры, остающиеся на местах своего проживания в соседних странах. В этом и состоит противоречие между этнокультурным романтизмом венгерских элит и их социально-экономическим прагматизмом. «С 1990 г. политика Венгрии как родины была направлена на улучшение культурных, экономических и политических условий для венгров в странах их проживания [*countries of origin*] — чтобы они продолжали благоденствовать там как венгры... Политика Венгрии в этом смысле символически “включающая” [в состав нации. — *Н. К.*], а практически — “исключающая” [*exclusive*]»⁶³.

Страх перед последствиями массовой иммиграции в страну, проходящую через сложный период социально-экономической трансформации, воздействовал на решения не только представителей разных групп элит, но и рядовых ее граждан⁶⁴. Показательно, что референдум о предоставлении зарубежным венграм двойного гражданства (декабрь 2004 г.) хотя формально провалился из-за низкой явки, а по сути — из-за усталости населения в связи с проблемами диаспоры, от страха перед обвальной миграцией и стремлением сохранить социально-экономическую стабильность⁶⁵.

Экономическая рациональность творцов диаспоральной политики (с этого сюжета мы начали рассказ о Венгрии) присутствует здесь в своеобразной, «оборонительной» форме: сдерживание трудовой миграции, а не поощрение ее⁶⁶.

Пример Венгрии также добавляет интересные краски к затронутой ранее в этой главе (параграф 2.2.) проблеме прагматизма «родины» в отношениях с родственным населением. Здесь мы имеем дело с прагматизмом особого рода, лишенным чисто экономического интереса. Многочисленные недавние трудовые мигранты в странах

Западной Европы (а это потенциальный источник денежных переводов) мало интересуют творцов диаспоральной политики.

Что касается так называемой старой диаспоры в Новом Свете, гораздо более устойчивой экономически, она попадает в поле их зрения лишь после 2010 г., причем в основном ради еще большего символического расширения границ нации и в качестве объекта культурного сближения. С точки зрения численности эта старая диаспора не меньше, чем сообщества венгров в соседних странах, а состоит она в основном из потомков людей, покинувших Венгрию после 1945 г. и 1956 г., на волне антикоммунистических настроений, а потому представителей этой группы зарубежных венгров всегда отличали симпатии к правым политическим партиям.

И все же, несмотря на такие особенности, эти венгры очень слабо включены в политическую жизнь «родины». Вот почему от них трудно ожидать вышеописанных прямых политических дивидендов для ее властей⁶⁷. Возможно, что роль «старой диаспоры» в планах властей Венгрии, касающихся «соотечественников», после следующих парламентских выборов 2022 г. изменится — политические прогнозы сулят победу на них правому кандидату, переехавшему в Венгрию из США⁶⁸.

Предпринятый в данной главе анализ на примере шести стран является рассмотрением ситуации «сверху». А как относятся к «словам и делам» «родины» те, на кого направлены ее усилия — сами зарубежные «соотечественники»? Этот важнейший вопрос, актуальный не только для Венгрии, но и для любой из рассмотренных нами стран (и вообще для любой «родины», пытающейся каким-то образом играть на поле диаспоральной политики) — будет рассмотрен в разделе об идентичности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Напомню, что Венгрию можно охарактеризовать как «маленькую, лингвистически изолированную страну с имперским наследием» (*Waterbury M. Bridging the Divide: Towards a Comparative Framework for Understanding Kin-State and Migrant Sending State Diaspora Politics // Diasporas and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods. Ed. by R. Bauböck & Th. Faist. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010. P. 139*).

² Проблемы так называемого русского зарубежья — многочисленных эмигрантов разных волн, начавших покидать страну во время и после Октябрьской революции и продолжающих делать это, по разным причинам и в разных масштабах, вплоть до настоящего времени, — не являются главным предметом рассматриваемого в данном разделе книги. Дело в том, что не эта «диаспора», а оказавшиеся за пределами России миллионы русских и русскоязычных граждан бывшего СССР (по переписи 1989 г., это 36 млн человек, назвавших родным русский язык, из них 25 млн русских) стали после распада страны главным формальным объектом диаспоральной политики России. Лишь во второй половине 2000-х гг. интерес к проживающим во многих странах мира эмигрантам актуализировался и получил свое институциональное оформление в создании фонда «Русский мир» (см. ниже).

³ См., напр.: *Kolstø P. Russians in the Former Soviet Republics. L.: Hurst & Company, 1995; Zevelev I. Russia and the Russian Diasporas // Post-Soviet Affairs. 1996. Vol. 12. № 3; Chinn J., Kaiser R. Russians as the New Minority: Ethnicity and Nationalism in the Soviet Successor States. Boulder: Westview Press, 1996; Melvin N. The Russians: Diaspora and the End of Empire // Nations Abroad. Diaspora Politics and International Relations in the Former Soviet Union. Ed. by Ch. King & N.J. Melvin. Boulder: Westview Press, 1998; Zevelev I. Russia and Its New Diasporas. Wash.: United States Institute of Peace, 2001; Kolstø P. Russian Diasporas in the «Near Abroad»: Implications for International Peace // Diaspora. A Journal of Transnational Studies. 2001. Vol. 10. № 2; Simonsen S.G. Compatriot Games: Explaining the «Diaspora Linkage» in Russia's*

Military Withdrawal from the Baltic States // *Europe-Asia Studies*. 2001. Vol. 54. № 5, и другие.

⁴ Многочисленные примеры использования термина в публикациях, выступлениях, названиях газетных рубрик и пр. приведены в: Космарская Н.П. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992–2002). М., 2006. С. 474, 479.

⁵ Пилкингтон Х., Флинн М. Чужие на родине? Исследование «диаспоральной идентичности» русских вынужденных переселенцев // *Диаспоры*. 2001. № 2–3. С. 11.

⁶ Русские ближнего зарубежья изучались, пользуясь словами одного из видных сторонников данного подхода, как сплоченные представители «единого народа-этноса, сохраняющего один язык, единые для всех русских традиционные ценности русской профессиональной и народной культуры и единое русское самосознание» (Савоскул С.С. Немного об изучении русских нового зарубежья // *Этнографическое обозрение*. М., 2008. № 2. С. 37).

⁷ Именно так в научной и публицистической литературе часто назывались созданные в новых независимых государствах (обычно при поддержке России) «русские» организации.

⁸ Впрочем, примеры вполне «диаспорального» мышления при анализе проблем русских и русскоязычных за пределами России можно было встретить и при формальном отказе от термина. В то же время само частое использование термина «диаспора» по «принципиальным» соображениям привело к тому, что многие стали делать это просто по инерции.

⁹ Как справедливо отметил Пол Колсто (Pål Kolstø), «поскольку неологизм “россияне” был изобретен в период перестройки для того, чтобы обозначить в этнически нейтральных выражениях граждан России, “этнические россияне” выглядят странным гибридом, граничащим к оксюмороном» (Колсто П. Укореняющиеся диаспоры: русские в бывших советских республиках // *Диаспоры*. 2001. № 1. С. 24.

В этом же ряду и слово «россияне», еще больше путающее читателя. Упомяну в данной связи несколько сборников «Россияне в Кыргызстане», изданных в Бишкеке «по инициативе и

содействии» российского посольства, а также книгу сотрудницы последнего Надежды Калининой (Бишкек, 2002) «Россия не ближнего зарубежья: уезжать или оставаться? Политические аспекты проблем российской диаспоры в странах СНГ». Несмотря на такие названия, анализируются в этих изданиях отнюдь не граждане России, находящиеся или проживающие в бывших республиках, как мог бы подумать читатель, не искушенный в политических дискуссиях вокруг «русских диаспор».

¹⁰ Здесь представлено краткое изложение процесса конструирования «русских диаспор». Более детальный анализ можно найти в.: *Космарская Н.П.* «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии... С. 22–31, 474–480, 498–501.

¹¹ *Зевелёв И.А.* Соотечественники в глобальной политике на постсоветском пространстве // Россия в глобальной политике. 2008. № 1. С. 3–4. Цит. по электронной версии, см.: URL: http://www.globalaffairs.ru/print/number/n_10265 (дата обращения: 12.10.2021).

¹² *Zevelev I.A.* Russia and the Russian Diasporas... P. 273.

¹³ Независимая газета. 2001, 16 августа.

¹⁴ *Зевелёв И.А.* Соотечественники в глобальной политике... С. 3.

¹⁵ Цит. по: *Космарская Н.П.* «Женское измерение» вынужденной миграции и миграционное законодательство России. М., 1998. С. 6, 7.

¹⁶ Закон Российской Федерации от 13 ноября 2003 г. «Об изменениях и поправках к Закону о гражданстве Российской Федерации». См.: URL: www.rg.ru/2003/11/13/zakon/html (дата обращения: 20.12.2021).

¹⁷ URL: <http://migrant.ferghana.ru/newslaw/chronicle/владимир-путин-поручил-упростить-пор.html> (дата обращения: 20.12.2021).

¹⁸ Так, например, визуальная информация для будущих переселенцев, размещенная на сайте ФМС, была представлена фотографией «семьи славянской внешности, достаточно молодой, но уже с тремя детьми. Улыбающиеся люди изображены на фоне “среднерусского” пейзажа... Фото на образце анкеты также демонстрирует молодое славянское мужское лицо». См.: *Абдулова И.Т.* Возвращение соотечественников — политический проект и государственная риторика // Миграции и диаспоры в социокультурном политическом и экономическом пространстве

Сибири. Рубежи XIX–XX–XXI веков. Под ред. В.И. Дятлова. Иркутск, 2010. С. 563–564.

¹⁹ Собственно, так и получилось на практике: интерес к переезду проявили, к примеру, и таджикские, и киргизские семьи, и не обязательно смешанные. По крайней мере, в очередях к представительству ФМС в Бишкеке, по моим наблюдениям, можно было увидеть немало киргизов.

²⁰ Учитывая этот факт и стараясь максимально дистанцироваться в моих собственных исследованиях (в частности, в Центральной Азии) от превалирующего в российской науке этноцентричного подхода, концентрирующего внимание на «этнических русских», я выбрала объектом изучения более широкий конгломерат людей, объединенных исторической судьбой, базовой культурой и особенностями своего нынешнего положения в новых независимых государствах. В моих работах именно эта этносоциальная группа имеется в виду под «русскоязычными» или под более метафоричным словосочетанием «дети империи».

²¹ Такого рода браки — это в первую очередь союзы внутри сообщества русскоязычных «детей империи» (см. прим. 20) и так называемые браки третьей республики (*third republic intermarriages*), когда оба супруга не принадлежали к титульной национальности республики проживания.

²² «Другие русские» или мобилизованная ментальность. Рабочие материалы проекта. Вып. 1. Отчет о пилотажном исследовании. СПб., 2001. С. 44. Подр. об этой особенности идентичности русских в ближнем зарубежье см.: Космарская Н.П. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии... С. 379–388.

²³ Вот, например, один из откликов читателей на статью в «Комсомольской правде» о положении русских Узбекистана: «Всем, у кого русская ДНК, немедленно предложить гражданство России через консульства во всех странах. Иначе Россия сохнет, и довольно скоро». Цит. по: URL: www.ferghana.ru/article.php?id=4149 (28 декабря 2005 г.). (дата обращения: 25.12.2021).

²⁴ Shevel O. Russian Nation-Building from Yel'tsin to Medvedev: Ethnic, Civic or Purposefully Ambiguous? // *Europe-Asia Studies*. 2011. Vol. 63. № 2. P. 179–192.

²⁵ Там же. С. 195, 199.

²⁶ См.: URL: <http://sevkrimrus.narod.ru/ZAKON/sootech.htm>. (дата обращения: 25.12.2021).

²⁷ По мнению О. Шевель, следовать этому положению было бы затруднительно из-за распространенности смешанных браков; кроме того, вывод за границы понятия «соотечественник» представителей молодых поколений украинцев и белорусов был бы мало приемлем по идейным соображениям (*Shevel O. Russian Nation-Building from Yel'tsin to Medvedev... P. 194*).

²⁸ См., напр.: Россия: Госдума согласилась с новой трактовкой понятия «соотечественники», 4.06.2010 (URL: <http://www.fergnana.ru/news/php?id=14879&vjde+snews>) (дата обращения: 25.12.2021).; *Shevel O. Russian Nation-Building from Yel'tsin to Medvedev... P. 194*.

²⁹ *Сулов М.Д.* Русский мир: политика России в отношении соотечественников за рубежом // Русский мир в меняющемся мире. Отв. ред. и сост. Г.А. Комарова. М., 2018. С. 110.

³⁰ *Городецкая Н.* Единство нации не выдержало критики. Спорный законопроект подвергли переименованию. 7 марта 2017 г. (URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3235995>). (дата обращения: 26.12.2021).

³¹ *Laruelle M.* Misinterpreting Nationalism. Why Russkii is Not a Sign of Ethnonationalism. PONARS Eurasia Policy Memo № 416. January 2016.

³² *Блакисруд Х.* Размывание границ между гражданским и этническим // Контрапункт. 2015. № 2 (URL: www.counter-point.org). С. 1, 9. Англоязычная версия статьи является одной из глав книги «The New Russian Nationalism. Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–2015». Ed. by P. Kolstø & H. Blakkisrud. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. P. 249–274.

³³ *Сулов М.Д.* Русский мир: политика России... С. 97.

³⁴ Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству.

³⁵ *Laruelle M.* The «Russian World». Russia's Soft Power and Geopolitical Imagination. Centre on Global Interests, May 2015. P. 18.

³⁶ Цитата из интервью (подр. см. параграф 3.2 главы об идентичности).

³⁷ Skrentny J., Chan S., Fox J.E., & D. Kim. Defining Nations in Asia and Europe. A Comparative Analysis of Ethnic Return Migration Policy // *Diasporic Homecomings. Ethnic Return Migration in Comparative Perspective*. Ed. by T. Tsuda. Stanford: Stanford University Press, 2009. P. 62.

³⁸ Ibid. P. 62, 63.

³⁹ Термин «национальное» (а не этническое) меньшинство употреблен здесь не случайно. Подр. о смысле этих терминов см. параграф 3.3. главы об идентичности.

⁴⁰ Kovács E. Direct and Indirect Political Remittances of the Transnational Engagement of Hungarian Kin-Minorities and Diaspora Communities // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2020. Vol. 46. № 6. P. 1151.

⁴¹ Waterbury M. Internal Exclusion, External Inclusion: Diaspora Politics and Party Building Strategies in Post-Communist Hungary // *East European Politics and Societies*. 2006. Vol. 20. № 3. P. 486.

⁴² О положении венгров в Трансильвании в период социализма см., напр.: Culic I. Dilemmas of Belonging: Hungarians from Romania // *Nationalities Papers*. 2006. Vol. 34. № 2. P. 178–184.

⁴³ Kovács E. Direct and Indirect Political Remittances... P. 1152.

⁴⁴ По выражению М. Ватербэри (см.: Waterbury M. Internal Exclusion, External Inclusion: Diaspora Politics and Party Building... P. 489.

⁴⁵ Ibid. P. 483. Подр. об этом см. монографию того же автора: Waterbury M. Between State and Nation. Diaspora Politics and Kin-State Nationalism in Hungary. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010.

⁴⁶ См.: Kovács E. Direct and Indirect Political Remittances... P. 1150.

⁴⁷ Обратной стороной активного интереса к проблемам зарубежных венгров является весьма высокий уровень ксенофобии и мигрантофобии в стране. Как отмечают исследователи, в современной Венгрии «общество демонстрирует нетерпимость к правому радикализму в случае проявления практик преступного поведения, но в своем большинстве относится лояльно к его идеологемам» (Тарасов И.Н. Правый радикализм и факторы

ксенофобских социальных практик в Венгрии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. 2015. № 6. С. 55).

⁴⁸ *Waterbury M.* Internal Exclusion, External Inclusion: Diaspora Politics and Party Building... P. 495.

⁴⁹ Ibid. P. 499–504. См. также: *Waterbury M.* Bridging the Divide: Towards a Comparative Framework... P. 141.

⁵⁰ Ibid. P. 140. Показателен в этой связи колоссальный рост числа изданий и публикаций, прямо посвященных зарубежным венграм: 52 публикации в девяти различных источниках в 1988 г. и 2136 статей в 189 газетах и журналах в 2001 г. См.: *Waterbury M.* Internal Exclusion, External Inclusion: Diaspora Politics and Party Building... P. 510.

⁵¹ См.: *Fox J.E.* From National Inclusion to Economic Exclusion: Ethnic Hungarian Labour Migration to Hungary // *Nations and Nationalism*. 2007. Vol. 13. № 1. P. 82.

⁵² *Waterbury M.* From Irredentism to Diaspora Politics: States and Transborder Ethnic Groups in Eastern Europe. *Global Migration and Transnational Politics*. George Mason University. Working Paper № 6, July 2009 (www.cgs.gmu.edu). P. 6.

⁵³ *Молодикова И.* «Этнизация» миграционной политики ЕС странами Центральной Европы и влияние этого процесса на миграционные потоки из сопредельных восточноевропейских стран // Двадцать лет спустя. 1991–2011. Реорганизация пространства и идентичности. Материалы международного конгресса. Москва, 29 сентября — 1 октября 2011. М., 2012. С. 287.

⁵⁴ Правда, пособие было очень небольшим и могло быть использовано только на покупку учебников и школьной формы.

⁵⁵ *Waterbury M.* Internal Exclusion, External Inclusion: Diaspora Politics and Party Building... P. 511.

⁵⁶ Ibid. P. 513.

⁵⁷ *Waterbury M.* From Irredentism to Diaspora Politics... P. 1. Подр. см. гл. 2.1.

⁵⁸ Впрочем, пример Венгрии и ее соседей говорит и о том, что ослабление принципов государственного суверенитета по сравнению с межвоенным временем, о котором писал Р. Брубейкер

(см. параграф 2.1), также не стоит переоценивать, коль скоро речь заходит о странах, на территории которых проживают крупные группы меньшинств. Их негативное отношение к шагам Венгрии как «родины» не ограничивается абстрактной критикой и жалобами в руководство ЕС. Так, например, когда в 2010 г. Венгрия одобрила новую версию Закона о гражданстве, Словакия в ответ «приняла закон о лишении гражданства Словакии всякого, кто получит венгерское гражданство» (см.: *Молодикова И. «Этнизация» миграционной политики ЕС странами Центральной Европы... С. 291*).

⁵⁹ Подр. см.: *Kovács E. Direct and Indirect Political Remittances... P. 1155–1156.*

⁶⁰ Подр. см.: там же, с. 289–292. Этот подход сочетает этнические привилегии членам «этнокультурной нации» с ужесточением законодательства и практики приема лиц, ищущих убежища, что также вызывает недовольство руководства Евросоюза (см.: там же, с. 291–292). Особенно явно последнее проявилось в период миграционного кризиса в Европе 2015–2016 гг., когда Венгрия наряду с другими странами ЦВЕ активно сопротивлялась необходимости принять в стране мигрантов с Ближнего Востока по квотам ЕС. Общественные настроения в Венгрии (по данным Европейских социальных обследований) также отличаются очень высоким на фоне других стран ЕС уровнем неприятия возможности приема страной иноэтничных мигрантов, в особенности мусульман. См., напр.: *Арутюнова Е.М. Отношение к мигрантам в России и Европе: сравнительный анализ // Вестник РУДН. Серия Социология. 2008. № 3. С. 67.*

⁶¹ *Fox J.E. From National Inclusion to Economic Exclusion... P. 92.* О манипуляциях с «идентичностью» как о реальности говорит, в частности, тот факт, что на территории Украины «...борьба за влияние на венгерское меньшинство превратилась даже в разменную монету в погоне за избирателями. Местные венгерские партии наперебой выдают подтверждения и паспорта этнических венгров в обмен на голоса избирателей... местное население искало и находило венгерские корни у своих предков. В дополнение к этому граждане некоторых стран бывшего СССР проявили интерес к прописке в Закарпатье с целью получения канала попадания в ЕС» (см.: *Молодикова И. «Этнизация»*

миграционной политики ЕС странами Центральной Европы... С. 289).

Между Украиной и Венгрией в последние годы неоднократно обострялись межгосударственные трения из-за массового получения венгерских паспортов жителями приграничных районов Закарпатской области (законодательство Украины не допускает двойное гражданство). См., напр.: Соколовская Я.А. Будапешт и Киев не поделили граждан. 21 сентября 2018 г. (URL: https://www.kommersant.ru/doc/3749891?from=doc_vrez?from=doc_vrez). (дата обращения: 26.12.2021).

⁶² Там же. С. 294.

⁶³ Fox J.E. From National Inclusion to Economic Exclusion... P. 84.

⁶⁴ См., напр.: Waterbury M. Internal Exclusion, External Inclusion: Diaspora Politics and Party Building... P. 489, 498–499, 505, 512.

⁶⁵ См.: там же, с. 513–514, а также: Waterbury M. Bridging the Divide: Towards a Comparative Framework... P. 144.

⁶⁶ Так, например, несмотря на то, что десятки тысяч венгров, в основном из Румынии, годами нелегально трудились в Венгрии, Закон о статусе формально дал им право на работу в течение всего трех месяцев в году. См.: Skrentny J., Chan S., Fox J.E., & D. Kim. Defining Nations in Asia and Europe. A Comparative Analysis of Ethnic Return Migration Policy... P. 64.

⁶⁷ Подробный сравнительный анализ политики Венгрии по отношению к венграм в соседних странах и к «старой диаспоре» сквозь призму возможных политических дивидендов для правящих на «родине» элит представлен в: Kovács E. Direct and Indirect Political Remittances...

⁶⁸ См.: Рушев Г. Россия может потерять самого надежного друга в Европе. 19 октября 2021 г. (URL: <https://expert.ru/2021/10/19/rossiya-mozhet-poteryat-samogo-nadezhnogo-dругa-v-yevrope/>). (дата обращения: 20.10.2021).

ИДЕНТИЧНОСТЬ

Глава 3.

Жизнь в диаспоре: взгляд «снизу»

3.1. Воздействие исторического и социально-политического контекста на (этническую) идентичность диаспор

«Вся мировая культура — она через русский язык...
Русский язык, литература, культура, прошлое, война —
это никак нельзя вычеркнуть.

Я просто переживаю за эту геополитику
и за то поколение, которое выросло в скинхедов.

А все остальное настолько родное...»

(женщина, казашка, г. Петропавловск, 2016 г.)

Как этническая идентичность, чувство своей этнокультурной отличительности и, отсюда, готовность действовать сплоченно в качестве особой этнокультурной группы зависят: 1) от исторических условий формирования сообщества как «диаспорного» (т. е. проживающего вне «родины») и 2) от социально-политического контекста, определившего условия жизнедеятельности групп(ы) после распада СССР? В данном разделе книги мы попробуем ответить на эти вопросы на примере русских Центральной Азии (ЦА) и стран Балтии, представляющих собой, в силу яркой отличительности по многим параметрам, выигранный пример для сравнения.

Концептуальной основой анализа послужила теория этнолингвистической витальности этнических групп, вошедшая в научный оборот в середине 1970-х гг. для опи-

сания способности группы «вести себя отличительной и активной коллективной единицей в межгрупповом общении»¹. Позднее исследователь из Эстонии Мартин Эхала (*Martin Ehala*) предложил развитие этих идей в форме концепции «холодной» и «горячей» этничности. Эта концепция представляет интенсивность переживания (прежде всего — эмоционального) членами группы своей этнокультурной отличительности и, соответственно, готовность к действиям ради ее поддержания в виде шкалы, на которой указанная интенсивность изменяется от минимальной («холодной») до максимальной («горячей») ².

Моя идея состоит в том, что русские в Центральной Азии располагаются на данной шкале ближе к ее «холодному» краю, что становится более очевидным при сравнении их положения в регионе с тем, как складывалась ситуация вокруг русских в странах Балтии.

Тут уместно сделать важное методологическое замечание. Высказывая подобное предположение, под «русскими» я не имею в виду сплоченные коллективы, части «этносов», более этнически ангажированные в этой своей «коллективности» именно в странах Балтии по сравнению с ситуацией в Центральной Азии. Будучи сторонницей конструктивистского понимания этничности, я исхожу из того, что «этничность — не вещь, не некая материальная субстанция; это призма, с помощью которой мы интерпретируем окружающий мир... И это всегда только один из многих возможных объяснительных ракурсов»³.

Живые люди, из которых состоят изучаемые нами общества, находятся в подвижной социальной среде и используют при адаптации к ней различные «интерпретационные призмы» — этнические и неэтнические. Помещая какую-либо группу ближе к «горячему» или «холодному» краю шкалы, я имею в виду только то, что в конкретных исторических и социальных обстоятельствах люди, при прочих равных условиях, могут быть более (или менее) склонны использовать «этническую призму» «для осмыс-

ления своих трудностей, артикуляции привязанностей и членства...; осознания себя и выстраивания своих представлений об окружающем мире»⁴. Соответственно, на поведенческом уровне индивиды могут быть более (или менее) склонны участвовать, вынужденно или добровольно, в каких-то коллективных действиях с этнической подоплекой.

Мы начнем анализ с краткого экскурса в историю, ведь русские играли особую роль в «имперской» конфигурации социальных отношений, что обусловило их в целом ослабленный интерес к своей этнической идентичности в сравнении с идеологически нагруженной лояльностью государству. В то же время надо иметь в виду, что исторически Центральная Азия и территории, занимаемые сейчас тремя странами Балтии, представляют собой во многом отличные друг от друга модели освоения новых территорий и, соответственно, взаимодействия «детей империи»⁵ с проживавшим там населением. Отсюда во многом проистекают различия социально-политических условий, в которых в этих двух регионах оказались русские и другие русскоязычные после распада СССР, что обусловило во многом контрастные формы их самоидентификации.

Затем, отталкиваясь от очерченного историко-политического контекста, мы перейдем к более детальному анализу причин относительно «прохладного» отношения русских к своей этничности в Центральной Азии по сравнению с Балтией. Среди этих причин: 1) большая значимость социокультурных барьеров по сравнению с этническими; 2) характер политических режимов в двух регионах; 3) роль и статус русского языка и культуры; 4) официальные и «низовые» интерпретации советского прошлого и в связи с последним моментом отношение к современной России.

Несколько слов о страновых рамках анализа. В регионе ЦА он неизбежно ограничен тремя странами, где

демографическое присутствие русских и других «детей империи» остается значительным. Это Казахстан (около 3,8 млн русских по результатам Второй национальной переписи населения 2009 г.⁶; 3478 тыс. человек на начало 2021 г., 18,4% населения страны); Узбекистан (примерно 730 тыс. русских в 2017 г. по данным текущего учета⁷) и Киргизия (около 360 тыс. человек на начало 2016 г., 6% населения страны⁸). Несмотря на большие миграционные потери тридцати лет, прошедших после распада СССР, в Центральной Азии все еще проживают около 5 млн русских, украинцев и белорусов⁹.

В Балтии внимания заслуживают прежде всего Латвия и Эстония, где численность русских и других русскоязычных высока не столько в абсолютных, сколько в относительных цифрах. Согласно последним переписям 2011 г., в Латвии проживало 676 тыс. русскоязычных (52% населения)¹⁰, а в Эстонии — 384 тыс. (около 30%)¹¹.

Литва стоит особняком — не только потому, что русских там немного (4,8% в 2010 г., около 160 тыс. человек)¹², а наиболее крупным этническим меньшинством являются поляки, но и потому, что все меньшинства автоматически получили права гражданства после провозглашения независимости. Более важен тот момент, что магистральной линией адаптации русских Литвы к новым условиям стала добровольная интеграция с уклоном в ассимиляцию¹³.

Сравнительная значимость социокультурных и этнических факторов размежевания

Исторический фон

Особая роль русских в рамках дореволюционного и, позднее, советского социально-политического порядка обусловила особое положение их языка и культуры, которые начали «жить своей собственной жизнью», во многом лишённые этнических коннотаций и эмоциональных «привязок» к собственно русским как этнической группе.

Так, в досоветский период идентичность русских поддерживалась как идентичность мотора колонизации, а их русификаторские усилия, соответственно, имели своей целью не ассимиляцию в этническом смысле, а воспитание чувства общности с российским государством. После революции 1917 г. эти тенденции поддерживались определенной преемственностью в политике властей: русско-советская культура развивалась как идеологическая опора режима, а не вместилище собственно русского этнического сознания¹⁴. В сочетании с тем обстоятельством, что «переселенческие сообщества» (как их называет Н. Мелвин) на периферии формировались как многонациональные и преимущественно индустриально-урбанистические — передовой отряд советской власти, их идентичность «определялась в основном в социокультурных, нежели этнических категориях»¹⁵.

Аналогично, если заглянуть в историю немного глубже, в силу стечения исторических обстоятельств и предшествующая советской Российская империя не была национальным государством русских (по важнейшим показателям качества жизни, в частности, они длительное время уступали многим другим, нерусским этническим группам). «И хотя имперский патриотизм, который лежал в основе ее интеграции, имел некоторые элементы, связанные с этническим самосознанием русских (православие, общая история и культура), все же преобладали в этом комплексе наднациональные черты»¹⁶.

Русский язык и культура в этом контексте никогда не были ценностью исключительно русских. Они воспринимались ими (а также многочисленными русскоязычными и обрусевшими представителями титульных групп) как широкое понятие, неотделимое от советизированно-городского образа жизни, присущих ему ценностей и привычек, а не как набор фольклорных стереотипов «русскости»¹⁷.

На этот общий исторический фон наложились специфические черты освоения территорий, составляющих сейчас регион ЦА, в дореволюционное и, главное, в советское время. Особую судьбу «детей империи» в этом регионе определили, на мой взгляд, два момента.

Во-первых, население, которое было принесено сюда различными волнами миграций, от добровольных до насильственных (хозяйственное освоение, переезд в поисках лучшей жизни; депортации, эвакуация, политические ссылки и пр.), оказалось очень пестрым по своему этноконфессиональному и социальному составу. Эффект местного «плавильного котла», способствующий сглаживанию границ собственно «русскости», появился в условиях этой полиэтничности и поликультурности вследствие реального (межэтнические браки) и фигурального «смешивания» всех этих людей, называемых в регионе «европейцами». Этому способствовали совместное проживание на определенных территориях (преимущественно в городах), плотная коммуникационная среда и занятые ими профессиональные ниши.

Во-вторых, учитывая специфику ЦА и населяющих ее народов, русские и другие русскоязычные оказались там в роли социальных и индустриальных «культуртрегеров». В итоге вмешательство извне послужило очевидным и безусловным стимулом развития народов региона — их включили в русло научно-технического прогресса, дали многие созвучные эпохе знания и навыки; приобщили их к одному из ведущих мировых языков и созданной на его основе высокой культуре.

Правда, плата за вхождение в цивилизацию оказалась немалой — сильно пострадали национальная самобытность, язык, традиции. Так, в силу сочетания субъективных и объективных факторов киргизы оказались одной из наиболее русифицированных этнических групп в бывшем СССР и самой русифицированной — в Центральной Азии. Ситуация с казахами была во многом аналогич-

ной, учитывая кочевой образ жизни тех племен, которых сейчас называют казахами и киргизами, их изначально слабую приверженность исламу и, в отличие от народов, создавших древние земледельческие цивилизации Ферганской долины (где сейчас находятся Узбекистан и Таджикистан) — отсутствие письменного языка и письменной, книжной культуры.

Далее, важен тот момент, что именно на территориях современных Киргизии и Казахстана русские и другие «европейцы» селились не только в городах, но и в сельской местности (к концу 1980-х гг. там их насчитывалось в среднем около 30%). Это еще более способствовало проникновению русского языка и культуры в повседневные практики киргизов и казахов¹⁸.

Однако главной ареной тесного взаимодействия «европейцев» и представителей автохтонных групп стали в регионе города, в первую очередь столицы. Именно здесь сформировалась особая прослойка киргизов, казахов, узбеков, сильно отличающихся от своих сельских соплеменников и близких к русским и другим «европейцам» по образу жизни, культурным нормам и языковым предпочтениям. Наряду с последними именно эти представители титульных групп постепенно стали носителями, осознанными потребителями, критиками и, в определенной мере, создателями «русской культуры» в Центральной Азии.

Характер «имперского» освоения территорий, называемых сейчас Центральной Азией, высокая степень русификации проживавших там народов обусловили превращение языка бывшей метрополии в предмет эмоционального и, что гораздо важнее, прочного прагматического интереса титульных групп, включая их элиты. Отсюда вытекает и то обстоятельство, что советское историческое и культурное наследие в целом в глазах различных представителей титульных групп отнюдь не является «красной тряпкой для быка»; напротив, оно воспринимается как важный элемент совместно прожитого прошлого, как

признак наличия общеразделяемых ценностей (подр. см. ниже).

Отсюда следует важный для нашего анализа вывод: несмотря на изменение роли и статуса русского языка в Центральной Азии в постсоветское время, там относительно **слабо действует важнейший стимул этнической (или этнокультурной) консолидации русских** — борьба за сохранение русскоязычного культурно-лингвистического пространства (РКАП).

Позиции русского языка (сравнение ситуации в двух регионах)

Распад СССР и наступление эпохи независимости привели к коренным сдвигам в соотношении статусов русского и титульных языков *de jure* и *de facto*. Последние обрели статус «государственных языков» на конституционном уровне и начали быстро развиваться с точки зрения масштабов и сфер их использования (особенно это относится к казахскому и киргизскому языкам). Началось их активное проникновение в те сферы, где в советское время они присутствовали в незначительном объеме: это в первую очередь политическая жизнь, начальное и среднее образование, СМИ, книгоиздание. Однако русский язык по-прежнему имеет достаточно высокий официальный статус (по крайней мере, в двух государствах региона) и продолжает играть особую роль как средство социального продвижения и инструмент приобщения к мировой культуре, науке, технологиям.

В Киргизии русский язык на конституционном уровне имеет статус «официального»; он широко используется в образовательной сфере и делопроизводстве на всех уровнях. В Казахстане русский имеет официальный статус «языка межнационального общения». В Узбекистане формально русский язык является лишь одним из иностранных. Однако с точки зрения социальной практики даже здесь, где ситуация хуже, чем в двух других странах,

функционирование русского языка может быть описано формулой «бесправен, но востребован» — благодаря его роли в бизнесе, образовании; его значимости для реализации успешной карьеры и вхождения в глобальный мир¹⁹.

Высокую распространенность владения русским языком именно среди представителей титульных групп отчетливо фиксируют постсоветские переписи. Среди казахов, по материалам переписи 2009 г., понимали устную русскую речь 92%, а из них свободно писали 83,5%, а свободно читали — 79,1%²⁰.

В Киргизии, по данным переписи 2009 г., русским как вторым языком владели 2109393 чел., включая значительное число лиц молодого возраста (от 7 до 15 лет — 252732 человека, от 14 до 28 лет — 813966 человек)²¹. По этим цифрам видно, что речь идет о языковой компетенции не собственно русских и других «европейцев», а в первую очередь киргизов (их численность на момент переписи была примерно 3,8 млн человек).

По оценкам экспертов, в Узбекистане (напомним, что после 1991 г. переписи здесь не проводились) активно владеет русским языком 5 млн жителей, пассивно — 10 млн, что в целом составляет около 70% всего населения. Стабильно значительным было число желающих изучать русский язык по всей республике²². По наблюдениям Артёма Космарского, который проводил полевое антропологическое исследование в Ташкенте в мае-июне 2018 г., около 30–40% объема речевых коммуникаций в публичных местах города — между узбеками и «европейцами», а также между самими узбеками, осуществлялось на русском языке.

Роль русского языка как средства обучения в средней школе и вузах также остается высокой. Несмотря на националистическую риторику и медленное, но верное повышение роли и степени распространенности титульных языков, и представители элит, и обычные люди титульных национальностей, желающие преуспеть в жизни, отчетли-

во понимают значимость владения русским языком — не только для себя, но и для своих детей.

В советское время и в первые годы независимости выбор школы для детей титульной национальности, проживающих в городах трех республик ЦА, во многом определялся высоким статусом русского языка и ограниченным числом школ с преподаванием предметов на титульных языках (особенно в Киргизии и Казахстане). Сейчас вариативность выбора гораздо выше, появилось много школ с обучением на этих языках, но по ряду причин «русские» школы и детские сады по-прежнему популярны. Вот одно из типичных объяснений:

«И. А ваш сын, он куда пойдет?»

Р. В русский класс. Да, процесс идет [распространения киргизского языка — Н. К.], но вы знаете, мы все еще учим экономику в университете по русским учебникам... Других вариантов нет... Поэтому я думаю, ему будет легче, если он закончит русскую школу. А киргизский у него все равно будет отличный, мы же говорим дома по-киргизски» (из интервью автора с мужчиной, киргизом, 32 г., Бишкек, 2011 г.).

Изменения в соотношении языков обучения в системе среднего образования вызваны не только фактором независимости, но и демографией. Имеется в виду повышенная рождаемость среди представителей титульных групп и автохтонных меньшинств (например, узбеков в Казахстане, таджиков в Узбекистане и т. д.) в сочетании с продолжающимся, хотя и незначительным сейчас, оттоком из стран региона русских и других «европейцев». Но это не значит, что школы с обучением на русском языке не востребованы.

Посмотрим на ситуацию в Казахстане. В 2003 г. 55% учеников обучались на казахском языке, 41% — на русском. Через 15 лет, в 2018 г., это соотношение выглядело как 66 и 31%. Однако с 2015 г. стало заметным изменение предшествующего тренда: стало расти число учеников,

обучающихся на русском (802 тыс. чел. в 2014/2015 г., 832 в 2015/2016 г., 871 тыс. в 2016/2017 г. и 910 тыс. в 2017/2018 г.)²³. По подсчетам Игоря Савина на основе данных, предоставленных Агентством по статистике, русский остается языком, на котором среднее образование получает сейчас почти треть всех школьников Казахстана, в том числе около полумиллиона человек, не являющихся русскими.

Во многих университетах трех стран предлагается обучение на русском языке — различаются «европейские» (или «русские») и «национальные» потоки. В Узбекистане, как и в советский период, численность русскоязычных студентов выше в столичных вузах, причем в первую очередь — в связанных с преподаванием точных наук и технологических дисциплин²⁴. В двух других странах такого рода вузы и факультеты предлагают русскоязычное обучение также по социально-гуманитарным наукам, а расположены они по всей территории.

Нередко можно услышать, что русскоязычное культурно-лингвистическое пространство в Центральной Азии постепенно и фатально «ужимается» из-за значительных миграционных потерь русскоязычного населения после распада СССР (особенно в 1990-е гг.). Это верно, но существуют факторы, позволяющие рассматривать РКЛП как «улыбку чеширского кота»: оно может функционировать без русских и без усилий России (впрочем, до сих пор они не были особенно активными) по поддержанию русско-культурной среды.

Во-первых, это исторически обусловленная укорененность русского языка именно в титульной среде, о чем уже писалось выше. Интересные идеи по этому поводу на примере Киргизии высказывает культуролог Георгий Мамедов. По его мнению, доминирующий в публичном пространстве республики «прорусский» дискурс о русском языке, в рамках которого последний «исключительно и настойчиво связывается с Россией, как риторически

(русская культура), так и институционально», является социально опасным, поскольку, несмотря на внешне вполне позитивный посыл, на деле это «способствует укреплению отчуждения в отношении русского языка в обществе».

Автор же предлагает рассматривать русский язык как «местное» явление: «Настойчивое увязывание русскоязычия в Кыргызстане с Россией наряду с почти полным отсутствием нарративов, рассматривающих русский язык как... локализованный и органичный элемент кыргызстанского культурного ландшафта и как важнейший медиум коммуникации и самовыражения для значительной части населения Кыргызстана, закрепляет... мнение: русский язык в Кыргызстане существует благодаря финансовой поддержке и в интересах России, и если эта финансовая поддержка прекратится, а Россия потеряет интерес к Кыргызстану, то и необходимости в русскоязычии в КР не будет»²⁵.

В этой связи трудно согласиться с мнением о том, что функции русского языка в Киргизии, несмотря на ее «распахнутость» западному миру, может взять на себя английский: «Русский язык, в отличие от английского, имеет массовое, а не ограниченно-элитистское распространение и используется во всех сферах жизни — на нем мамы и папы поют своим детям колыбельные, пишут монографии ученые, влюбленные признаются друг другу в своих чувствах, пишутся и принимаются республиканские законы. Таким образом, русский язык — органичная часть современной кыргызстанской культуры... русский язык также служит и своеобразным социальным маркером — образованности, культурной открытости, социальной эмансипации»²⁶.

Во-вторых, значимым новым фактором, в потенциале способствующим сохранению РКЛП в Центральной Азии, стали наметившиеся с начала 2000-х гг. активные трудовые миграции в Россию (в основном из Таджикистана, Узбекистана и той же Киргизии). Полевые исследова-

ния на юге последней, откуда выезжает основная масса мигрантов, показывают, что в регионе «русские школы, безусловно, сохраняют свою популярность. Родители хотят, чтобы дети учили русский язык, ведь это улучшает их шансы трудоустройства при миграции... Рост миграции создал спрос на обучение русскому языку и помимо школ»²⁷.

Тут стоит также отметить, что успешные мигранты в случае возвращения в Киргизию обычно стремятся осесть в столице, привозя туда не только деньги, но и новоприобретенные культурно-лингвистические навыки. Здесь речь идет преимущественно о молодых возрастных группах.

Наконец, результаты еще одного полевого исследования, на этот раз различных проявлений советской идентичности в Киргизии, привлекают наше внимание не к рациональным, а скорее эмоционально-культурным факторам сохранения РКЛП в Центральной Азии, значимым в первую очередь для старших и средних возрастных групп. Ссылаясь на таких знаменитых писателей, как Олжас Сулейменов и Чингиз Айтматов, автор исследования заключает: «Наиболее влиятельные представители среднеазиатской интеллигенции воспринимают русский язык как неотделимую от себя часть... часть их *собственной*, а не *чужой* культуры [курсив автора цитаты — Н.К.]. Они рассматривают общераспространенность русского не как подлежащее преодолению наследие колониализма, а как богатство собственной культуры. Здесь мы имеем мощное и до сих пор не исчезнувшее проявление Советского Союза как воображаемого культурного сообщества русскоговорящих»²⁸.

Мой анализ роли русского языка в Центральной Азии основан главным образом на материалах интервью с обычными людьми, что позволило взглянуть на русскоязычное культурно-лингвистическое пространство сквозь призму индивидуальных восприятий, культурно-языковых предпочтений и языкового поведения²⁹. Американ-

ский социолингвист Уильям Фирман (*William Fierman*), который предпринял попытку сравнительного исследования состояния русского языка в ЦА, Балтии и Закавказье на основе интервью с экспертами, анализа публичного дискурса, доступной статистики и законодательства, пришел к аналогичным выводам.

Он уделил особое внимание роли русского языка в делопроизводстве, в масс-медиа и образовании разных уровней³⁰. По мнению ученого, несмотря на то, что после 1991 г. в ЦА уровень знания русского языка среди титульного населения существенно снизился, «даже в странах с небольшой долей славянских меньшинств к русскому продолжают прибегать во множестве видов коммуникации; это считается очень престижным, в том числе в высшем образовании, политике и экономике. Использование русского языка в профессионально-элитарных сферах и его ассоциирование с “продуктом высшего качества” контрастирует с ситуацией в республиках Балтии и Закавказья»³¹. Экстраполируя наблюдаемые им тенденции, У. Фирман заключает, что «русский язык будет продолжать выполнять в Центральной Азии определенные функции по меньшей мере в течение следующих десятилетий, и весьма вероятно — значительно дольше»³².

Сравним описанную ситуацию с балтийской, где она выглядит совершенно иначе. Модель «имперского» освоения этих территорий принципиально отличалась от обстоятельств движения «на юг». В случае Балтии речь идет о народах, проживавших в течение столетий в европейском окружении, поэтому принесенные с востока «цивилизация» и «модернизация» уже не могут интерпретироваться столь однозначно, как в случае с Центральной Азией; нельзя также говорить о безальтернативности приобщения именно к русской культуре, а «развитие» (особенно в советскую эпоху) было скорее таким, каким его понимал Центр, а не тем, в котором действительно нуждалось население региона.

Названные обстоятельства во многом объясняют консолидированное отторжение всего «русско-советского» (подр. см. ниже) и титульными элитами, и титульным населением стран балтийского региона. В этих условиях русский язык и культура видятся символами отягощенного травмой недавнего прошлого (воспринимаемого сквозь призму доминирующего нарратива «оккупации»³³) и активно вытесняются из публичной в приватную сферу. Это обстоятельство, видимо, будет **актуализировать этнокультурную составляющую** в идентичности «балтийских русских» — не только в широком смысле, привлекая их внимание к своей миссии носителей ценностей русской культуры, но и в более узком, обостряя их озабоченность сохранением своей «самости» именно как русских.

Русскоязычное культурно-лингвистическое пространство того типа, которое было описано выше, в странах Балтии не существует. В одной из работ, где предпринят детальный анализ языковой политики в системе школьного образования постсоветской Латвии, показаны исторические корни превращения этничности в «фундаментальную категорию» местной общественной жизни. Автор также демонстрирует, как и почему «этнические аргументы, сформулированные в качестве языковых требований [к русским. — Н.К.], стали в посткоммунистической Латвии инструментами политической власти»³⁵.

В подобных условиях для русских и других русскоязычных консолидация на основе этнополитической программы действий становится наиболее актуальной. Об этом говорят и факты: серьезные всплески социальной напряженности в Эстонии и Латвии, отличающихся в целом политической стабильностью, были вызваны нерешенностью острых этнополитических проблем, разделяющих «русских» и титульное население³⁵.

Идентичность на фоне исторической памяти

В течение последних 10–15 лет в Центральной Азии все явственнее дает о себе знать новый фактор, подпитывающий сложившееся еще в советское время чувство социокультурной общности городских старожилов — «русских» и представителей титульного населения. Это активизация памяти о советском прошлом.

Взгляд «сверху»

Посмотрим сначала на проекты национального строительства в Центральной Азии в контексте оценки имперского/советского прошлого и России как политической преемницы СССР. В регионе официальная критика различных аспектов советской политики (но не тотальное отрицание этого периода, как в странах Балтии) обычно не распространяется на современную Россию, которая не воспринимается в качестве потенциальной угрозы и/или нежелательного соседа. Тут важно напомнить, что распад СССР стал большой неожиданностью для местных элит, сохранявших лояльность Москве до последнего момента. Кроме того, формируя официальные нарративы о советском прошлом, власти не пытаются, осознанно или неосознанно, связать русских с их «этнической родиной».

Официальная «национализирующая» риторика в Киргизии и Казахстане с момента распада СССР была достаточно сбалансированной; ее отличала ориентация, на дискурсивном уровне, на строительство многонационального государства и сохранение хороших отношений с Россией (несмотря на имевшие место подъемы и спады «тонуса» отношений). Для Киргизии это было особенно характерно в период президентства Аскара Акаева; после 2005 г. риторика стала более национально-ориентированной (особенно со стороны оппозиционных политиков), но не специфически антироссийской.

Национальные историографии и официальный дискурс двух стран хотя и отмечены динамизмом в отношении трактовок ряда чувствительных моментов общей истории, в целом признают достижения советского периода, рассматривая их позитивно — как часть совместно прожитого прошлого³⁶. В частности, это касается Великой Отечественной войны³⁷ которая вкупе с предшествующими ей событиями является одной из самых болезненных проблем в отношениях России со странами Балтии. Обращает на себя внимание и календарь официальных праздников двух стран, включающий такие совпадающие с российскими памятные даты, как Международный женский день, День Победы, День защитника Отечества.

Изменения советской топонимики и ресимволизация городских пространств, которые имели здесь место, значительно менее радикальны, чем в других постсоветских странах. Интересные соображения по теме можно найти в статье Салли Каммингс (*Sally Cummings*)³⁸, посвященной необычной судьбе (в сравнении с другими столицами постсоветских стран) памятника Ленину в Бишкеке³⁹.

В статье показано, что судьба памятника отражает тот факт, что он и связанное с ним прошлое до сих пор представляют для разнообразных групп титульных элит функциональную и символическую ценность. Автор приводит высказывания различных политиков и деятелей культуры Киргизии: «Мы уважаем историю, мы сохраним наши памятники»; «А почему мы должны вычеркнуть нашу историю? Разве это история кого-то другого? Или это история фашистов? Или она принадлежит иностранцам, которые пришли сюда? Нет, это была наша история!» и противопоставляет это мнение позиции властей стран Балтии. В частности, она приводит комментарий премьер-министра Эстонии Андруса Ансипа, в котором он выступает против восстановления в Таллине памятника Петру Первому: «Какое-то время назад Эстония допускала проникновение знаков и символов, абсолютно чуждых нашей

культуре. Мы были тогда более чем толерантны, но скажите мне: чем будут восхищаться прибывшие сюда иностранцы? Тем, что им уже знакомо по пребыванию на своей родине?»⁴⁰

Узбекистан, учитывая его усилия дезавуировать советское прошлое, стоит в рассматриваемом контексте несколько особняком. Так, например, созданный здесь по инициативе руководства страны Музей памяти жертв репрессий находится в ряду таких же музеев в странах Балтии, Грузии и на Украине⁴¹. Однако «...создатели музея старались избежать отождествления империи с русским народом... Такая предусмотрительность связана с пониманием того, что имперская и советская власть имели свои, весьма неоднозначные отношения с русскостью [см. начало данной главы. — *Н. К.*], а также с тем, что русская или, точнее, русскоязычная община является по-прежнему одним из наиболее значительных и влиятельных меньшинств в Узбекистане⁴²».

Взгляд «снизу»

Что касается позиции обычных людей в Центральной Азии, представители титульного населения, жившие при социализме, обычно позитивно воспринимают этот период. Подобных свидетельств в ходе полевых исследований автором книги собрано очень много. Приведу, в частности, мнение двух киргизов — будучи совершенно разными людьми с точки зрения происхождения, социокультурных и идеологических ориентаций, они демонстрируют сходные взгляды по интересующему нас вопросу. Первый приехал во Фрунзе из отдаленного села на учебу; носитель киргизского языка, в 1990-е гг. — активист движения «национального возрождения». Свое позитивное отношение к тому, что памятник Ленину не разрушили, а просто перенесли на другое место, он объяснил следующим образом:

«Р. Благодаря нашего великого отца мы получили образование, мы получили суверенитет. Всё, что мы достигли — естественно, это его заслуга.

И. Ленина?

Р. Да. Правильно там поставили, я согласен.

И. Передвинули?

Р. Да» (из интервью автора с мужчиной, киргизом, 43 года, Бишкек, 2008 г.).

Второй респондент — горожанин во втором поколении из семьи советской номенклатуры среднего уровня; успешный бизнесмен; сторонник западных ценностей и образа жизни; считает себя русскоязычным, а киргизский выучил в студенческие годы. Вопрос о том, какого памятника, по его мнению, не хватает в Бишкеке, послужил стимулом к размышлению о советском прошлом:

«Мне кажется, многонациональное что-то надо изобразить в памятнике... Советский период — это двадцатые годы и по девяносто первый. Вся структура, где мы ходим с вами, где мы с вами сидим, всё построено в советское время. Вот такого памятника не хватает... Без советского периода наша республика не поднялась бы. Мы все живем за счет того, что здесь семьдесят лет советской властью построено...» (из интервью автора с мужчиной, киргизом, 58 лет, Бишкек, 2011 г.).

Что касается более молодых поколений, их связь с прошлым опосредуется приверженностью к современной российской культуре, роль которой значительна даже в тех регионах, где русских уже немного. Стефан Кирмсе (*Stephan Kirmse*) в результате многолетних полевых исследований культурных предпочтений и практик киргизской молодежи г. Ош (на юге Киргизии) пришел к выводу о том, что глобалистские культурные «жанры» активно используются там в том виде, в каком они адаптированы и переосмыслены в современной российской молодежной среде⁴³.

Сошлюсь далее на исследования в Бишкеке, которые показывают, как определенные социально-политические условия могут актуализировать память о прошлом, ее консолидирующую функцию поверх «этнических границ».

Мигранты, прибывшие в город в больших количествах после событий 2005 г. и 2010 г. из депрессивных районов страны, ассоциировались старожилami (русскими и другими «европейцами», а также «городскими киргизами») с социально-политическими потрясениями («революции», социальный хаос и, в целом, демодернизация городского пространства и социально-культурного климата). В этих условиях апелляции к «советскому прошлому» стали важным ресурсом самоутверждения старожилов, способом их противодействия такой демодернизации. В процессе противодействия старожилов всех национальностей многочисленным мигрантам меж- и внутриэтническое взаимодействие отошло на задний план, а трудности городской жизни, которые осмысливались и объяснялись сквозь призму миграции, вызвали дружную ностальгию старожилов — и киргизов, и русских — по «нашему прекрасному Фрунзе»⁴⁴.

Такого рода воспоминания о «советском прошлом» подпитывали чувство пребывания всех, независимо от национальности, в одной лодке, раскачивающейся на волнах социально-экономической нестабильности. Вызванные внутренними миграциями похожие процессы социокультурного размежевания в городах Центральной Азии в контексте ностальгии по «советскому» изучены также на примере Ташкента и Алма-Аты⁴⁵.

Подводя итог анализу состояния исторической памяти в странах Центральной Азии, обратимся к приведенной в качестве эпиграфа цитате из интервью с жительницей Петропавловска. Не случайно упоминание моей собеседницей «прошлого, войны...». Жителей этого постсоветского региона, как показывают исследования, многое продолжает объединять друг с другом и с россиянами — через

преемственность (пост)советского опыта с его достижениями и пороками; через русскоязычное культурное пространство, потоки товаров и услуг, информационный и культурный обмен; через разного рода контакты, незримые связи в виде семейной памяти, ностальгии; наконец, через во многом схожие культурные коды и общность пережитого⁴⁶. Все названное относится к титульному населению (включая элиты), а не только к «европейцам», снижая на эмоционально-психологическом уровне их потребность в актуализации именно этнической идентичности.

Посмотрим кратко на ситуацию вокруг исторической памяти в странах Балтии. Сформированная титульными элитами интерпретация «советского», доминирующая в политическом и публичном дискурсах, ярко воплощает **раскол общества по этническому признаку**. Это, при прочих равных условиях, может способствовать **усилению чувства этнической «самости» местных русских, их консолидации в целях повышения социального статуса и самооценки**.

Доминирующий исторический нарратив, порожденный неоднозначным прошлым, но продолжающий определять отношения людей и народов в настоящем, несет на себе отпечаток непримиримости и этнической разделенности. Хорошей иллюстрацией сказанному может, в частности, служить то, как в Латвии вспоминали масштабную акцию «Балтийский путь»: 23 августа 1989 г. два миллиона жителей Латвии, Литвы и Эстонии взяли за руки и образовали своего рода живую цепь, выражая тем самым свой протест против советского режима.

В результате анализа позиций различных этносоциальных групп Дайна Эглитис и Лаура Ардава (*Daina Eglitis, Laura Ardava*) пришли к выводу, что «в Латвии, с ее этнически неоднородным населением, существует конфликт интерпретаций прошлого между титульной группой и определенной частью русскоязычных, представленных в

основном русскими. Этот конфликт памяти фокусируется на интерпретации Второй мировой войны и состоит, в частности, в противостоянии двух версий: советской «оккупации» и «освобождения» Латвии»⁴⁷.

В статье отмечается также, что данный раскол оказывает значительное влияние на политическую жизнь страны: партии в Латвии делятся по этническому признаку, а голосование «поверх этничности» (*across ethnic lines*) не является распространенной практикой в национальных выборах⁴⁸.

Хотя часть русскоязычных активно поддерживала независимость Латвии, их разочарование последующим ходом событий (снижение социального статуса, проблемы с получением гражданства и пр.) стало стимулом для их сплочения под знаменем памяти об «освобождении» — «нарратива этнического отчуждения» (*ethnic alienation narrative*)⁴⁹.

Было бы упрощением полагать, что единодушие между титульными элитами и титульным же населением стран Балтии по поводу интерпретации советского времени вообще и ключевых событий, затрагивающих регион, сохранилось до сих пор в неизменном виде. В какой-то мере можно говорить о расставании с иллюзиями, ведь переходный период был полон тягот и разочарований, что сделало людей менее восприимчивыми к предлагаемой «сверху» версии исторической памяти; они также стали вспоминать и позитивные аспекты советской жизни. Упомянутые авторы отмечают этот момент, ссылаясь на ряд исследований в самой Латвии и других странах Балтии⁵⁰. Однако эти сдвиги в ощущениях титульных групп не поколебали фундаментальный характер этнического водораздела в паттернах памяти, основанного на сохраняющемся «политическом и экономическом отчуждении» титульного и русскоязычного населения⁵¹.

* * *

В данном очерке сравнительного состояния идентичности «детей империи» в разных частях постсоветского пространства была предпринята попытка показать, что в рамках парадигмы «горячей» и «холодной» этничности русские Центральной Азии располагаются, при прочих равных условиях, ближе к «холодному» краю шкалы «этнической температуры». И связано это с историческими и современными социально-экономическими и политическими контекстами, в которых русские находятся (находились) в двух разных регионах.

Данный тренд видится довольно устойчивым во времени. В опубликованной в 2006 г. книге о русских и других «европейцах» постсоветской Центральной Азии, основываясь на выводах своего масштабного исследования, я предложила использовать при анализе положения русских в двух регионах разные подходы⁵². Так, в отношении балтийского «случая» был сделан вывод об актуальности прежнего, сложившегося в 1990-е гг., селективного подхода к русскоязычным ближнего зарубежья — как особой группе со специфическими интересами (в значительной мере связанными с их этничностью) и, соответственно, с особой программой и целями политико-социальной активности.

Было обращено внимание на тот важный момент, что сложившаяся после распада СССР в Эстонии и Латвии система доступа к власти и ресурсам значимым своим сегментом, в том числе и юридически закрепленным (в виде института безгражданства), направлена именно против данной части населения. В этом же состоит и региональная общность двух стран, что позволяет с определенными оговорками подходить к проблемам тамошних «русских» с едиными мерками.

Иное в странах Центральной Азии (в тех из них, которые были здесь объектом нашего анализа). Как я предположила, изучение положения русских и русскоязычных в регионе должно быть вписано в более широкий контекст

социально-политической эволюции центральноазиатских обществ. Имеется в виду изучение конкретной группы через анализ состояния общества в целом: существующих в нем трений, линий социокультурного, экономического и политического размежевания, источников конфликтов и видов депривации, а также подвижных низовых лояльностей и складывающихся на разных уровнях социальных коалиций.

Полевые исследования автора последних десяти лет (в Киргизии, Узбекистане и Казахстане), как представляется, свидетельствуют о сохранении актуальности высказанных предположений. Показательно в этой связи, что с конца 1990-х — начала 2000-х гг. (период, когда обо-значилось существенное замедление миграций русских из Центральной Азии в Россию) вышло крайне мало публикаций, посвященных русским жителям региона⁵³, на фоне регулярно появляющихся работ о ситуации вокруг русских в странах Балтии, их идентичности, социально-политической активности и пр.⁵⁴

Две территории постсоветского пространства были рассмотрены в данной главе книги с акцентом на различия между ними, нежели внутри них. Однако в дальнейших исследованиях может оказаться важным сравнение именно стран, в силу нарастающей специфики социально-политических трансформаций странового уровня, способных оказать свое влияние на идентичность «детей империи».

Наконец, думая о возможной динамике описанных здесь трендов, нельзя сбрасывать со счетов и Россию как формальную «историческую родину». Имеются в виду не зигзаги ее диаспоральной политики, что рутинно упоминается в литературе в данном контексте, а возможное воздействие ее национального проекта (как было показано в параграфе 2.5, пока сохраняющего открытый характер), на самоощущения «детей империи» в различных постсоветских странах⁵⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Giles H., Bourhis R.Y. & Taylor D.M. Towards a Theory of Language in Ethnic Group Relations / Language, Ethnicity and Intergroup Relations. Ed. by H. Giles. L.: Academic Press, 1977. P. 307. Цит. по: Эхала М., Забродская А. Этнолингвистическая витальность этнических групп стран Балтии // Диаспоры. 2011. № 1. С. 6.

² Подр. эти идеи изложены в: *Ehala M. Hot and Cold Ethnicities: Modes of Ethnolinguistic Vitality* // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2011. Vol. 32. № 2. Некоторые результаты социологических исследований идентичности различных групп экспатриированных меньшинств в постсоветских странах, проведенные в рамках этой концепции, изложены в: *Эхала М., Забродская А. Этнолингвистическая витальность этнических групп стран Балтии...*; *Забродская А., Эхала М. Что для меня Эстония? Об этнолингвистической витальности русскоязычных* // Диаспоры. 2010. № 1; *Nosenko-Stein E. Still Warm but Getting Colder: Changing Ethnic Identity of Post-Soviet Jewry* // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2014. Vol. 35. № 2; *Polese A. Between «Official» and «Unofficial» Temperatures: Introducing a Complication to the Hot and Cold Ethnicity Theory from Odessa* // Ibid.

³ *Brubaker R., Feischmidt M., Fox J., Grancea L. Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town.* Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2006. P. 15.

⁴ Ibid. P. 12.

⁵ О содержании этого термина см. главу 2, параграф 2.5, прим. 20.

⁶ Госкомстат Казахстана подвел итоги переписи 2009 года. 5 февраля 2010 г. (URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1265318280>). (дата обращения: 12.11.2021).

⁷ В постсоветский период переписи населения в этой стране не проводились. См.: Выехавших из Узбекистана для ПМЖ в России стало меньше почти в два раза. 27 января 2020 г. (URL: <https://ria.ru/20200127/1563907227.html>). (дата обращения: 12.11.2021).

⁸ См.: Этнический состав Кыргызстана, 2016 (URL: <http://knews.kg/2016/03/etnicheskij-sostav-kyrgyzstana-russkikhstanovitsya-menshe-uzbekov-bolshe-3/>). (дата обращения: 12.11.2021).

⁹ Шустов А. В Средней Азии проживает 5 миллионов славян. 30 лет назад их было вдвое больше. 11 декабря 2020 г. (URL: <https://www.ritmurasia.org/news--2020-12-11--v-srednejazii-prozhivaet-5-mln-slavyan-esche-30-let-nazad-ih-bylo-vdvoebolshe-52313>). (дата обращения: 12.11.2021).

¹⁰ Population Census. Latvijas Statistika. 2011. URL: <http://www.csb.gov.lv/en/statistikas-temas/population-census-30761.html>. (дата обращения: 15.11.2021).

¹¹ Population and Housing Census. 2011. Statistical Office of Estonia. (URL: <http://www.stat.ee/population-census>). (дата обращения: 15.11.2021).

¹² Бразаускаене Е., Лихачёва А. Русские в современной Литве: языковые практики и самоидентификация // Диаспоры. 2011. № 1. С. 62.

¹³ Обширный эмпирический материал на эту тему представлен, в частности, в статье Елены Бразаускаене и Аллы Лихачёвой (см. прим. 12). Замечу в скобках, что подобный выбор идентичности является еще одним вариантом (кроме наблюдаемого в ЦА) расположения группы ближе к «холодному» краю шкалы «этнической температуры».

¹⁴ Эти идеи, в частности, развивает британский историк Нил Мелвин (*Neil Melvin*) в одной из глав книги, посвященной диаспорам, появившимся после распада СССР в результате движения границ. См.: *Melvin N.J. The Russians: Diaspora and the End of Empire // Nations Abroad. Diaspora Politics and International Relations in the Former Soviet Union. Ed. by Ch. King & N.J. Melvin. Boulder: Westview Press, 1998. P. 27–34.*

¹⁵ Ibid. P. 33. См. также: *Björklund F. Ethnic Politics and the Soviet Legacy in Latvian Post-Communist Education: the Place of Language // Nationalism and Ethnic Politics. 2010. Vol. 10. № 1. P. 118.*

¹⁶ Канпелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997. С. 177.

¹⁷ Недаром в период перестройки наиболее активное противодействие титульным движениям суверенизации пытались оказывать в некоторых республиках так называемые Интерфрон-

ты, главной целью которых было сохранение советской системы, а не защита прав собственно русских жителей. См.: *Melvin N.J. The Russians: Diaspora and the End of Empire...* P. 34.

¹⁸ Подр. см.: *Космарская Н.П. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992–2002)*. М., 2006. С. 190–198.

¹⁹ См., напр.: *Подпоренко Ю. Бесправен, но востребован. Русский язык в Узбекистане // Дружба народов*. 2001. № 12. Этот вывод подкреплен полевыми исследованиями 2014–2019 гг. в Ташкенте, Ташкентской области и Фергане, проведенными социологом Юлией Цыряпкиной. См.: *Цыряпкина Ю.Н. Правовой статус и сферы применения русского языка в постсоветском Узбекистане / Отношение к России в Центральной Азии (история, политика, культура)*. Отв. ред. Н.П. Космарская. М., 2021.

²⁰ Итоги национальной переписи Республики Казахстан 2009 года. Аналитический отчет. Астана, 2011. С. 24.

²¹ Перепись населения Кыргызской Республики 2009 года (URL: <https://unstats.un.org/unsd/demographic/meetings/wshops/.../2012/.../Kyrgyzstan.ppt>). (дата обращения: 12.11.2021).

²² *Абдуллаев Е. Русский язык: жизнь после смерти. Язык, политика и общество в современном Узбекистане // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. М., 2009. № 4.

²³ *Laruelle M. Introduction. The Nazarbaev Generation. A Sociological Portrait // The Nazarbaev Generation: Youth in Kazakhstan*. Ed. by M. Laruelle. Boulder: Lexington Books, 2019. P. 9.

²⁴ *Абдуллаев Е. Русский язык: жизнь после смерти...*

²⁵ *Мамедов Г. Русский язык в Кыргызстане: дискурс и нарративы*. 27 сентября 2012 г. (URL: <http://www.art-initiatives.org/&p=3759>). (дата обращения: 13.11.2021).

²⁶ Там же.

²⁷ *Kirmse S. «Nested Globalization» in Osh, Kyrgyzstan: Urban Youth Culture in a «Southern» City // Urban Spaces After Socialism. Ethnographies of Public Spaces in Eurasian Cities*. Ed. by Ts. Darieva, W. Kaschuba & M. Krebs. Frankfurt–N.Y.: Campus, 2011. P. 294.

²⁸ Подр. см.: Флорин М. Элиты, русский язык и советская идентичность в постсоветской Киргизии // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2011. № 6. С. 231 .

²⁹ См., напр., главу 3 разд. I в: Космарская Н.П. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии... С. 166–202. См. также более поздние работы, основанные на полевых исследованиях последних лет, в частности, в Казахстане: *Kosmarskaya N., Kosmarski A. Russian Culture in Central Asia as a Trans-Ethnic Phenomenon / Global Russian Cultures*. Ed. by K. Platt. Madison: University of Wisconsin Press, 2019; Космарская Н., Савин И. Судьба русского языка в Казахстане: возможности и барьеры использования российской «мягкой силы» // Восток (Oriens). 2020. № 5.

³⁰ См.: *Fierman W. Russian in Post-Soviet Central Asia: A Comparison with the States of the Baltic and South Caucasus* // *Europe–Asia Studies*. 2012. Vol. 64. № 6.

³¹ Ibid. P. 1077.

³² Ibid. P. 1099. Говоря о странах региона, ученый четко разделяет Узбекистан, Туркмению и Таджикистан, с одной стороны, и Казахстан и Киргизию, с другой — как государства с более многочисленным «европейским» населением и менее этноцентристскими (*more inclusive*) проектами нациестроительства.

³³ Так, например, во время оживленных дискуссий вокруг состоявшегося в феврале 2012 г. в Латвии референдума о предоставлении русскому языку официального статуса, президент Эстонии Томас Х. Ильвес в интервью швейцарской газете «Bund» назвал его «языком оккупационной власти» (URL: http://novostimira.com/novosti_mira_12876.html). (дата обращения: 14.11.2021).

³⁴ См.: *Björklund F. Ethnic Politics and the Soviet Legacy in Latvian Post-Communist Education: the Place of Language* // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2010. Vol. 10. № 1. P. 108.

³⁵ Речь идет о событиях апреля 2007 г. в Таллине, вызванных переносом Бронзового солдата; о протестах против реформы школьного образования в Латвии (предполагающей постепенное вытеснение русского как языка преподавания из «русских» школ, где обучаются в основном нетитульные меньшинства); бурные общественные дебаты в Латвии в период подготовки и

проведения референдума о придании русскому языку официального статуса (февраль 2012 г.).

³⁶ См., напр.: *Савин И.С.* Молодежь Казахстана и Киргизии о роли России в национальной истории / Отношение к России в Центральной Азии (история, политика, культура). Отв. ред. Н.П. Космарская. М., 2021.

³⁷ См., напр.: *Космарская Н.П.* Память о войне и отношение ко Дню Победы в современном Казахстане / Несломленный народ: от общей победы к общей исторической памяти. Под ред. М.А. Липкина, Б.Г. Аягана. М., 2021.

³⁸ *Cummings S.N.* Leaving Lenin: Elites, Official Ideology and Monuments in the Kyrgyz Republic // *Nationalities Papers*. 2013. Vol. 41. № 4.

³⁹ Он весьма долго — до лета 2003 г., оставался на прежнем месте, перед бывшим музеем своего имени на главной площади Бишкека, а потом был перенесен на несколько сот метров, оставаясь также в центральной, «парадной» части города.

⁴⁰ *Cummings S.N.* Leaving Lenin... P. 617.

⁴¹ *Абашии С.* Мустакилик и память об имперском прошлом: проходя по залам ташкентского Музея памяти жертв репрессий // *Неприкосновенный запас*. Дебаты о политике и культуре. М., 2009. № 4.

⁴² Там же. С. 6 [цит. по электронной версии журнала]. См.: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/ab6-pr.html>. (дата обращения: 15.11.2021).

⁴³ Подр. см.: *Kirmse S.* «Nested Globalization» in Osh, Kyrgyzstan... См. также монографию того же автора «Youth and Globalization in Central Asia: Everyday Life Between Religion, Media, and International Donors». Berlin: Campus Verlag, 2013.

⁴⁴ Подр. см.: *Flynn M., Kosmarskaya N.* Exploring «North» and «South» in Post-Soviet Bishkek: Discourses and Perceptions of Rural-Urban Migration // *Nationalities Papers*. 2012. Vol. 40. № 3. P. 463–466.

⁴⁵ См.: *Kosmarski A.* Grandeur and Decay of the «Soviet Byzantium»: Spaces, Peoples, and Memories of Tashkent, Uzbekistan // *Urban Spaces After Socialism. Ethnographies of Public Places in Eurasian Cities...*; *Bissenova A.* The Fortress and the Frontier: Mobility,

Culture, and Class in Almaty and Astana // *Europe-Asia Studies*. 2017. Vol. 69. № 4.

⁴⁶ См., напр.: *Флорин М.* Элиты, русский язык и советская идентичность...; *Umetbaeva D.* Paradoxes of Hegemonic Discourse in Post-Soviet Kyrgyzstan: History Textbooks and History Teachers' Attitudes Towards the Soviet Past // *Central Asian Affairs*. 2015. Vol. 2. № 3; *Bissenova A.* The Fortress and the Frontier...; *Flynn M., Kosmarskaya N., Sabirova G.* The Place of Memory in Understanding Urban Change in Central Asia: the Cities of Bishkek and Ferghana // *Europe-Asia Studies*. 2014. Vol. 66. № 9; Отношение к России в Центральной Азии (история, политика, культура). Отв. ред. Н.П. Космарская. М., 2021.

⁴⁷ *Eglitis D.S., Ardava L.* The Politics of Memory: Remembering the Baltic Way 20 Years After 1989 // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64. № 6. P. 1038. См. также с. 1056.

⁴⁸ Ibid. P. 1056.

⁴⁹ Ibid. P. 1047.

⁵⁰ Имеется в виду, в частности, исследование в Литве, фиксирующее ностальгию социально уязвимых слоев литовского общества по экономической стабильности позднего социализма. См.: *Klumbytė N.* Memory, Identity, and Citizenship in Lithuania // *Journal of Baltic Studies*. 2010. Vol. 41. № 3.

⁵¹ См.: *Eglitis D.S., Ardava L.* The Politics of Memory... P. 1045, 1048, 1052.

⁵² Подр. см.: *Космарская Н.П.* «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии... С. 575–576.

⁵³ Вышедшая в 2007 г. на русском языке книга о русских Казахстана (в переводе с французского) была издана на языке оригинала гораздо раньше. См.: *Ларюэль М., Пейруз С.* «Русский вопрос» в независимом Казахстане: история, политика, идентичность. Пер. с фр. Т. Григорьевой. Литературная обработка, научная редакция и предисловие Н. Космарской. М., 2007. Из недавних работ упомянем сравнительное исследование идентичности русских в двух интересующих нас регионах, но в специфических приграничных контекстах (гг. Нарва и Петропавловск). См.: *Jašina-Schäfer A.* Ethnic Belonging in Post-

Soviet Borderlands. Russian-Speakers in Estonia and Kazakhstan. Lanham: Lexington Books, 2020.

⁵⁴ Вот лишь некоторые из работ последнего десятилетия (в хронологическом порядке): *Björklund F.* Ethnic Politics and the Soviet Legacy in Latvian Post-Communist Education: the Place of Language // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2010. Vol. 10. № 1; *Vihalemm T. & Jakobson V.* Representations of the Past in the Estonian Russian-Language Press: «Own» or Diaspora Memory? // *Nationalities Papers*. 2011. Vol. 39. № 5; *The Russian Second Generation in Tallinn and Kohtla-Järve: the TIES Study in Estonia*. Ed. by R. Vetik, J. Helemae. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2011; *Cheskin A.* Synthesis and Conflict: Russian-Speakers' Discursive Response to Latvia's Nationalizing State // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64. № 2; *Pfoser A.* Between Russia and Estonia: Narratives of Place in a New Borderland // *Nationalities Papers*. 2014. Vol. 42. № 2; *Grigas A.* The New Generation of Baltic Russian-Speakers. *EurActiv Opinions*. 2014, 28 November; *Cheskin A.* Russian-Speakers in Post-Soviet Latvia: Discursive Identity Strategies. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016; *Polese A., Seliverstova O.* Luxury Consumption as Identity Markers in Tallinn: A Study of Russian and Estonian Everyday Identity Construction Through Citizenship // *Journal of Consumer Culture*. 2019. Vol. 20. № 2; *Jašina-Schäfer A., Cheskin A.* Horizontal Citizenship in Estonia: Russian-Speakers in the Borderland City of Narva // *Citizenship Studies*. 2020. Vol. 24. № 1.

⁵⁵ Как отмечал Валерий Тишков, «если в России будут больше говорить о российском народе или нации, то статус и значимость русскости вообще тем самым как бы снижается не только в России...». См.: *Тишков В.А.* Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // *Диаспоры*. 2003. С. 176.

3.2. Идентичность сквозь призму институциональных усилий «родины»

«— А как вы относитесь
к армянским организациям?
— Их работа мало интересна мне
и мало убедительна в принципе»

(мужчина, армянин, г. Москва, 2019 г.)

В книге было уделено большое внимание диаспоральной политике различных стран постсоветского (постсоциалистического) мира. Несмотря на различия в целях, подходах и формах деятельности, многие «родины» (за исключением тех, где диаспора вообще не входит в число государственных приоритетов) стремятся «материализовать» свою деятельность через создание в странах приема сети диаспоральных организаций. Кроме того, «родина» стремится опекать местные объединения, созданные усилиями проживающих там активистов. Данная часть книги посвящена важному вопросу о том, как относятся к этим организованным формам диаспоральной жизни «родственные меньшинства». Соответственно, возникает следующий вопрос: существуют ли формы **консолидации, лояльности и «низовой» политической (гражданской) активности, альтернативные** поддержке официальных диаспоральных организаций или непосредственному участию в их работе? Мы продолжим рассмотрение темы идентичности на примере русских (русскоязычных), привлекая для этого материалы собственных исследований в Центральной Азии, а также материалы, касающиеся и других этнических групп вне «родины».

Напомним, что в лице «детей империи» мы имеем дело не со «свежими» мигрантами, испытывающими «шок» от столкновения с новой средой и стремящимися к тому, чтобы пестовать свою этническую идентичность за пре-

делами сферы семейного общения, но в кругу «своих» (с помощью создаваемых на новом месте проживания общественных и культурных центров, языковых школ, религиозных объединений и пр.). Напротив, это люди, которые хорошо интегрировались в культурные социумы стран своего многолетнего проживания. Кроме того, в историческом контексте идентичность «детей империи», как уже было показано (см. параграф 3.1), формировалась как надэтническая, а многонациональный состав этих сообществ и их индустриально-урбанистический образ жизни давно выветрили те остатки «общинного духа», которые были свойственны их прадедам и прапрадедам — выходцам из крестьянской среды.

Конечно, русскоязычные пережили шок, но главным образом от потери своего прежнего статуса в республиках, а также, вместе во всем населением бывшего СССР, от безвозвратного ухода в прошлое прежней системы с ее стабильностью и социальными гарантиями. Веер вставших перед ними насущных проблем оказался гораздо шире, нежели потребности сохранения этнической идентичности, равно как более разнообразными, нежели создание неких замкнутых «этнических общин», являются и возможности их решения — на индивидуальном и групповом уровне (в последнем случае консолидация, пусть не принимая массовых форм, совсем не обязательно происходит по этническому признаку). Сказанное в первую очередь относится к русским (русскоязычным) Центральной Азии.

Отсюда становится вполне предсказуемым, что «институты русской диаспоры», т. е. созданные обычно по инициативе (или с молчаливого согласия) властей и опекаемые Россией (или стремящиеся к такой опеке) «организации соотечественников» — фонды, национально-культурные центры и т. п., не пользуются большим авторитетом среди рядовых русскоязычных граждан, которые зачастую и не подозревают об их существовании.

Даже в Казахстане, где русские организации были в первой половине 1990-х гг. гораздо мощнее киргизстанских и имели реальные шансы сказать свое слово в политике, позднее они лишились поддержки «снизу». Это было убедительно показано в работе французских политологов Марлен Ларюэль и Себастьяна Пейруза (*Marlène Laruelle, Sebastien Peyrouse*), которые, в частности, отмечали: «Оторванность от “масс” тем сильнее, чем более явно выражена не только политическая, но и, если можно так выразиться, националистическая ангажированность руководителей объединений. Им трудно понять чувство привязанности части русского населения к Казахстану и, соответственно, его равнодушие к “этническому” и “коллективному” в условиях, когда идентичность все более становится частным делом»¹.

Мои полевые исследования 1990-х — первой половины 2000-х гг. в Киргизии показали, в частности, что отношение рядовых русскоязычных жителей Бишкека к существующей с начала 1990-х гг. и наиболее известной в тот период «русской организации» — Славянскому фонду было либо негативным, либо «никаким». Даже столичные жители проявляли слабую осведомленность о деятельности фонда или вообще не знали о его существовании².

При подобном отношении населения это и другие объединения, помогавшие России (возможно, неосознанно) создавать или укреплять имидж «родины», вряд ли могли претендовать на роль институциональной базы диаспоры, порожденной «состоянием души» ее членов.

В унисон позиции рядовых граждан звучали и мнения экспертов, не связанных с официальными институтами «соотечественников» — как правило, людей более информированных и тоньше чувствующих сложный социально-политический фон, на котором в Киргизии развивались сами «русские» организации, а также формировались массовые установки и поведенческие стратегии.

В массиве называвшихся респондентами разноплановых причин отстраненности людей от своих защитников (в лице формальных институтов «диаспоры») была одна, на которую хотелось бы обратить особое внимание. На примере «Славянского Фонда» хорошо были видны нечеткость целей его деятельности и такая же аморфность объекта опеки. Недаром респонденты, пытаясь вспомнить, что они знают о Фонде, перечисляли разноплановые функции, являющиеся к тому же одновременно «зоной ответственности» и российского посольства, и местного представительства тогда еще существовавшей Федеральной миграционной службы, а разные эксперты упрекали Фонд то в чрезмерном увлечении политикой, то, наоборот, в пренебрежении этой важнейшей работой.

Формулировка руководителей Фонда: «стараясь сохранить атмосферу, которая бы не вынуждала к отъезду» выглядела крайне расплывчатой. Многие тут вообще было вне компетенции подобных организаций (в частности, вопросы, требовавшие переговоров между Киргизией и Россией, принятия межгосударственных решений) либо просто им не по силам в принципе, если действовать в одиночку (например, когда люди продолжали уезжать из Киргизии в первую очередь по экономическим причинам). Далее, Фонд и другие аналогичные организации не могли претендовать и на нишу защиты прав человека (будучи вынужденными в данном случае делить ее с несколькими «неэтническими» организациями), поскольку это универсалистская концепция, не привязанная к национальности.

Отмечу, что такая неопределенность целей отражала рассмотренную в параграфе 2.5 несформированность стратегии самой «родины», в данном случае России, по поводу того, кого именно необходимо опекать и поддерживать, когда речь шла о «соотечественниках», а отсюда и трудности ответа на вопрос: как и зачем помогать?

Вызывает вопросы и культурная составляющая деятельности Фонда, поскольку, как уже неоднократно говорилось выше, русский язык, культура и образование не являются в Центральной Азии, а в Киргизии в особенности, ценностью лишь так называемых этнических русских, которую надо хранить и возрождать в заповедниках «русских общин».

Конечно, здесь все далеко не безоблачно; но в улучшении ситуации опять же объективно заинтересованы далеко не только русские и другие «европейцы». Возможно, именно поддержка русскоязычного культурного пространства — с помощью России, в разнообразных формах и с самым широким набором адресатов (вспомним высказанную в конце параграфа 2.5 идею о потенциальной плодотворности помощи России «всем людям здесь»), и могла бы стать наиболее благодарной функцией организаций «соотечественников» — и с гуманитарной точки зрения, и исходя из российских национальных интересов.

Контрастной формой институциональной активности, более приближенной к диаспоральной, служит работа центров, представляющих не крупные по численности группы, язык и культура которых сохранились в основном в рамках семьи (если вообще не утеряны). В Киргизии таковой была, например, деятельность Белорусской общины «Свитанок» и Украинского национально-культурного центра «Берегиня». Туда приходили (в основном пожилые люди), чтобы пообщаться на родном языке, послушать песни, почитать газеты, книги, привезенные с родины; они шли также в надежде на помощь и просто сочувствие знакомых, друзей. По словам председателя «Берегини», целью центра было «научиться жить в условиях диаспоры», искать и поддерживать «сознательные проявления украинской жизни», не стремясь решать при этом «политические и миграционные задачи».

Итак, происхождение «русских организаций», отношение к ним обычных людей, размытость целей и объекта

попечительства в рамках рассматриваемого примера плохо укладываются в институциональную модель диаспоры. Я полагаю, это не случайно. Дело в том, что стимулы к этнической консолидации с опорой на «родину» и к соответствующим совместным действиям для русскоязычных в Киргизии были в интересующий нас период существенно слабее, нежели для сплочения «по убеждениям» с теми, кто их разделял, независимо от этнического происхождения (обоснованию этого тезиса на примере сравнительного анализа положения русских в Центральной Азии и странах Балтии посвящен параграф 3.1).

Политическое размежевание органично дополняло картину расслоения по экономическому и социокультурному признаку. Один из главных водоразделов в обществе проходил не по линии «русскоязычные — титульные», а по линии «власть — оппозиция» (в широком, а не в узкополитическом смысле), в рядах которой находили свое место представители всех населяющих страну групп, включая и титульную.

На мой взгляд, из всех стран Центральной Азии в Киргизии тогда, в период президентства Аскара Акаева, сложились условия, в наибольшей степени способствовавшие разворачиванию именно такого, **недиаспорального сценария низовой политической/гражданской активности**. Естественно, при этом надо учитывать, что речь идет о предпочитаемой модели поведения для тех людей, которые в принципе готовы «высовываться», а их в любом обществе не очень много.

Во-первых, стране был присущ относительно мягкий авторитаризм и слабый контроль властей над обществом, по сравнению, скажем, с Казахстаном, где режим управлял более твердой рукой (понятно, что о каком-либо легальном политическом протесте в остальных трех государствах региона речь вообще не может идти). Во-вторых, экономическое положение все постсоветские годы прогрессивно ухудшалось: как известно, ситуация обратного

типа могла бы, при прочих равных условиях, способствовать «умиротворению» как населения, так и политической оппозиции.

Наконец, напомним о том важном моменте, что в Киргизии, совершившей в 2000 г. прорыв на языковом фронте (придание официального статуса русскому языку на конституционном уровне), слабо действует (и это актуально до сих пор) важнейший стимул консолидации по этническому (этнокультурному) признаку — борьба за сохранение русскоязычного культурного пространства (см. подр. параграф 3.1).

Наблюдавшийся в Киргизии в 1990-е — первой половине 2000-х гг. расклад политических сил и социально-экономическая динамика говорят о доминировании общенациональных стимулов к действию над этническими. Имеются в виду разгул коррупции, распространение бедности, неэффективная социальная политика, клановость и пр. Именно на данной платформе происходило сближение различных оппонирующих власти сил. И те русскоязычные, которые считали нужным участвовать в таком оппонировании делом, выступали как граждане страны, а не как представители конкретной этнокультурной или этнической группы.

Отмечу также, что Киргизия, с демонстрируемой ею **неэтнической моделью гражданской активности русскоязычных и их отношением к институтам «диаспоры»**, отнюдь не уникальна на фоне остальных бывших республик. В имеющихся публикациях можно прочитать, например, о сугубо партийных пристрастиях русских в Эстонии³ или о том, что в Казахстане даже эксперты, в том числе и русские, были недостаточно осведомлены о существовании «русских» организаций⁴.

Интересные данные и выводы можно найти в статье Игоря Савина. Судя по результатам опроса 50 представителей русской элиты Казахстана, они, за исключением самих активистов «русских» организаций, не очень стре-

мятся к сотрудничеству с последними; не считают, что «русская община в Казахстане существует», и не вполне согласны с тем, что права русских в этой стране необходимо защищать через «специальные организации»⁵.

Новые полевые исследования, проведенные в Киргизии в последние 15 лет, не выявили принципиальных сдвигов в идентичности русскоязычных и выборе ими «партнеров» по неформальным коалициям, ведь речь идет о социальных процессах низового уровня, которые отличаются значительной степенью инерционности.

А вот что касается собственно политической жизни, в Киргизии ситуация с участием в ней населения уже давно напоминает казахстанскую, где режим правил и правит гораздо более твердой рукой (за исключением короткого периода бурной оппозиционной активности в первой половине 1990-х): «Как большинство бывших советских граждан, русские сегодня отвернулись от политики, в которой они активно участвовали только в период перестройки и в первые годы независимости. Политическое поле воспринимается как чуждое, находящееся за пределами повседневных забот, полностью захваченное коррумпированными элитами, которые обогащаются за счет народа, в то время как каждый сегодня старается выжить, обеспечить себе приемлемый уровень дохода»⁶.

В завершение этого регионального сюжета позволю себе привести довольно пространный отрывок из интервью с двумя русскими женщинами, состоявшегося осенью 2008 г. в Бишкеке. Их рассказ показывает в концентрированной и экспрессивной форме разнонаправленность ожиданий и позиций «этнической родины» и тех, кого ее полномочные представители считают «своими людьми» в новых независимых государствах:

«О. Вам хотела рассказать, еще одна история... будучи на одном круглом столе, мы там были, обсуждали, вдруг встает российский..., ну, атташе или консул, начинает говорить: "Вот вы нам указали, сколько наших русских про-

живает..., а теперь еще скажите, сколько наших башикир и татар у вас тут проживает?” На этом месте я... у меня крыша поехала; я, конечно, не удержалась, встала и сказала: “Вы знаете, у нас и так достаточно сложная ситуация, чтобы нас здесь признавали в качестве своих, а не ваших. Вы ведете себя таким образом, что как бы претендуете на нас, и тем самым усложняете нашу собственную жизнь”. Он на меня обиделся со страшной силой. В перерыве я подошла к нему разговаривать, так, по-человечески... Он оскорбил меня, сказал: “Предательница!”, повернулся и ушел. Это было просто поразительно!

НК. Да, Россия выстраивает свою политику в отношении “соотечественников” на принципе, что...

О., С. (говорят вместе) ...что мы “их”...

С. (громко) Хоть что-нибудь, хоть что-нибудь отсюда здесь видно? Вот ничего! Если мы “колонисты”, ну, бог с ними, пусть “колонисты”, тогда Россия тут что-то... какие-то политики должна здесь разворачивать по идее... А я и знать не знаю никого в посольстве!

НК. А там есть должность, была, по крайней мере — советник по работе с русскоязычным населением...

С. Где?

НК. В посольстве, в нашем посольстве, была все время. А чем он занимается — фестиваль, казачий хор...

О. Но это все такая этника...

НК. Да, этника, то есть этничность понимается как набор неких фольклорных черт...

О. Работали бы лучше с русским языком. Вот это катастрофически надо! Это уже признали на уровне нашего правительства, уже делают многоязычную программу, сейчас нужна будет большая помощь, работа для того, чтобы помочь всем людям здесь...»

Хотя и мельком и совершенно бытовым языком, в представленном отрывке сказано о нескольких ключевых для нашей темы проблемах. Во-первых, «русские» хотели

бы, чтобы их считали в стране проживания «своими», но добиться признания себя таковыми со стороны титульной группы может быть нелегко, особенно если Россия сама на них «претендует». Во-вторых, «институты диаспоры» слабы, существуют с главным объектом своей опеки как бы в параллельных мирах и занимаются «не тем, чем надо», ориентируясь либо на не самые значимые для людей (причем — «всех людей») проблемы, либо на педалирование, в форме праздников, фестивалей, концертов и пр., фольклорных черт русскости, мало актуальных для русских как постимперского меньшинства (см. параграф 3.3).

Каким может оказаться характер институционализации, если выйти за рамки (пост)имперскости и посмотреть на диаспоры, образованные путем различных миграционных перемещений? Сразу хотелось бы отделить западные концепции культурной адаптации мигрантов, а также западный контекст институционального становления диаспор от постсоветского контекста — каким он видится по пока немногочисленным, но достаточно информативным публикациям.

Действительно, по опыту послевоенных иммигрантских меньшинств в Европе, при погружении в совершенно новую и далеко не всегда гостеприимную среду опора на этнические объединения зачастую является жизненно необходимой. Вот как описывает этот процесс один из известных теоретиков диаспоры Габриэль Шеффер (*Gabriel Sheffer*): «В течение первоначального периода, когда мигранты... пытаются узнать как можно больше о всех подводных камнях новой, противостоящей им социальной системы, многие из них либо присоединяются к существующим диаспоральным организациям **своей этнической группы** [выделено мной. — *Н.К.*], либо начинают создавать их сами. Взаимоувязанные цели этих усилий — облегчить адаптацию в стране приема и поддерживать контакты с родиной»⁷.

Выходцы из постсоветских стран, оказавшиеся в результате различных форм преимущественно добровольной миграции на Западе, тем не менее в данную «этническую» схему не вполне вписываются. Оказавшись в новой языковой, культурной и социально-политической среде, такие мигранты, как показывают проведенные в разных странах Европы исследования, действительно проявляют значительную «низовую» активность по созданию (полу)формальных и неформальных сетей, которые обслуживали бы их культурные, бытовые, психологические, образовательные, организационные нужды⁸. Но построены ли эти структуры и сети четко по этническому признаку? Так бывает далеко не всегда. Интересным исследовательским вопросом является влияние различных характеристик отправляющего общества (советского/постсоветского) на параметры «скрепляющей» миграционные сообщества идентичности и лояльности.

На примере бакинских евреев в Берлине Севиль Гусейнова привлекает наше внимание к значимости советского городского космополитизма (возможно, в наибольшей степени типичного для Баку и Ташкента на фоне других крупных индустриальных центров союзных республик) как основы, сплачивающей выходцев из Баку разных национальностей и разных волн⁹. Вывод исследования звучит следующим образом: «Фактически сообщество бакинцев Берлина является системой неформальных сетей дружбы (общения) и участия в работе формальных институций “по интересам”. И посетители клубов, и неформальные сети гетерогенны по своему составу и включают всех бывших жителей СССР... По сути, этнический ресурс [возможности еврейских общин Баку и Берлина — *Н.К.*] используется с целью конструирования сетей и организаций, целью которых является объединение акторов по неэтническому признаку — локальной городской идентичности»¹⁰.

По наблюдениям Оксаны Моргуновой, изучавшей идентичность русскоязычных выходцев из бывшего СССР в Британии по материалам форумов в социальных сетях, объединяющей основой для их общения и формализации такого общения становится более глобальная идея «европейскости». Именно она становится основой общности данной группы, отделяющей их от мигрантов-неевропейцев (выходцев из стран третьего мира)¹¹.

Учитывая сказанное, я бы предложила для осмысления природы подобных сообществ термин «культурная диаспора». В принципе под культурой в контексте диаспоральной жизни обычно имеются в виду три момента. Первое — культурная сторона жизни в диаспоре; что происходит с культурой страны исхода, выживает ли она, развивается или обедняется? Второе — сохранение культуры, языка и фольклора того или иного народа за пределами основного этноисторического ареала. Третье — культурный продукт самих диаспорных групп, не имеющий аналогов на «родине» и порожденный условиями рассеяния (яркий пример — искусство выходцев из Карибского бассейна).

Предлагаемая трактовка термина «культурная диаспора» видит диаспору не как **этнический**, а как **культурный проект**, когда чувство сплоченности и возникающие на его основе различные (не)формальные сети и структуры базируются на общности культурно-образовательных и воспитательных паттернов, вынесенных из страны исхода, причем иногда — из уже не существующей реальности («советское»). В качестве примеров можно привести «бакинцев»; возможно — «русских евреев» в Израиле; в определенных контекстах — более широкую категорию носителей русского языка и русской культуры в эмиграции. Поскольку деятельность России как «родины» лишь сравнительно недавно стала адресоваться и «русским» дальнего зарубежья (оказавшимся вне «родственного государства» в результате миграции), вопрос о восприятии

этой группой «соотечественников» встречных усилий России, будь то институциональная, культурная или иная работа, пока исследован недостаточно.

Наконец, обратимся к особенностям организованной «диаспоральной» жизни экспатриированных групп, образовавшихся путем миграционных перемещений на территорию России. Первый пример касается российских армян, многосоставной группы, сформированной различными волнами миграции, в том числе и дореволюционного периода; второй пример — относительно недавних трудовых мигрантов из стран Центральной Азии.

Часть российских армян проживает в России на протяжении не одного поколения, а это значит, что их современные потомки не стоят перед острыми проблемами адаптации к незнакомым условиям. В случаях «свежих» мигрантов мы также имеем дело с людьми, попадающими в результате миграции в относительно знакомую среду, с точки зрения менталитета, культуры, языка и пр. Действительно, речь идет о людях, менявших место своего проживания, будь то добровольно или вынужденно, в пределах одного государства или в пределах территорий, бывших недавно одним государством (СССР). В этих условиях вряд ли можно ожидать от них активного сплочения в рядах этнических организаций, чтобы, говоря словами Г. Шеффера, обойти «подводные камни новой, противостоящей им социальной системы».

По отношению к трудовым мигрантам из Центральной Азии стоит также подчеркнуть, что для людей, приезжающих на заработки и планирующих вернуться домой, сохранение своей культуры и этнической идентичности в стране пребывания, в том числе и при посредничестве диаспоральных организаций, вряд ли становится приоритетной заботой.

Как показывают интервью с армянами Москвы и Санкт-Петербурга, даже в случаях длительного, не в первом поколении проживания в России и появления опас-

ности утраты родного языка, при желании проблема может быть решена с помощью его живых носителей в семье или среди более дальнего родственного окружения — если не в России, то в Армении. Причем эта страна вполне доступна для посещения. С точки зрения этих моментов, притягательность армянских организаций как мест сохранения/укрепления собственно армянской идентичности заметно бледнеет. По словам одной из информанток, *«я просто связь с Арменией держу через свою семью, а российские армяне с их организациями... Зачем мне это? Я сама российский армянин»*.

Кроме того, в интервью отмечались и такие особенности деятельности официальных армянских организаций, которые способны отвратить от сотрудничества с ними. Речь идет о низкой эффективности их работы, о близости некоторых из них к российским властям (для людей определенных политических взглядов это неприемлемо), а также то обстоятельство, что *«страшно далеко они от народа»* (см. также эпиграф к наст. параграфу).

По сути, информантами назывались все те причины, по которым люди недолюбливают чиновников и партийных функционеров. Отсутствие интереса к организациям и/или их негативные оценки фактически скрывают общесоциальную российскую проблему недоверия к властным структурам.

Собранные российскими учеными материалы (интервью и опросы) об отношении трудовых мигрантов к этническим организациям в различных городах также показывают плохую осведомленность об их работе и слабый интерес к последней. Так, например, в Иркутске и Томске лишь около 15–20% мигрантов из Центральной Азии знали о существовании «своих» НКО. Эти результаты соответствуют общероссийским, согласно которым «...более 70% мигрантов никогда не слышали об официально зарегистрированных национальных организациях». Тем самым эти данные «способствуют развенчанию мифа о высокой

роли, которую играют НКО как диаспорные организации»¹². Исследователи делают вывод, что люди, приехавшие на заработки, живут с НКО «в разных плоскостях», что «мигранты не представляют единого национального тела, управляемого “начальниками диаспор”»¹³.

Собственно, об осторожности в оценке «организационного» рвення представителей экспатриированных групп и о том, что не стоит идентифицировать «начальников диаспор» и представляемые ими организации с массой людей, очень по-разному мыслящих и действующих в реалиях принимающего общества, говорилось еще на самых первых страницах этой книги как о важном принципе изучения диаспор.

В данной части работы мы старались показать, почему к постсоветским диаспорам это относится в первую очередь. Наш анализ может служить ответом автору рецензии на опубликованные в журнале «Диаспоры» статьи, выразившему недоумение по поводу того, что в журнале на протяжении почти 15-летней истории его существования почти нет публикаций на тему, затронутую в данном параграфе. Читаем в рецензии: «...изучая идентичность диаспор... обычно игнорируют социальные институты, “отвечающие” за создание и поддержание диаспоральной идентичности...; социальными механизмами, с помощью которых формируется реальная диаспора (т. е. церковью, партиями, культурными организациями и т. д.), мало кто занимается»¹⁵. Возможно, подобный «пробел» в журнале, нацеленном именно на освещение проблем постсоветских (постсоциалистических) диаспор, объясняется не столько близорукостью его авторов, сколько объективными условиями формирования и функционирования таких сообществ?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане: история, политика, идентичность. М., 2007. С. 280.

² Подр. см.: Космарская Н.П. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992–2002). М., 2006. С. 531–537.

³ Горохов С., Лийметс А. Об идентичности национальных групп жителей Эстонии (ситуация в Нарве) // Диаспоры, 2003, № 4. С. 28–29.

⁴ См.: Савоскул С.С. Русские нового зарубежья. Выбор судьбы. М., 2001. С. 392, 393.

⁵ Подр. см.: Савин И.С. Русская идентичность как социальный ресурс в современном Казахстане // Диаспоры, 2003, № 4. С. 89–90, 93–94.

⁶ Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос»... С. 95.

⁷ Sheffer G. The Emergence of New Ethno-National Diasporas // Migration. A European Journal of International Migration and Ethnic Relations. 1995, № 2. P. 19.

⁸ Но это не значит, что в этом случае нивелируется обычный для диаспоральных (да и для любых человеческих сообществ) водораздел между активным меньшинством и пассивными «остальными».

⁹ Гусейнова С. Бакинские евреи в эмиграции: формирование локального сообщества // Диаспоры, 2008, № 2.

¹⁰ Там же. С. 77.

¹¹ Подр. см.: Моргунова О. «Европейцы живут в Европе!» Поиски идентичности в Интернет-сообществе русскоязычных иммигрантов в Великобритании // Диаспоры, 2010, № 1.

¹² Дятлов В.И., Нам И.В. Национально-культурные организации в этнической и мигрантской инфраструктуре сибирского города (на примере Томска и Иркутска) // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 1. Ч. 2. С. 291, 293.

¹³ Там же. С. 297.

¹⁴ Рейтблат А.И. Диаспоры и «диаспоры» (обзор журнала «Диаспоры») // Новое литературное обозрение. 2014, № 3, С. 68. С. 68.

3.3. Автохтонный проект как альтернатива диаспорному проекту

«У нас в Казахстане живет
уже пять поколений казахов,
в частности, у меня по маме потомки
именно столыпинских переселенцев,
и они любому нашему нацпату
готовы в морду дать,
они настолько коренные...»

(женщина, русская, г. Алма-Ата, 2016 г.)

Оказавшиеся по разным причинам вне «родины» этнокультурные группы могут реализовать на новом месте (или в новых условиях) «диаспорный» проект своего развития. Однако, как я постараюсь показать в данном очерке, этому проекту есть альтернатива в виде автохтонизации, или укоренения, той или иной группы.

Различия между этими направлениями развития принципиальные. «Диаспорный» проект помещает рассматриваемые сообщества в объятия «родины» (мифической, исторической, этнической; реальной или воображенной таковой) и делает связи с ней важнейшей стороной всей жизнедеятельности этнокультурной (этносоциальной) группы. «Автохтонный» же проект предполагает в качестве и «патрона», и объекта разнообразных привязанностей группы (гражданских, этнокультурных, локальных) другое государство.

Это те страны, где группа проживает сейчас и проживала много десятилетий (а иногда и не одно столетие). Речь идет не о пришлое и во многих своих проявлениях «робкой» диаспоре, стремящейся опереться на широкое плечо родины (и в психологическом, и в материальном смысле), или, если перескочить через многие промежуточные варианты, не о полярной ситуации сильной диаспо-

ры, патронирующей родине. Речь идет о «своей» для стран проживания группе, образующей неотъемлемую часть местного этнокультурного и социального ландшафта.

Возможность такого развития событий и, соответственно, такой концептуальной трактовки положения экспатриированной группы мы сначала анализируем на примере русских (рускоязычных) постсоветских стран. Затем, в заключительной части, посмотрим, какие еще примеры похожего развития событий можно найти в постсоветском (постсоциалистическом) мире.

Несмотря на то, что русскоязычные сообщества очень часто называли и называют «диаспорой» — в российском политическом, публичном и академическом дискурсе и в СМИ (см., напр., главу о политике, параграф 2.5), их диаспоральный статус, как я пыталась показать¹, не был убедительно обоснован на базе надежного эмпирического материала. Конечно, формирование диаспор возможно, т. е. «диаспорный проект» развития вполне может быть реализован русскоязычными той или иной страны, правда, при определенных условиях. Однако не менее вероятен другой проект, который я условно называю «автохтонным».

Безусловно, такому «укоренению» русскоязычных немало помог и помогает внешний фактор — неэффективность и декларативность политики России в отношении «соотечественников», а также негостеприимный прием — на бытовом, межличностном и организационно-административном уровне, оказанный вынужденным переселенцам в период их массового переезда в Россию (1990-е гг.).

Однако существуют и серьезные внутренние причины того, что часть русскоязычных, и отнюдь не меньшинство, скорее склонны считать «своей» не Россию, а страну, где их предки появились десятилетия, а то и столетия назад. Тут особо важны два момента — их самоощущения, неформальные сети «принадлежности», основанные на куль-

турной и социальной близости-дистанцированности, и особенности гражданской активности (эти темы рассматривались в параграфах 3.1 и 3.2 данной главы). Здесь же «автохтонный» проект будет рассмотрен под другим углом зрения: каким образом он обосновывается в литературе по соображениям историко-социального здравого смысла. Мы затронем также проблему выбора и содержания терминов для описания статуса русскоязычных — выбора, диктуемого «автохтонным» подходом.

На фоне апологии диаспорального подхода к русскоязычным (имеется в виду российский дискурс) альтернативное видение ситуации встречается весьма редко, и потому такие случаи достойны специального упоминания.

Главной фигурой тут является Валерий Тишков, известный критик патриотических версий концепции «соотечественников» и собирательного пафоса идеи «разделенного народа». Так, выступая в 1997 г. на одном из семинаров в Московском центре Карнеги с созвучным отечественной риторике названием «Россия и новые диаспоры» и отвечая на вопрос, «кого нужно репатриировать», он высказал следующее суждение: «Многие считают своей родиной ту территорию, где они живут, и часто такая региональная идентичность может укрепиться и стать вполне самостоятельной. Скажем, уральское казачество, проживая на территории Казахстана, вполне может сформировать понятие собственной групповой целостности, равноправности своего пребывания в Казахстане. Определенная специфика существует и у восточно-славянских (или русскоязычных) общин в Прибалтике. У них есть своя отличительность от русских, живущих в других местах, и возможно формирование балто-русов или балто-славянской общности, которая себя дистанцирует от остальных русских, считая себя вполне самостоятельной группой, в некоторых районах восходящей к X веку, и имеющей **полное право на эту территорию, государственность и официальный статус языка** [выделе-

но мной. — Н.К.]. И было бы близоруко представлять себе, что у России существует некий приоритет на репатриацию, и что это есть в первичности своей некие россияне»².

В статье 2000 г. ученый высказался уже более четко, представив русских в ряде районов постсоветского пространства сообществом, принципиально отличным от диаспоры: «Новодиаспорная» конструкция безосновательно делит граждан одной страны на диаспоры и, видимо, на «основное население», когда для этого нет значимых культурных и других различий. Украинцы в Сибири и Краснодарском крае, равно как русские в Харькове и Крыму, являются автохтонными жителями и равноправными создателями всех форм государственности тех стран, на территории которых они проживали и ныне проживают. От того, что в географическом пространстве прошли новые границы... в их повседневности мало что изменилось. Они не перестали быть «основным населением»»³.

Похожие высказывания можно найти и в западных работах по русскоязычным сообществам, хотя в целом они были посвящены в 1990-е гг. в основном диаспоре как политическому конструкту (*diaspora politics*). Эти мысли свидетельствуют о том, что их авторы, сознательно выбирая определенный угол изучения объекта, понимали его сложную, неоднозначную природу, в первую очередь в контексте идентичности.

Интересно и мнение другого ученого, который формально находится за пределами дискурса о «соотечественниках». Однако, занимаясь в более широком контексте проблемой статуса «коренных народов» и связанной с этим понятием мифологией, он приходит к выводу, вполне созвучному идее «автохтонного проекта».

Процитирую в этой связи высказывание Сергея Соколовского из его предисловия к публикации на русском языке отрывка из работы известного западного антрополога Арджуна Аппадурай (*Arjun Appadurai*): «Если считать, как это чаще всего утверждают даже самые консерватив-

ные приверженцы советской теории этноса, что определяющим его признаком является самосознание, то становится невозможным отмахнуться от тех множественных взаимопересекающихся и текучих форм “местного” самоопределения, которые не вписываются в официальные реестры национальностей, но определяют поведение людей и их взгляды на устройство общества, часто ниспровергаемые как “ненаучные”. С позиций многих людей, не принадлежащих миру науки и не захваченных идеологией национализма, коренной — это местный житель, который родился на земле, где он живет, и который связывает с ней свои представления о судьбе и родине. Но почему-то ненаучным... считается недоумение человека, полагающего себя коренным сибиряком (казахстанцем, прибалтом), которого ученые и власти официально относят к “русскоязычным” или “русским” независимо от числа поколений его предков, вложивших свой труд в ту землю, на которой он живет и в которую он действительно врос корнями истории, памяти, души. Именно это различие между “коренными” и “некоренными”, свободно перемещающимися в пространстве представителями метрополии и “приписанными” к местам своего происхождения и жительства “туземцами” и становится главным объектом критики у А. Аппадурай⁴.

Как мы видим, в контексте «укорененности» упоминались в основном те регионы, для которых характерно особо длительное проживание там русскоязычных, интенсивность межкультурных контактов и близость этнокультурной дистанции между «русскими» и принимающим населением, выражающаяся в том числе и в зарождении пограничных, «гибридных» форм идентичности⁵.

Все приведенные высказывания объединяет то, что они для их авторов «проходные» — в том смысле, что не являются ключевым элементом или основой концептуальной схемы, касающейся статуса, самосознания или траекторий развития русскоязычных сообществ. Иное

дело — статья норвежского исследователя Пола Колсто (*Pål Kolstø*) с весьма красноречивым названием «Укореняющиеся диаспоры: русские в бывших советских республиках»⁶.

В 1999 г. ученый предложил принципиально новый подход к тому, кем и как чувствуют себя «соотечественники» по отношению к России и странам их нынешнего пребывания, поставив вопрос ребром: «Почему мы должны считать само собой разумеющимся, что русские в новых независимых государствах в большей мере ощущают свою общность с Россией, а не со страной своего проживания? Или в той мере, в какой это имеет место, почему мы должны считать подобное положение дел неизменным? Почему русские, живущие в диаспоре, не могут постепенно переориентировать свои привязанности и лояльности — свое чувство укорененности, — на ту землю, страну, где они живут?»⁷ Действительно, почему?

На мой взгляд, значимость предложенного П. Колсто подхода не была в должной мере оценена западной наукой — у меня, в частности, сложилось впечатление, что ссылок на только что упомянутую статью меньше, чем на его более раннюю и тоже весьма новаторскую работу о возможных траекториях развития идентичности русскоязычных⁸.

Видимо, причина кроется в том, что на Западе представление о сложной, неоднозначной природе русскоязычных сообществ, в том числе и о потенциале их «автохтонизации», давно заняло прочное место в научном сознании — в отличие от России. Потому-то статья П. Колсто важна именно для отечественного читателя. И все же я вынуждена с сожалением отметить, что сила воздействия «прорывных» идей норвежского ученого на российское сознание, до сих пор (хотя и в меньшей степени, чем в 1990-е гг.) находящееся в плену представлений о «русских диаспорах», может быть обесценена тем, как он их формулирует и обосновывает. Попробую показать это

с помощью анализа авторских аргументов и логических построений, что позволит мне, кроме того, внести в концептуальную схему П. Колсто некоторые важные уточнения и корректировки.

Итак, обратимся к тексту. В приложении к русским/русскоязычным автор широко использует термин «диаспора» (это видно уже из названия и первой приведенной цитаты), подразумевая всего лишь группу, находящуюся за пределами своей «исконной территории» — либо рассеявшись по миру, либо оказавшись вне последней в результате передвижки государственных границ (с. 6, 9–10). Данное определение, таким образом, никак не предполагает наличие у группы развитых форм диаспорального поведения или сознания. В других работах, где используется этот «механический» критерий, авторы обычно и не обращались к «низовым восприятиям», явно или неявно выводя их за скобки, что при исследовании, например, различных политических дискуссий о «диаспоре» проходит совершенно безболезненно для логики изложения и не вызывает вопросов⁹. Но здесь, на мой взгляд, ситуация иная.

Если говорить без деталей, идея П. Колсто состоит в следующем. Под влиянием неспособности России (особенно заметной в период мощных миграций русскоязычных) подкрепить свои претензии на «русских» реальными делами, в восприятии ими обстоятельств своей жизни в бывших республиках на определенном этапе произошел некий принципиальный сдвиг — «переориентация привязанностей и лояльностей, чувства укорененности» (см. выше) от «исторической родины» к странам проживания.

При подобном подходе уже никак не абстрагируешься от того, как чувствуют и ведут себя обычные люди, и если они, следуя логике автора, «сначала» были повернуты к России (а «потом» их настрой изменился), значит, вопреки определению, слово «диаспора» наполнено реальным содержанием? Значит, «сначала» они все-таки были диас-

порой или чем-то близким к ней — так сказать, по «состоянию души»? Подобные подозрения усиливаются из-за названия статьи и некоторых ее разделов: «Не одна диаспора, а четырнадцать»; «Приспосабливаясь к жизни в диаспоре»; «Как укореняются диаспоры». Не будем забывать, что, пытаясь понять мысль автора, я стараюсь смотреть на текст глазами среднего российского читателя, слабо защищенного от вируса «диаспоризации всей страны».

«Размытость» авторской трактовки и заставляет меня сформулировать собственное видение ситуации максимально четко. Когда в противовес закрытой модели «русской диаспоры» я продвигаю идею о «диаспорном» и «автохтонном» проектах интеграции русскоязычных, я имею в виду не **последовательные**, сменяющие друг друга стратегии, а два **параллельно** развивающихся процесса, каждый из которых имеет определенный потенциал полноценной реализации, причем силами различных групп русскоязычных. А какой из них в обозримой перспективе одержит верх в той или иной стране или части постсоветского пространства — покажут время и специальные исследования.

Но вернемся к статье П. Колсто, размышления над которой оказались очень полезными для уточнения и развития моей собственной позиции. Мне представляется, это как раз тот случай, когда полемика помогает двигаться вперед, и тут не обойтись без серии довольно пространственных цитат, составляющих квинтэссенцию концептуальной схемы норвежского ученого.

1. «...Россия, в лице ее элит, и лидеры новых независимых государств... разделяют одну и ту же базовую идею: они стремятся рассматривать русские диаспорные сообщества в ближнем зарубежье как “экстерриториальные”, т. е. укорененные скорее в России, нежели в странах своего теперешнего пребывания. Однако значительная и, возможно, возрастающая часть самих русских осознала, что этот экстерриториальный статус отнюдь не в их интере-

сах, и начала политическую борьбу за признание себя в качестве “своих”, коренных» (с. 8).

2. «В то время как российская политическая риторика способна в какой-то мере поддерживать их ориентацию на Россию, реальная — или воспринимаемая таковой — бездеятельность последней, отсутствие действенной поддержки диаспор может заставить их отвернуться от России и обратить свои взоры к новым родинам» (с. 27). И далее, стремясь показать, «как это происходит», П. Колсто очерчивает позицию «лидеров русской диаспоры», ряд которых «...осознанно культивируют альтернативное представление об “укорененности”, контрастирующее с родившейся в Москве концепцией “соотечественников”. Они как бы хотят сказать: “Мы не в меньшей степени коренные, чем вы, титульные народы”, а если это звучит неубедительно — “мы сделаем все от нас зависящее, чтобы стать такими же коренными, как вы”» (с. 27).

Далее автор обращается к мироощущению обычных людей, живущих в своих странах на протяжении нескольких поколений и обладающих, кроме «русской», ярко выраженной локальной идентичностью и привязанностью к «малой родине», т. е. к чувствам, эмоциональным по своей природе и потому вряд ли могущим быть результатом хладнокровного, рационального выбора. Однако именно такая картина рисуется в пассаже, подводящем итог размышлениям П. Колсто о том, «как укореняются диаспоры»:

3. «У человека нет корней на той или иной территории, если он их не ощущает, а это чувство возникает только тогда и в той степени, в какой он или она считают подобную идентичность для себя более выигрышной, чем альтернативные варианты. Пока русские в новых независимых государствах верят в то, что им выгодно разыгрывать “русскую карту”, считая себя русскими не только в этнокультурном смысле, но и политически, и территориально, большинство из них будет продолжать делать это. Однако

в тот день, когда такой выбор потеряет свою привлекательность, русские начнут искать другие пути и способы обеспечить свое политическое представительство, получить доступ к престижным рабочим местам, поддержать статус русского языка и защитить функционирующие на нем образовательные учреждения» (с. 30–31).

Возможно, автор использует метафоричный, броский стиль, намеренно упрощая ситуацию, «спрямляя углы», избегая ухода в детали — чтобы сделать свою принципиальную идею о смене русскими стратегии адаптации максимально доходчивой и понятной читателю. Но как бы то ни было, корректировка и уточнение ряда моментов представляются мне необходимыми, чтобы картина происходящего была более реалистичной.

Во-первых, на мой взгляд, П. Колсто чрезмерно рационализирует и политизирует поведение обычных людей, фактически объединяя их в поиске «выигрышных комбинаций» с «лидерами русской диаспоры», т. е. с политиками. Именно последним свойственно «разыгрывать» различные карты и прикидывать, на кого выгоднее «поставить» в той или иной ситуации. Именно их поведение и его зигзаги в зависимости от слов и действий России предложенная схема описывает наиболее адекватно, но при оценке степени воздействия этих зигзагов на «человека с улицы» нельзя забывать о слабости «русских организаций» в ближнем зарубежье и отсутствии у них массовой поддержки (см. подр. параграф 3.2).

Во-вторых, в продолжение предыдущего, русскоязычные ближнего зарубежья отличаются низкой склонностью к консолидации (на этнической основе) и вялой политической активностью, поэтому вряд ли можно говорить об их «политической борьбе» (или ее начале) — будь то борьба за статус «диаспоры» или за статус «коренных». Кроме того, прослеживается ли связь тех весьма редких политических акций русскоязычных, которые мы наблюда-

дали на постсоветском пространстве, с бездеятельностью России на фронте защиты «соотечественников»?

Привлекшие внимание европейской и российской обществённости многотысячные выступления школьников и учителей русских школ Латвии в мае 2003 г. и особенно весной 2004 г. против грядущего уменьшения числа предметов, преподаваемых на русском языке, а также активность, связанная с проведением (неудавшегося) референдума о государственном статусе русского языка в Латвии в феврале 2012 г., едва ли можно считать проявлением смены стратегии, вызванной разочарованием в России. Последнее возникло уже довольно давно, как и проявления «укоренённости» на уровне этнокультурной идентичности (например, по данным самого П. Колсто, в 1996 г. в Латвии почти в четыре раза больше опрошенных назвали своей родиной именно эту страну, чем Россию — с. 29).

Третье и самое существенное возражение связано с принципиально важной для моей концептуальной схемы идеей параллельности (см. выше) в противовес выдвинутому норвежским ученым положению о качественно прерывистом процессе, о наличии «сдвига», спровоцированного усталостью от российской продиаспорной риторики.

Как было показано в моих предыдущих работах, основанных на многолетних эмпирических исследованиях в Центральной Азии, «укоренённость» русскоязычных в виде эмоционально окрашенной локальной идентичности и ощущения своей личности по сравнению с россиянами — это старая история, уходящая ещё в советское время. Естественно, тогда подобным образом эти чувства вряд ли массово осознавались, будучи застывшими на уровне отпускных и туристических впечатлений. В дальнейшем такая идентичность актуализировалась и начала выходить на уровень осознанной рефлексии и принятия решений (в частности, связанных с миграцией)¹⁰.

Да, без влияния «фактора России» тут не обошлось, но какого? Я полагаю, отмеченное П. Колсто разочарование

в ней как в защитнице стоит иметь в виду, но ключевую роль сыграл огромный объем принесенной мигрантами, в том числе и возвратными, информации о тяжелых условиях жизни на исторической родине, о социокультурных барьерах между вынужденными переселенцами и местным населением, зачастую принимавшим их «в штыки». Таким образом, «укорененность» в ее этнокультурном облике лишь усилилась под влиянием «фактора России», а не появилась как результат голого прагматического расчета.

Поскольку локальная этнокультурная идентичность несет в себе и сильное эмоциональное начало, я никак не могу согласиться с той экстремально конструктивистской идеей норвежского коллеги, согласно которой чувство «корней» возникает лишь тогда, когда это выгодно. Другое дело, что на уровне выбора индивидуальных/семейных стратегий адаптации рациональное зачастую вынужденно берет верх над привязанностями.

Наряду с той группой русскоязычных, которым в наибольшей степени присущи различные проявления этнокультурной и политико-гражданской ориентации на страну проживания, существует и та, что больше повернута к России (с точки зрения представлений о родине, восприятия своей «русскости» и пр.). Конечно, эта группа может терять сторонников — в том числе и из-за разочарования в «исторической родине». Но если смотреть с позиции не «сдвига», а преемственности, оставаясь в пределах параллельной модели, возникновению/сохранению чувства близости с Россией скорее всего способствовали не надежды на ее эффективное заступничество, а главным образом всё то, что обычно рождает и питает чувство родины и общности с ее жителями. Это те же факторы, что работают и на укорененность в странах проживания, но иной направленности (детство, могилы, воспоминания, родные люди и места, природа и т. п.).

Итак, если принять предлагаемую открытую модель двунаправленной эволюции русскоязычных сообществ, как же их называть в их нынешнем состоянии? Ясно, что не диаспорой, поскольку превращения в нее еще не произошло. Конечно, можно четко оговорить, как это часто делается, что под «диаспорой» имеется в виду не более чем группа, оказавшаяся за пределами «родственного государства». Но это не решит проблему поиска термина, максимально нейтрального и отражающего незавершенность процесса. А для использования в России этот облегченный и формально корректный вариант вообще не очень удачная находка — из-за высокой политико-идеологической и этнической нагруженности слова «диаспора».

Посмотрим на ситуацию более широко, раздвинув умозрительно картинку, например, до общеевропейской и не «заикливаясь» лишь на России с ее «диаспорами». Тогда при рассмотрении аналогичного набора проблем, касающихся положения и прав инокультурных групп в странах их проживания, окажется, что русскоязычные мало чем отличаются от других групп, общепризнанных в «старой» и «новой» Европе в качестве «своих» и обычно называемых «национальными меньшинствами».

Именно такого рода работы можно встретить в западной литературе. Если в число научных задач их авторов не входит необходимость заявлять об особой позиции России как «родины», на нее реагировать или ей противостоять, русскоязычные не только не именуются «диаспорами», но рассматриваются, например, в общем ряду с теми отнюдь не иммигрантскими группами, права которых в должной мере не удовлетворены (а такие есть и в Восточной, и в Западной Европе). И поскольку речь идет об известных ученых, делается это, полагаю, не из-за правозащитных, политических или иных пристрастий, а в первую очередь на основе научных знаний о положении и истории появления данных групп в том или ином государстве, об их са-

моидентификации, отношениях со страной проживания и пр.

Один из примеров такого рода — статья Тараса Кузио (*Taras Kuzio*)¹¹, в которой весьма жесткой критике подвергнута получившая широкое признание концепция Роджерса Брубейкера (*Rogers Brubaker*) о так называемых национализирующихся государствах, существовавших в межвоенной Европе или возникших там после распада СССР. В российской литературе их чаще называют этнократическими или этноцентристскими, распространяя термин на все постсоветские страны, а не только европейские.

Не вдаваясь во все детали авторской аргументации, во многом, на мой взгляд, достойной внимания, скажу лишь о сути. Т. Кузио пытается доказать, что теоретически некорректно считать «национализирующимися» лишь государства Восточной и Центральной Европы и делить таким образом континент на «этнический Восток» (*ethnic East*) и «гражданский Запад» (*civic West*). Во-первых, современные западные демократии прошли похожий этап «этнической гомогенизации» шесть или семь поколений назад, но теперь этот процесс называют не несущим негативных коннотаций термином «национальное строительство» (*nation-building*)¹².

Во-вторых, эти демократии и сейчас «с разной степенью активности навязывают всему обществу ментальность, основанную на языке, истории, символах, религии и культуре титульной нации (наций)»¹³, а некоторые откровенно игнорируют наличие национальных меньшинств на своей территории (например, Франция и Греция).

Ученый предлагает альтернативную типологию европейских государств, включающую, в частности, следующие группы: 1) моноэтнические; 2) плюралистические либеральные (*plural liberal*), учитывающие в той или иной степени права и этнокультурные потребности своих национальных меньшинств (Литва, Украина¹⁴, Болгария,

Македония, Молдавия, Россия, Великобритания, Испания, Бельгия, Швейцария); 3) плюралистические нелиберальные (Греция, Румыния, Словакия, Франция, Хорватия, Германия) и, наконец, 4) «этнические демократии» (Эстония и Латвия), которые «находятся в процессе предоставления гражданских прав своим жителям, но не склонны к такому шагу в этнокультурной сфере»¹⁵.

Формально тем же процессам, но рассматриваемым в более практической плоскости, посвящена очень информативная статья Уилла Кимлики (*Will Kymlicka*) — по сути, не статья, а скорее брошюра¹⁶. Автор подробно рассматривает накопленный за последние 30 лет и в целом успешный опыт Запада по сохранению этнокультурного разнообразия (в частности, в виде различных федеративных и квазифедеративных моделей территориальной автономии национальных меньшинств), а затем задается вопросом о возможностях, пределах и трудностях его применения в странах «новой» Европы.

Причины того, что идеи территориальной автономии или более мягких, нетерриториальных форм учета прав меньшинств очень тяжело прививаются на восточноевропейской почве, во многом носят объективный характер. Это «наследие псевдофедерализма коммунистических режимов Чехословакии, Югославии и Советского Союза», а также специфика самих национальных меньшинств — «многие из них имеют родственное государство [*kin-state*], с которым они могут желать соединиться..., выступая, в данном случае, как потенциальные ирредентисты»¹⁷.

Более того, мы имеем не просто «родственные государства» (примеры такого рода можно найти и в Западной Европе), а исторически связанные с меньшинствами и «ранее угнетавшие группы большинства». Результатом стало то, что в Восточной и Центральной Европе «множество национальных меньшинств имеют меньшую степень автономии, чем 30 или 50 лет назад», а эти страны в

массе своей «придерживаются старой модели унитарного национального государства, в котором, при идеальном раскладе, меньшинства являются политически слабыми, лишенными позиции интеллектуального лидерства и обреченными на долгосрочную ассимиляцию»¹⁸.

Речь идет, таким образом, о хорошо знакомой постимперской конфигурации, негативным образом влияющей на отношения национальных меньшинств и правящего большинства в странах рассматриваемого региона. И все же У. Кимлика нигде не называет изучаемые им группы «диаспорами». В разнообразных примерах и сравнительных описаниях той или иной ситуации вокруг «национальных меньшинств» в Западной и «новой» Европе он многократно в одном ряду с другими группами упоминает русских Эстонии, Латвии, Украины и Казахстана, исходя из правомочности их претензий на тот же объем прав, каким пользуются меньшинства на западе континента.

Вот, например, что он пишет о русских Балтии, иллюстрируя свою мысль о том, что даже когда меньшинства не являются ирредентистами, у них возникают трения с большинством: «Факты указывают на то, что растущее число этнических русских в Прибалтике не только отвергает идею воссоединения с Россией, но также находит у себя больше общего с местными латышами или эстонцами, чем с этническими русскими в России. Но это не исключает угрозу того, что националисты в России могут использовать существование русского меньшинства как основание для интервенции»¹⁹.

Однако если перейти от самоощущений меньшинств как «живущих у себя дома» к перспективам признания данного факта большинством с отвечающим международным критериям правовым оформлением этого статуса, то тут У. Кимлика настроен довольно пессимистично. И проблема не только в историческом наследии, но и в позиции самого Запада (в частности, в лице его международных институтов), которую ученый оценивает весьма

критически. Дело в том, что и в ряде западных стран существует противодействие как самой идее предоставления меньшинствам прав на самоуправление (например, во Франции, Греции и Турции), так и международному мониторингу. Стремясь избежать практики двойных стандартов, Запад был вынужден отступить и отказаться (в частности, в рамках ОБСЕ) от подхода, основанного на принципе справедливости, в пользу принципа безопасности, что значительно снижает возможности международного давления на страны «новой» Европы²⁰. Добавлю — и, кстати, не избавляет от двойных стандартов, но уже иного рода.

Впрочем, тема данной части книги не позволяет далее углубляться в хитросплетения европейской политики, касающейся прав национальных меньшинств, равно как и в обсуждение возможных вариантов правового оформления «автохтонного» статуса русскоязычных той или иной страны. Приведенные примеры важны для целей моего анализа прежде всего тем, что демонстрируют ненужность и своего рода искусственность использования термина «диаспора» при изучении многих проблем этничности и национализма; его способность уводить в сторону и затемнять суть дела.

Но вернемся к вопросу о приемлемых терминах. Видимо, и термин «национальное меньшинство» не совсем адекватен для характеристики современных переходных русскоязычных сообществ, поскольку фиксирует **конечную точку** реализации «автохтонного проекта». Не случайно П. Колсто, определяя вектор эволюции «укореняющихся диаспор», использует слово «национальное меньшинство» очень осторожно: «...между коренными жителями и диаспорой — не пустое пространство, а континуум промежуточных состояний, и русские могут постепенно сдвигаться по этой оси от полюса диаспоры по направлению к центру. Там располагается довольно аморфная категория, называемая национальным меньшинством»²¹.

Более нейтральным и «открытым», а потому подходящим для наших целей мог бы стать термин «этническое меньшинство», не фиксирующий внимания на том, «кто на чьей земле живет» и предполагающий развитие по любым сценариям — «диаспорному», «автохтонному», а также, для небольшого числа русскоязычных — ассимиляционному. Однако добавка «этническое» тут совсем некстати, поскольку русскоязычные являются по этническому составу конгломератной группой, объединенной исторической судьбой, прежними социальными ролями, единой базовой культурой и особенностями своего нынешнего положения в новых независимых государствах. Более того, они никак не могут считаться обычной культурно-отличительной группой из-за своей особой роли в прежней, «имперской» системе (этот сюжет был рассмотрен в параграфе 3.1).

Однако, на мой взгляд, соотнесение «имперскости» лишь с прошлым принципиально неверно, и потому я предложила бы называть русскоязычные меньшинства «постимперскими меньшинствами». Этим вариантом, кстати, пользуется У. Кимлика при описании различий между национальными меньшинствами «старой» и «новой» Европы²². Однако для меня постимперскость — нечто более сложное, чем просто «история», и более пестрое по своим проявлениям и воздействию на отношения «меньшинства» и «большинства», чем стремление последнего как-то отомстить первому за прошлые обиды.

Вот мысль, которая является для меня принципиально важной, — за русскоязычными тянется широкий постимперский «шлейф», причем расписанный разными красками, не только черными. Исторические особенности колонизации различных частей постсоветского пространства до сих пор оказывают влияние на положение русскоязычных, характер стоящих перед ними задач и выбор путей их решения; на отношение к ним титульного насе-

ления и элит; специфику «укоренения» и в конечном итоге на уклон в сторону «диаспорности» или «автохтонности»²³.

Можно предположить, что экспатриированные меньшинства, оказавшиеся вне «родины» в результате движения границ, которое последовало за распадом империй; меньшинства, находящиеся в подобном положении на протяжении жизни нескольких поколений, и следует в первую очередь протестировать на автохтонность.

Интересный материал для размышления дают результаты полевого исследования идентичности узбеков, издавна проживающих там, где соприкасаются территории современных Казахстана и Узбекистана, а именно в селах Чимкентской области Республики Казахстан. В советское время узбеки этого района были разделены малозначимой административной границей союзных республик, а после распада СССР — уже границей двух независимых стран, к тому же реализующих кардинально различные национальные проекты²⁴.

Идентичность местных узбеков, их представления о своем месте в системе социально-политических координат формируются под перекрестным огнем этноцентрированного дискурса «казахскости», исходящего от властей страны проживания, и идеологии «территориальной нации», продвигаемой в Узбекистане и не признающей узбеков за пределами страны за «своих» (подр. см. параграф 2.4 пред. главы). Отсюда стремление казахстанских узбеков представить себя, в сравнении с трудовыми мигрантами из Узбекистана, как других, «своих» узбеков (говоря словами одной из информанток, «я казахстанка до мозга костей, и моя узбекскость мне не мешает в этом»)²⁵.

Как констатируют авторы исследования, местным узбекам, особенно людям среднего возраста и молодежи, необходимо «подтверждать свою включенность в казахстанский... социум через подчеркивание сопричастности нормам и символам, доминирующим сегодня в стране...

для них важны практики, работающие на подтверждение их полноценной “казахстанскости”»,²⁶.

Обратимся теперь к примеру зарубежных венгров — это тем более стоит сделать, что историко-политическая ситуация вокруг этого крупного меньшинства Центральной Европы была подробно рассмотрена в параграфе 2.5 главы о диаспоральной политике.

Имеющиеся в нашем распоряжении исследования различных авторов говорят о том, что эту группу вполне можно рассматривать как реализующую «автохтонный проект» на территориях ее проживания, несмотря на культурно-объединительную риторику Венгрии (где, впрочем, в официальном дискурсе слово «диаспора» по отношению к венграм соседних стран не используется).

Так, в частности, в статье Йона Фокса (*Jon E. Fox*), который сопоставил диаспоральную политику Венгрии с рядом ее практических следствий (отношение на «родине» к трудовым мигрантам-венграм), также не используется термин «диаспора». Автор, характеризуя одну из законодательных инициатив, отмечает, что ее целью являлось «усиление возможностей и перспектив для того, чтобы соплеменники [*co-ethnics*] остались на родине своих предков»²⁷ (*ancestral homeland*), т. е. хотя и за пределами современной Венгрии, но там, где они проживали издавна. Думаю, что этот пассаж можно поставить в один ряд с ранее упомянутыми выдержками из работ авторов, имплицитно-интуитивно оценивающих статус изучаемых ими групп как близкий к автохтонному.

Майкл Стюарт (*Michael Stewart*) идет еще дальше в своих размышлениях о характере отношений зарубежных венгров (в частности, живущих в Трансильвании) с «родиной» и о некоторых иллюзиях, которые она, возможно, питает на их счет. Сравнивая Румынию с Венгрией, он пишет: «...“принимающие” государства, такие, как Румыния, имеют тенденцию к преувеличению (иногда гротеск-

ному) значимости связей венгров с родиной [*home-ties*]. Понятно, что для некоторых румын венгерское меньшинство видится пятой колонной, подрывающей единство страны. Венгерское же государство, напротив, выглядит слепым по отношению к тем реалиям, в рамках которых венгры за пределами границ являются не просто венграми; у них особая региональная идентичность, определяемые ею цели и интересы»²⁸.

Изложив некоторые результаты исследований влияния Закона о статусе (см. параграф 2.5 пред. главы) на жизненный мир венгров Трансильвании, этот автор заключает: «Я начал интересоваться положением венгров за пределами Венгрии в посткоммунистический период после того, как я узнал, что в городках, расположенных далеко в горах Румынии, почти тысячу километров от Будапешта, где какое-либо законодательное влияние будапештских политиков на жизнь местных венгров оказывалось в последний раз в 1944 г., теперь [согласно Закону о статусе. — *Н.К.*] носителям венгерского языка предлагалось смотреть вечерние новости из Будапешта, а не из Бухареста. Школьники Трансильвании, обучающиеся на венгерском языке, как ожидалось, будут ездить на экскурсии в венгерский парламент, а не в свой парламент в Бухаресте...

В этом контексте Закон о статусе выглядит средством решительного, но глубоко идеологизированного и фантастического отрицания [*rejection*] мира в том виде, в котором он существует. Но поскольку повседневная жизнь населения этих городков, как и всей Трансильвании, зависит от законодательных, социальных и культурных условий, существующих в румынском государстве, постмодернистская фантазия о принадлежности к детерриториальной нации является, как и многое другое из ассортимента постмодернизма, не более чем миражом»²⁹.

В работе социолога из Будапешта Илдико Закариас (*Ildikó Zakariás*) столкновение описанных «фантазий» вен-

герского государства с реальностью показано на низовом уровне сквозь призму далеко не безоблачного взаимодействия представителей «родины» в лице волонтеров и активистов благотворительных программ и «соплеменников» соседних стран, в лице жителей сельских районов Румынии и Закарпатской области Украины³⁰.

Практики филантропии опираются на национальную мифологию, с ее идеями единой нации и героического прошлого; мифологию, рисующую венгров сопредельных стран как «настоящих» венгров, находящихся под давлением принимающего общества и ведущих постоянную борьбу за этническую самобытность. Отсюда, как показывает И. Закариас на весьма «сочных» примерах, основанных на серии глубинных интервью и этнографических наблюдениях, проистекало стремление волонтеров, в их общении с жителями подшефных сел, к поиску практических подтверждений разделяемых ими национальных дискурсов. В рамках обычного, бытового общения постоянно акцентировалась «венгерскость», выискивались и комментировались любые проявления этно-фольклорной культуры; задавались прямые вопросы об этнической идентичности; людей побуждали петь архаичные народные песни, читать стихи, говорить по-венгерски и пр.³¹

Фактически имело место навязывание неких неприличных людям ролей, что порождало недоумение, потерю доверия и чувство униженности. Неудивительно поэтому, что в качестве ответной реакции волонтеры из Будапешта, хотя и приехавшие с самыми лучшими намерениями, столкнулись с отказами от участия в программах; лишь самые бедные семьи, крайне заинтересованные в получении подарков от благотворителей, были вынуждены закрывать глаза на переживаемые неудобства. Иными формами «непризнания» (*misrecognition*) принесенных представителями «родины» норм и правил стали открытая критика, стремление избегать общения и «издевки по этническому признаку» (*ethnic scolding*)³².

Как заключает И. Закариас, на макроуровне дискурс «родины», подразумевающий безусловную лояльность венгров сопредельных стран, «игнорирует различия в истории становления этих сообществ и идущие внутри некоторых из них процессы ассимиляции»³³. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что представления благотворителей об упорной борьбе их подопечных с ассимиляционным давлением не выдерживают испытания повседневными практиками выживания и интеграции. «Стратегии социальной мобильности адресатов помощи могут быть выстроены в расчете на страны проживания (Румынию и Украину) или на этнически неоднородные сети международной трудовой миграции (в Западную Европу, крупные города Украины или России). Идеология национального возрождения практически «не видит» таких явлений, как переключение языков, смена языка, смена идентичности и всех связанных с ними перспектив социальной мобильности»³⁴.

Еще одним примером укорененности этнической группы, которая по формальному признаку — проживание вне родины — может быть отнесена к диаспоре, можно считать советских/российских евреев. Здесь также речь идет о группе, хотя и весьма специфичной, но подобно русским, венграм и многим другим проживавшей очень долгое время в пределах имперской системы, территориальные границы и социально-политические параметры которой часто менялись. На уровне того историко-социального здравого смысла, о котором упоминалось выше, евреи и подобные им группы, имеющие, с формальной точки зрения, свою историческую родину, но проживавшие в течение столетий на территории Российской империи и СССР (например, советские/российские немцы), считаются «своими» для России³⁵.

По этой группе проведено и конкретное социологическое исследование, среди многих целей которого был и поиск ответа на вопрос: «дома или в диаспоре» находятся

российские евреи³⁶. Автор исследования, Елена Носенко-Штейн, пришла к совершенно однозначному выводу: «...существование Государства Израиль хотя и оказывает определенное влияние на конструирование еврейской самоидентификации у российских евреев, но влияние это не слишком сильное, уступающее по своему значению другим факторам». И далее: «...российские евреи живут **именно дома, а не в диаспоре** [выделено автором цитаты. — Н.К.], представляя собой вполне укорененное сообщество. И память связывает их именно с этой землей»³⁷.

Наконец, стоит кратко затронуть вопрос о том, в каких случаях можно говорить о реализации автохтонного проекта по отношению к экспатриированным группам, оказавшимся вне «родины» в результате разного рода миграций. На мой взгляд, один из наиболее вероятных случаев такого рода касается представителей второго-третьего поколения мигрантов, особенно если это потомки межэтнических браков.

Так, например, по результатам моего исследования мироощущений и жизненных траекторий различных поколений российских армян, названную группу (потомки межнациональных браков) отличает гибридная идентичность, а их укорененность имеет в первую очередь культурное «наполнение»³⁸. «Русский» сегмент в их самоопределении не несет «русско-этнического» содержания; информанты подчеркивали, что русскость для них — это принадлежность к русской культуре в широком смысле слова (имеются в виду высокие образцы), а также к той наднациональной культуре, которая сложилась в крупных российских городах. Будущие исследования экспатриированных групп миграционного происхождения, безусловно, добавят много новых интересных деталей к нашим представлениям об эволюции самосознания и лояльности подобных сообществ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В частности, обоснованию этого положения посвящено немало страниц авторской монографии «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992–2002), М., 2006.

² Россия и новые диаспоры: приоритеты и направления политики. Стенограмма семинара в Московском Центре Карнеги, 31 января 1997 г. С. 13.

³ Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 59.

⁴ Соколовский С.В. Корни и крона (мистика и метафизика в конструировании статуса «коренных народов») // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 6–7.

⁵ Формально Центральная Азия полностью в эту картину не вписывается, хотя бы по фактору близости культур. Однако реально, если исходить из наличия развитых и перетекающих одна в другую «форм “местного” самоопределения» русскоязычных, картина будет выглядеть уже иной. Кроме того, в Центральной Азии действовали, на мой взгляд, специфические обстоятельства, способствующие «укоренению» русскоязычных независимо от места их проживания. Эти идеи подробно обоснованы в работах автора на примере русскоязычных Киргизии (см. прим. 10, 23).

⁶ См.: *Kolstø P. Territorialising Diasporas: The Case of Russians in the Former Soviet Republics* // *Millennium. Journal of International Studies*. 1999. Vol. 28. № 3. На русском языке статья была опубликована в журнале «Диаспоры», 2001, № 1, под названием: «Укореняющиеся диаспоры: русские в бывших советских республиках».

⁷ Колсто П. Укореняющиеся диаспоры... С. 10.

⁸ *Kolstø P. The New Russian Diaspora — An Identity of Its Own? Possible Identity Trajectories for Russians in the Former Soviet Republics* // *Ethnic and Racial Studies*. 1996. Vol. 19. № 3.

⁹ Собственно, именно в таком ключе написан весь раздел данной книги, посвященный диаспоральной политике «родин».

¹⁰ См.: *Космарская Н.П.* «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии... С. 388–406. См. также: *Kosmarskaya N.* Russia and Post-Soviet «Russian Diaspora»: Contrasting Visions, Conflicting Projects // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2011. Vol. 17. № 1.

¹¹ См.: *Kuzio T.* «Nationalizing States» or Nation-Building? A Critical Review of the Theoretical Literature and Empirical Evidence // *Nations and Nationalism*. 2001. Vol. 7. № 2.

¹² Ibid. P. 143, 150.

¹³ Ibid. P. 145–146.

¹⁴ Этот вывод уже вряд ли относится к Украине после событий 2014 г., с ее политикой всеобщей украинизации, в том числе и культурно-языковой сфере. В частности, в 2017 г. там был принят закон «Об образовании», резко ограничивший возможности использования в стране языков национальных меньшинств.

¹⁵ См.: *Kuzio T.* «Nationalizing States» or Nation-Building?... P. 149.

¹⁶ *Кимлика У.* Федерализм и сецессия: Восток и Запад // *Ab Imperio*. 2000. № 3–4.

¹⁷ Там же. С. 273.

¹⁸ Там же. С. 284.

¹⁹ Там же. С. 274–275.

²⁰ Подр. см.: там же, с. 286–304.

²¹ *Колсто П.* Укореняющиеся диаспоры... С. 31.

²² См., напр.: *Кимлика У.* Федерализм и сецессия: Восток и Запад... С. 276.

²³ Этот сюжет был специально рассмотрен в параграфе 3.1 на примере сравнения идентичности русских Центральной Азии и стран Балтии сквозь призму исторических и социальных условий их проживания на этих территориях в «имперский» и постсоветский периоды.

²⁴ Подр. см.: *Джунусбаев С.М., Савин И.С.* Свой/чужой: мигранты из Узбекистана в узбекских селах Южного Казахстана // *Этнографическое обозрение*. 2015. № 6.

²⁵ Там же. С. 62.

²⁶ Там же. С. 64.

²⁷ См.: *Fox J.E.* From National Inclusion to Economic Exclusion: Ethnic Hungarian Labour Migration to Hungary // *Nations and Nationalism*. 2007. Vol. 13. № 1. P. 84.

²⁸ *Stewart M.* The Hungarian Status Law: a New European Form of Transnational Politics // *Diaspora. A Journal of Transnational Studies*. 2003. Vol. 12. № 1. P. 92.

²⁹ *Ibid.* P. 93.

³⁰ *Zakariás I.* Othering and Recognition: National Ideologies in Donor-Recipient Encounters in Hungarian Co-Ethnic Philanthropy // *Revue européenne des migrations internationales*. 2019. Vol. 35. № 1–2.

³¹ *Ibid.* P. 216, 223.

³² *Ibid.* P. 227–229.

³³ *Ibid.* P. 219.

³⁴ *Ibid.* P. 226.

³⁵ Так, В.А. Тишков отмечал, что, по его мнению, «российские немцы являются диаспорой России (в широком смысле слова, включая пространство бывшего СССР) в Германии, а не наоборот. Точно так же... гораздо больше диаспоральности среди российских евреев в Израиле, чем среди евреев в России». См.: *Тишков В.А.* Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // *Диаспоры*. 2003. № 2. С. 169.

³⁶ См.: *Носенко-Штейн Е.* Дома или в диаспоре? Израиль в культурной памяти российских евреев ; *ее же.* «Передайте об этом детям вашим, а их дети следующему роду». Культурная память у российских евреев в наши дни. 2013. С. 159–200.

³⁷ Там же. С. 197, 200.

³⁸ См.: *Космарская Н.П.* Идентичность потомков русско-армянских смешанных браков в крупных городах России // *Антропология и этнология: современный взгляд*. Отв. ред. А.В. Головинёв, Э.-Б.М. Гучинова. М., 2021.

SUMMARY

The book addresses many topical issues of diaspora life, taking into account the specific historical and socio-political context created by the collapse of the USSR and the demise of socialism in Central and Eastern Europe. As a result of these events, many people found themselves outside their countries of origin, either as a result of border alterations, or as a result of the emergence of new or increasing migration flows. This process did not spare Russia, which after the collapse of the Soviet Union became a «historical homeland» for many «diasporas» (primarily the so called Russian diaspora) and a host country for hundreds of thousands of labor migrants from neighboring countries. Compared to the situation in different parts of the world, post-Soviet diasporas are much less explored. The book is an attempt to familiarize Russian readers with the diversity of international and Russian experience of academic research of many aspects of life of the post-Soviet (post-socialist) diasporas and their relationships with the states claiming to be their homelands.

Why is the word «diaspora» often used in the lexicon of not only scholars, but also politicians, journalists, and officials? For what reasons can the state ignore «co-ethnics» abroad, considering them just as citizens of the other countries? What can small Armenia and vast China have in common, as far as their diaspora politics is concerned? How do the fantasies of «homeland» politicians regarding a «united nation» relate to the everyday practices of diaspora members immersed in the socio-political and cultural realities of the other countries?

The book provides answers to these and many other relevant questions related to the social activities and everydayness of expatriate groups. The author also offers an original typology of models of diaspora politics of kin-states based on the analysis of the situation in six countries

(Armenia vs China, Uzbekistan vs Azerbaijan, and Russia vs Hungary). Diasporic identity is also examined but not like identity of some individual groups «outside the homeland» but on a more generalized methodological level. This is a chapter on the possible impact of the historical and political context on identity of members of presumed «diasporas»; chapter on their perception of organizations created or patronized by the «homeland»; and another one dealing with the potential for expatriate groups, in their countries of residence, to realize not a diaspora project, but a fundamentally different, autochthonous one (which is most likely in cases of diaspora formation not through migration, but through the movement of state borders).

Библиография

- Абашин С.Н. История зарождения и современное состояние среднеазиатских национализмов; *его же*. Национализмы в Средней Азии. В поисках идентичности. СПб., 2007.
- Абдуллаев Е.В. Русские в Узбекистане 2000-х гг.: идентичность в условиях демодернизации // *Дiasпоры*. 2006. № 2.
- Акопян В. Армяне и Армения — когда нация шире государства // *Отечественные записки*. 2012. № 1.
- Абрамян Л. Армения и диаспора: расхождение и встреча // *Дiasпоры*. 2000. № 1–2.
- Блаккисруд Х. Размывание границ между гражданским и этническим // *Контрапункт*. 2015. № 2.
- Браздаускаене Е., Лихачёва А. Русские в современной Литве: языковые практики и самоидентификация // *Дiasпоры*. 2011. № 1.
- Брубейкер Р. «Дiasпоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинami (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) // *Дiasпоры*. 2000. № 3. Пер. с англ. Н.П. Космарской.
- Брубейкер Р. Этничность в действии (на примере трансильванского города) ; *его же*. Этничность без групп. Пер. с англ. И. Борисовой. М., 2012.
- Вихалемм Т., Массо А. Динамика идентичности русских Эстонии в период постсоветских трансформаций // *Дiasпоры*. 2003. № 2. Пер. с англ. Н.П. Космарской.
- Гусейнова С. Бакинские евреи в эмиграции: формирование локального сообщества // *Дiasпоры*. 2008. № 2.
- Джунусбаев С.М., Савин И.С. Свой/чужой: мигранты из Узбекистана в узбекских селах Южного Казахстана // *Этнографическое обозрение*. 2015. № 6.
- Дробизева Л.М. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // *Социологические исследования*. 2015. № 11.

- Дятлов В.И.* Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России // *Диаспоры.* 2004. № 3.
- Дятлов В., Мелконян Э.* Армянская диаспора: очерк социально-культурной типологии. Ереван, 2009.
- Дятлов В.И.* «Вчера губернатор встречался с диаспорами...». Приключения термина и понятия в современной России / Миграционный кризис: международное сотрудничество и национальные стратегии. Под ред. В.С. Малахова, М.Е. Симона. М., 2017.
- Дятлов В.И., Нам И.В.* Национально-культурные организации в этнической и мигрантской инфраструктуре сибирского города (на примере Томска и Иркутска) // *Идеи и идеалы.* 2021. Т. 13. № 1. Ч. 2.
- Еленевская М., Фиалкова Л.* «Русская улица в еврейской стране». Исследование фольклора эмигрантов 1990-х гг. в Израиле. В 2-х частях. М., 2005.
- Забродская А., Эхала М.* Что для меня Эстония? Об этнолингвистической витальности русскоязычных // *Диаспоры.* 2010. № 1.
- Зевелёв И.* Соотечественники в глобальной политике на постсоветском пространстве // *Россия в глобальной политике.* 2008. № 1.
- Кауринкоски К.* Греки Приазовья: особенности этнокультурной идентичности // *Диаспоры.* 2002. № 1.
- Кожирова С.Б.* Диаспоральная политика КНР // *Международные исследования. Общество. Политика. Экономика.* Институт социально-политических исследований Казахстана. 2010. № 1.
- Колсто П.* Укореняющиеся диаспоры: русские в бывших советских республиках // *Диаспоры.* 2000. № 1. Пер. с англ. Н.П. Космарской.
- Космарская Н.П.* «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992–2002). М., 2006.
- Космарская Н.П.* Диаспора // *Большая Российская Энциклопедия.* Т. 8. М., 2007.

- Космарская Н.П.* Об этничности как факторе размежевания в постсоветских обществах // *Неприкосновенный запас. Диалоги о политике и культуре*. М., 2009. № 4.
- Космарская Н.П., Савин И.С.* Судьба русского языка в Казахстане: возможности и барьеры использования российской «мягкой силы» // *Восток (Oriens)*. М., 2020. № 5.
- Космарская Н.П.* Идентичность потомков русско-армянских смешанных браков в крупных городах России // *Антропология и этнология: современный взгляд*. Отв. ред. А.В. Головнёв, Э.-Б.М. Гучинова. М., 2021.
- Кузнецов Д.* Арабская и еврейская общины Франции как фактор ее ближневосточной политики // *Диаспоры*. М., 2004. № 3.
- Ларин А.* Китайцы зарубежья в политике Пекина // *Диаспоры*. М., 2006. № 2.
- Ларюэль М., Пе́йруз С.* «Русский вопрос» в независимом Казахстане: история, политика, идентичность. Пер. с фр. Т. Григорьевой. Литературная обработка, научная редакция и предисловие Н. Космарской. М., 2007.
- Мамедов Г.* Русский язык в Кыргызстане: дискурс и нарративы. 27.09.2012 (URL: <http://www.art-initiatives.org/&p=3759>).
- Молодикова И.* «Этнизация» миграционной политики ЕС странами Центральной Европы и влияние этого процесса на миграционные потоки из сопредельных восточноевропейских стран // *Двадцать лет спустя. 1991–2011. Реорганизация пространства и идентичности. Материалы международного конгресса*. Москва, 29 сентября — 1 октября 2011. М., 2012.
- Новые диаспоры. Государственная политика по отношению к соотечественникам и национальным меньшинствам в Венгрии, Украине и России. Под ред. В. Мукомеля и Э. Паина. М., 2002.
- Носенко-Штейн Е.* Дома или в диаспоре? Израиль в культурной памяти российских евреев ; *ее же*. «Передайте об этом детям вашим, а их дети следующему роду». Культурная память у российских евреев в наши дни. М., 2013.
- Отношение к России в Центральной Азии (история, политика, культура). Отв. ред. Н.П. Космарская. М., 2021.

- Паносян Р.* Непростое прошлое, трудное настоящее, туманное будущее (отношения Армении и диаспоры в 1988–1999 гг.) // Диаспоры. 2000. № 1–2. Пер. с англ. Н.П. Космарской.
- Рейтблат А.И.* Диаспоры и «диаспоры» (обзор журнала «Диаспоры») // Новое литературное обозрение. 2014. № 3.
- Румянцев С.* Дискурсивные практики производства этнонациональной «диаспоры» (азербайджанцы в Германии) // Диаспоры. 2008. № 2.
- Румянцев С.* Время диаспоры: национальное государство и политика конструирования этнонационального сообщества // Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире. Материалы международной научной конференции. Под ред. В. Малахова, В. Тишкова, А. Яковлева. М., 2011.
- Румянцев С., Барамидзе Р.* Азербайджанцы и грузины в Ленинграде и Санкт-Петербурге: как «конструируются» диаспоры // Диаспоры. 2008. № 2 (часть первая); 2009. № 1 (часть вторая).
- Румянцев С.* Реванш симулякра: бюрократические и дискурсивные стили воображения азербайджанской диаспоры // Миграционный кризис: международное сотрудничество и национальные стратегии / Под ред. В.С. Малахова и М.Е. Симона. М., 2017.
- Савин И.С.* Молодежь Казахстана и Киргизии о роли России в национальной истории // Отношение к России в Центральной Азии (история, политика, культура) / Отв. ред. Н.П. Космарская. М., 2021.
- Сафран У.* Сравнительный анализ диаспор. Размышления о книге Робина Козна «Мировые диаспоры» // Диаспоры. 2004. № 3; 2005. № 1.
- Славецкий В.* Диаспоры этнических поляков во внешней политике Польши // Международные исследования. Общество. Политика. Экономика. Институт социально-политических исследований Казахстана. Алма-Ата, 2010.
- Соколовский С.В.* Корни и крона (мистика и метафизика в конструировании статуса «коренных народов») // Этнографическое обозрение. 2000. № 3.

- Суслов М.Д. Русский мир: политика России в отношении соотечественников за рубежом // Русский мир в меняющемся мире/ Отв. ред. и сост. Г.А. Комарова. М., 2018.
- Тарасов И.Н. Правый радикализм и факторы ксенофобских социальных практик в Венгрии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. 2015. № 6.
- Тишков В. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2.
- Тишков В. Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // Диаспоры. 2003. № 2.
- Феррандо О. Страны Центральной Азии и их «родственные меньшинства» в регионе: от диаспоральной политики к программам репатриации // Диаспоры. 2012. № 1. Пер. с англ. Н.П. Космарской.
- Флорин М. Элиты, русский язык и советская идентичность в постсоветской Киргизии // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2011. № 6.
- Цыряпкина Ю.Н. Правовой статус и сферы применения русского языка в постсоветском Узбекистане // Отношение к России в Центральной Азии (история, политика, культура) / Отв. ред. Н.П. Космарская. М., 2021.
- Что значит быть армянином? Из нью-йоркского журнала «Ара-рат» // Диаспоры. 2000. № 1–2. Пер. с англ. с англ. Н.П. Космарской.
- Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 1. Пер. с англ. Н. Космарской.
- Эхала М., Забродская А. Этнолингвистическая витальность этнических групп стран Балтии // Диаспоры. 2011. № 1.
- Alexander C. Beyond the «Diaspora» Diaspora: a Response to Rogers Brubaker // Ethnic and Racial Studies. 2017. Vol. 40. № 9.
- Anderson B. Long-Distance Nationalism: World Capitalism and the Rise of Identity Politics. The Wertheim Lecture 1992. Amsterdam: Centre for Asian Studies, 1992.
- Anderson B. Exodus // Critical Inquiry. 1994. Vol. 20. № 2.

- Astourian S.H.* State, Homeland and Diaspora. The Armenian and Azerbaijani Cases // Central Asia and the Caucasus. Transnationalism and Diaspora / Ed. by T. Atabaki & S. Mehendale. L. & N.Y.: Routledge, 2005.
- Bakalian A.* Armenian-Americans: From Being to Feeling Armenian. N.Y.: Transaction Publishers, 1993.
- Barabantseva E., Sutherland C.* Diaspora and Citizenship: Introduction // Nationalism and Ethnic Politics. 2011. Vol. 17. № 1.
- Bissenova A.* The Fortress and the Frontier: Mobility, Culture, and Class in Almaty and Astana // Europe-Asia Studies. 2017. Vol. 69. № 4.
- Blakkisrud H.* Blurring the Boundary Between Civic and Ethnic: the Kremlin's New Approach to National Identity Under Putin's Third Term // The New Russian Nationalism. Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–2015 / Ed. by P. Kolstø & H. Blakkisrud. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016.
- Brazier J.E. & Mannur A.* Nation, Migration, Globalization: Points of Contention in Diaspora Studies // Theorizing Diaspora. A Reader / Ed. by J.E. Brazier & A. Mannur. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2003.
- Brubaker R.* National Minorities, Nationalizing States, and External National Homelands in the New Europe // Daedalus. 1995. Vol. 124. № 2.
- Brubaker R.* Migrations of Ethnic Unmixing in the «New Europe» // International Migration Review. 1998. Vol. 32. № 4.
- Brubaker R.* The «Diaspora» Diaspora // Ethnic and Racial Studies. 2005. Vol. 28. № 1.
- Brubaker R., Feischmidt M., Fox J., Grancea L.* Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2006.
- Brubaker R.* Revising the «Diaspora» Diaspora». A Response to Clair Alexander // Ethnic and Racial Studies. 2017. Vol. 40. № 9.

- Byford A.* «The Last Soviet Generation» in Britain // *Diasporas. Critical and Interdisciplinary Perspectives*/Ed. by J. Fernandez. Oxford: Inter-Disciplinary Press, 2009.
- Byford A.* The Russian Diaspora in International Relations: Compatriots in Britain // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64. № 4.
- Cavoukian K.* «Soviet Mentality»? The Role of Shared Political Culture in Relations Between the Armenian State and Russia's Armenian Diaspora // *Nationalities Papers*. 2013. Vol. 41. № 5.
- Cheskin A.* Russian-Speakers in Post-Soviet Latvia: Discursive Identity Strategies. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016.
- Clifford J.* *Diasporas* // *Cultural Anthropology*. 1994. Vol. 9. № 3.
- Connor W.* The Impact of Homelands Upon Diasporas // *Modern Diasporas in International Politics*/Ed. by G. Sheffer. L., 1986.
- Culic I.* Dilemmas of Belonging: Hungarians from Romania // *Nationalities Papers*. 2006. Vol. 34. № 2.
- Cummings S.N.* Leaving Lenin: Elites, Official Ideology and Monuments in the Kyrgyz Republic // *Nationalities Papers*. 2013. Vol. 41. № 4.
- Demmers J.* Nationalism From Without. Theorizing the Role of Diasporas in Contemporary Conflict // *Central Asia and the Caucasus. Transnationalism and Diaspora*/Ed. by T. Atabaki & S. Mehendale. L. & N.Y.: Routledge, 2005.
- Diasporas in Conflict: Peace-Makers or Peace-Wreckers?* Ed. by H. Smith & P. Stares. Tokyo: UN University Press, 2007 (рецензию на кн. см. в: Cohen R. New Roles for Diasporas in International Relations // *Diasporas. Journal of Transnational Studies*. 2005. Vol. 14. № 1).
- Djumaev A.* Nation-Building, Culture, and Problems of Ethno-Cultural Identity in Central Asia: the Case of Uzbekistan // *Can Liberal Pluralism Be Exported? Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe*/Ed. by W. Kymlicka and M. Opalski. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Dual Citizenship in Europe: From Nationhood to Societal Integration*/Ed. by T. Faist. Hampshire: Ashgate, 2007.

- Eglitis D.S., Ardava L.* The Politics of Memory: Remembering the Baltic Way 20 Years After 1989 // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64. № 6.
- Fair C.* Diaspora Involvement in Insurgencies: Insights from the Khalistan and Tamil Elam Movements // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2005. Vol. 11. № 1.
- Ferrando O.* Politics of «Diasporization» in Post-Soviet Central Asia // *Diasporas: Critical and Inter-Disciplinary Perspectives* / Ed. by J. Fernandez. Oxford: Inter-Disciplinary Press, 2009 (URL: <http://www.inter-disciplinary.net/at-the-interface/>).
- Fierman W.* Russian in Post-Soviet Central Asia: A Comparison with the States of the Baltic and South Caucasus // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64. № 6.
- Flynn M.* Renegotiating Stability, Security and Identity in the Post-Soviet Borderlands: the Experience of Russian Communities in Uzbekistan // *Nationalities Papers*. 2007. Vol. 35. № 2.
- Fox J.E.* National Identities on the Move: Transylvanian Hungarian Labour Migrants in Hungary // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2003. Vol. 29. № 3.
- Fox J.E.* From National Inclusion to Economic Exclusion: Ethnic Hungarian Labour Migration to Hungary // *Nations and Nationalism*. 2007. Vol. 13. № 1.
- Fumagalli M.* Ethnicity, State Formation and Foreign Policy: Uzbekistan and «Uzbeks Abroad» // *Central Asian Survey*. 2007. Vol. 26. № 1.
- Glover R.W.* Constructing the «Domestic Abroad»: Re-examining the Role of Diasporas in International Relations // *Diasporas. A Journal of Transnational Studies*. 2007. Vol 16. № 1/2.
- Grigoryan A.* The Karabakh Conflict and Armenia's Failed Transition // *Nationalities Papers*. 2018. Vol. 46. № 5.
- Han E.* Bifurcated Homeland and Diaspora Politics in China and Taiwan Towards the Overseas Chinese in Southeast Asia // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019. Vol. 45. № 4.
- Homelands and Diasporas*. Ed. by A. Levy & A. Weingrod. Stanford: Stanford University Press, 2005.

- Jašina-Schäfer A.* Ethnic Belonging in Post-Soviet Borderlands. Russian-Speakers in Estonia and Kazakhstan. Lanham: Lexington Books, 2020.
- Karabegović D.* Who Chooses to Remember? Diaspora Participation in Memorialization Initiatives // *Ethnic and Racial Studies*. 2019. Vol. 42. № 11.
- Kirmse S.* «Nested Globalization» in Osh, Kyrgyzstan: Urban Youth Culture in a «Southern» City // *Urban Spaces After Socialism. Ethnographies of Public Spaces in Eurasian Cities*. Ed. by Ts. Darieva, W. Kaschuba & M. Krebs. Frankfurt–N.Y.: Campus, 2011.
- Kirmse S.B.* Youth and Globalization in Central Asia: Everyday Life Between Religion, Media, and International Donors. Berlin: Campus Verlag, 2013.
- Koinova M.* Kin-State Intervention in Ethnic Conflicts: Albania and Turkey Compared // *Ethnopolitics*. 2008. Vol. 7. № 4.
- Koinova M.* Conditions and Timing of Moderate and Radical Diaspora Mobilization: Evidence from Conflict-Generated Diasporas // *Global Migration and Transnational Politics*. George Mason University. Working Paper № 9, October 2009 [www.cgs.gmu.edu].
- Koinova M.* Diasporas and Secessionist Conflicts: the Mobilization of the Armenian, Albanian and Chechen Diasporas // *Ethnic and Racial Studies*. 2011. Vol. 34. № 2.
- Koinova M.* Can Conflict-Generated Diasporas be Moderate Actors during Episodes of Contested Sovereignty? Lebanese and Albanian Diasporas Compared // *Review of International Studies*. 2011. Vol. 37. № 1.
- Koinova M.* Sending States and Diaspora Positionality in International Relations // *International Political Sociology*. 2018. Vol. 12.
- Koinova M.* Diaspora Mobilization for Conflict and Post-Conflict Reconstruction: Contextual and Comparative Dimensions // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2018. Vol. 44. № 8.
- Koinova M.* Diaspora Coalition-Building for Genocide Recognition: Armenians, Assyrians and Kurds // *Ethnic and Racial Studies*. 2019. Vol. 42. № 11.

- Kolsto P.* Territorialising Diasporas: The Case of Russians in the Former Soviet Republics // *Millennium. Journal of International Studies*. 1999. Vol. 28. № 3.
- Kosmarskaya N.* Post-Soviet Russian Diaspora // *Encyclopedia of Diasporas. Immigrant and Refugee Cultures around the World*. Vol. I. Ed. by M. Ember, C. Ember & I. Skoggard. N.Y.: Kluwer Academic Publishers, 2004.
- Kosmarskaya N.* Russia and Post-Soviet «Russian Diaspora»: Contrasting Visions, Conflicting Projects // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2011. Vol. 17. № 1.
- Kosmarskaya N.* Russians in Post-Soviet Central Asia: More «Cold» than the Others? Exploring (Ethnic) Identity Under Different Socio-Political Settings // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2014. Vol. 35. № 2.
- Kosmarskaya N., Kosmarski A.* Russian Culture in Central Asia as a Trans-Ethnic Phenomenon // *Global Russian Cultures* / Ed. by K. Platt. Madison: University of Wisconsin Press, 2019.
- Kosmarski A.* Grandeur and Decay of the «Soviet Byzantium»: Spaces, Peoples, and Memories of Tashkent, Uzbekistan // *Urban Spaces After Socialism. Ethnographies of Public Places in Eurasian Cities* / Ed. by Ts. Darieva, W. Kaschuba & M. Krebs. Frankfurt–N.Y.: Campus, 2011.
- Kovács E.* Direct and Indirect Political Remittances of the Transnational Engagement of Hungarian Kin-Minorities and Diaspora Communities // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2020. Vol. 46. № 6.
- Kuzio T.* «Nationalizing States» or Nation-Building? A Critical Review of the Theoretical Literature and Empirical Evidence // *Nations and Nationalism*. 2001. Vol. 7. № 2.
- Laruelle M.* The «Russian World». Russia's Soft Power and Geopolitical Imagination. Centre on Global Interests, May 2015.
- Laruelle M.* Misinterpreting Nationalism. Why Russkii is Not a Sign of Ethnonationalism. PONARS Eurasia Policy Memo № 416. January 2016.
- Lewis D.* «Illiberal Spaces»: Uzbekistan's Extraterritorial Security and the Spatial Politics of Contemporary Authoritarianism // *Nationalities Papers*. 2015. Vol. 43. № 1.

- Liu M.Y.* Under Solomon's Throne. Uzbek Visions of Renewal in Osh. Pittsburgh: University of Pittsburg Press, 2012.
- Lyons T.* Diasporas and Homeland Conflict // *Territoriality and Conflict* / Ed. by M. Kahler & B. Walter. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Melvin N.* The Russians: Diaspora and the End of Empire // *Nations Abroad. Diaspora Politics and International Relations in the Former Soviet Union* / Ed. by Ch. King & N.J. Melvin. Boulder: Westview Press, 1998.
- Molchanov M.* A Squeezed Country. Ukraine Between Europe and Eurasia // *Neighbourhood Perceptions of the Ukraine Crisis. From the Soviet Union to Eurasia?* / Ed. by G. Besier & K. Stoklosa. N.Y.: Routledge, 2017.
- Morawska E.* «Diaspora» Diasporas' Representations of Their Homelands: Exploring the Polymorphs // *Ethnic and Racial Studies*. 2011. Vol. 34. № 6.
- The New European Diasporas: National Minorities and Conflict in Eastern Europe. Ed. by M. Mandelbaum. N.Y.: Council on Foreign Relations Press, 2000.
- Nosenko-Stein E.* Still Warm but Getting Colder: Changing Ethnic Identity of Post-Soviet Jewry // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2014. Vol. 35. № 2.
- Nyiri P.* Expatriating is Patriotic? The Discourse on «New Migrants» in the People's Republic of China and Identity Construction Among Recent Migrants from the PRC // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2001. Vol. 27. № 4.
- Oh Ch.J.* Diaspora Nationalism: The Case of Ethnic Korean Minority in Kazakhstan and Its Lessons from the Crimean Tatars in Turkey // *Nationalities Papers*. 2006. Vol. 34. № 2.
- Ohanyan A.* The Promise and the Perils of Dual Citizenship: The Case of Post-Communist Armenia // *Diaspora. A Journal of Transnational Studies*. 2004. Vol. 13. № 2/3.
- Pogonyi Sz.* The Passport as Means of Identity Management: Making and Unmaking Ethnic Boundaries Through Citizenship // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019. Vol. 45. № 6.
- Ragazzi F.* A Comparative Analysis of Diaspora Policies // *Political Geography*. 2014. Vol. 41.

- Remennick L.* Russian Jews on Three Continents: Identity, Integration and Conflict. New Brunswick & L.: Transaction Publishers, 2007.
- Ruget V., Usmanalieva B.* Citizenship, Migration and Loyalty Towards the State: A Case-Study of the Kyrgyzstani Migrants Working in Russia and Kazakhstan // Central Asian Survey. 2008. Vol. 27. № 2.
- Rumyansev S.* Post-Soviet Nation-State as a Sponsor of Construction of the Ethno-National Diaspora: Azeri's Case // Revue européenne des migrations internationales (REMI). 2010. Vol. 26. № 3.
- Safran W.* Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // Diaspora. A Journal of Transnational Studies. 1991. Vol. 1. № 1.
- Sairambay Y.* Post-Soviet Russian Nation-Building: «Purposefully Ambiguous» or «Sufficiently Flexible» with a «Russian Flavour»? // Slavonica. 2019. Vol. 24. № 1–2.
- Saunders R.A., Ding Sh.* Digital Dragons and Cybernetic Bears: Comparing the Overseas Chinese and Near Abroad Russian Web Communities // Nationalism and Ethnic Politics. 2006. Vol. 12. № 2.
- Sheffer G.* Diaspora Politics: At Home Abroad. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Shevel O.* Russian Nation-Building from Yel'tsin to Medvedev: Ethnic, Civic or Purposefully Ambiguous? // Europe-Asia Studies. 2011. Vol. 63. № 2.
- Shevel O.* The Politics of Citizenship Policy in Post-Soviet Russia // Post-Soviet Affairs. 2012. Vol. 28. № 1.
- Stewart M.* The Hungarian Status Law: a New European Form of Transnational Politics // Diaspora. A Journal of Transnational Studies. 2003. Vol. 12. № 1.
- Tölölyan Kh.* The Nation-State and Its Others: In Lieu of a Preface // Diaspora. A Journal of Transnational Studies. 1991. Vol. 1. № 1.
- Tuncel T.K.* «The Desirable Compatriot»: Armenia's Diaspora Policy and Engineering of the Diasporan-Armenian Identity. Paper presented at the international conference «Twenty Years Later (1991–2011): the Reshaping of Space and Identity», Moscow,

- 29 September — 1 October 2011. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences.
- Umetbaeva D.* Paradoxes of Hegemonic Discourse in Post-Soviet Kyrgyzstan: History Textbooks and History Teachers' Attitudes Towards the Soviet Past // *Central Asian Affairs*. 2015. Vol. 2. № 3.
- Van Hear N., Cohen R.* Diasporas and Conflict: Distance, Contiguity and Spheres of Engagement // *Oxford Development Studies*. 2017. Vol. 45. № 2.
- Vertovec S.* The Political Importance of Diasporas // *Migration Information Source*. June 1, 2005. URL: <http://www.migrationinformation.org/Feature/print.cfm?ID=313>.
- Waterbury M.* Internal Exclusion, External Inclusion: Diaspora Politics and Party Building Strategies in Post-Communist Hungary // *East European Politics and Societies*. 2006. Vol. 20. № 3.
- Waterbury M.* Uncertain Norms, Unintended Consequences: The Effects of EU Integration on Kin-State Politics in Eastern Europe // *Ethnopolitics*. 2008. Vol. 7. № 2–3.
- Waterbury M.* From Irredentism to Diaspora Politics: States and Transborder Ethnic Groups in Eastern Europe. *Global Migration and Transnational Politics*. George Mason University. Working Paper № 6, July 2009 [www.cgs.gmu.edu].
- Waterbury M.* Bridging the Divide: Towards a Comparative Framework for Understanding Kin State and Migrant Sending State Diaspora Politics // *Diasporas and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods* / Ed. by R. Bauböck and Th. Faist. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010.
- Waterbury M.* Between State and Nation. *Diaspora Politics and Kin-State Nationalism in Hungary*. N.Y.: Palgrave MacMillan, 2010.
- Waterbury M.* Kin-State Politics: Causes and Consequences // *Nationalities Papers*. 2020. Vol. 48. № 5.
- Xavier C. Experimenting With Diaspora Incorporation: The Overseas Citizenship of India // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2011. Vol. 17. № 1.

- Zabrodszkaja A., Ehala M.* Inter-Ethnic Processes in Post-Soviet Space: Theoretical Background // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2014. Vol. 35. № 2 (введение к специальному номеру журнала «Горячие» и «холодные» этничности в постсоветском пространстве).
- Zakariás I.* Othering and Recognition: National Ideologies in Donor-Recipient Encounters in Hungarian Co-Ethnic Philanthropy // Revue européenne des migrations internationales. 2019. Vol. 35. № 1-2.
- Zevelev I.* Russia and Its New Diasporas. Wash., D.C.: United States Institute of Peace Press, 2001.

Научное издание

Космарская Наталья Петровна

**ПОСТСОВЕТСКИЕ ДИАСПОРЫ:
ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, ИДЕНТИЧНОСТЬ**

Монография

Редактор *Н. А. Сидоркина*
Дизайнер обложки *П. А. Трошина*
Верстальщик *О. Н. Морозова*
Корректор *Н. А. Сидоркина*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 25.06.2022. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 17,5. Тираж 500 экз. Заказ № 2269–22.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)
Научно-издательский центр, заведующий Ш. Р. Кашаф
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах,
изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии ООО «Амирит»

410004, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88

Тел.: +7(800)700-86-33, +7(8452)24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru. Вебсайт: <http://amirit.ru>